МВ и ССО РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА УРАЛЕ

(1917—1932 годы)

СВЕРДЛОВСК
1974

МВ и ССО РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА УРАЛЕ

(1917—1932 годы)

ОБ ОПЫТЕ РУКОВОДСТВА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БОРЬБОЙ ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ БУРЖУАЗИИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

СВЕРДЛОВСК
1974

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. М. Горького

Л. А. ЕВДОКИМОВ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Классовая борьба в уральской деревне была предметом исследования многих историков[1]. Несмотря на это, особенности крестьянского движения на Урале еще недостаточно изучены. Автор данной статьи, не претендуя на полное освещение проблемы, на основе опубликованных работ, новых архивных документов и материалов местной прессы 1917 г. делает попытку охарактеризовать формы классовой борьбы уральского крестьянства накануне Октября.

* * *

Февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила аграрного вопроса в России. Временное правительство, стремясь сохранить собственность крупных землевладельцев, откладывало решение вопроса о земле до Учредительного собрания, срок же созыва последнего оттягивался. Такая политика находи-

[1] А. Д. Антонов. К истории крестьянского движения в Пермской губернии весной и осенью 1917 г.— «Научн. тр. Пермск. горного ин-та». Сб. 1, 1956; И. С. Капцугович. Крестьянское движение в Пермской губернии в 1917 г.— В кн.: 1917 год на Урале. Пермь, 1957; Д. М. Шнейдер. Крестьянское движение в Башкирии накануне Великой Октябрьской социалистической революции (февраль — октябрь 1917 г.).— «Учен. зап. Башкирск. ун-та», 1957, вып. 1; Е. С. Садырина. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957; П. М. Власенко. Большевики Оренбуржья в борьбе за власть Советов.— «Учен. зап. гуманитарных кафедр Орск. пед. ин-та», 1962; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967; Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, М. Л. Гантман, И. С. Капцугович. Урал в огне революции. Пермь, 1967; Н. К. Лисовский. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966; Е. И. Дударь. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 — июнь 1918 гг.).— «Учен. зап. Оренбургск. пед. ин-та», 1967, вып. 24; Л. И. Легошин. Большевики и крестьянское движение на Урале накануне Октябрьской революции.— В кн.: Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968; Л. В. Катаев. Крестьянское движение на Урале и в Зауралье в 1917 г. (март — октябрь).— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. 4. Челябинск, 1969.

ла полную поддержку у мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков.

Наиболее популярной среди уральского крестьянства была партия социалистов-революционеров. Об этом говорит тот факт, что в первые месяцы революции не менее трех четвертых партийных организаций, имевшихся в деревне, были эсеровскими[2]. Не подозревая, что эсеры пошли на сделку с помещиками и буржуазией и не помышляют о проведении аграрных преобразований, крестьянство верило в их программу социализации земли и нередко соглашалось подождать решений Учредительного собрания. Об этом свидетельствуют постановления крестьянских съездов, проходивших весной 1917 г.

Необходимо было разоблачить соглашательскую сущность мелкобуржуазных партий, разъяснить крестьянам смысл происходивших в стране событий, сплотить их вокруг пролетариата и повести к социалистической революции.

Большую роль в борьбе за крестьянские массы сыграли «Апрельские тезисы» В. И. Ленина и решения VII Апрельской конференции РСДРП (б). В резолюции по аграрному вопросу указывалось, что «партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.)»[3].

Значительное внимание аграрному вопросу уделяли уральские большевики. Выступая на Первой (свободной) конференции РСДРП (б), состоявшейся в апреле 1917 г., делегаты указывали на сложность земельных отношений на Урале и на необходимость поддержать крестьян в их стремлении немедленно разрешить вопрос о земле[4].

Несмотря на недостаток партийных кадров, большевики Урала посылали в деревню агитаторов и организаторов, устанавливали связи с возвращавшимися домой революционно настроенными солдатами. Весной 1917 г. работу в деревне вели партийные организации Екатеринбурга, Миньяра, Верхней Туры, Нязепетровска, Мотовилихи, Невьянска, Челябинска, Уфы и других городов. При Невьянском, Чусовском, Челябинском Советах рабочих и солдатских депутатов для ведения агитации и пропаганды в деревне были созданы коллективы пропагандистов[5]. Уже в марте члены Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов выезжали в села для проведения собраний и разъяснений программы большевиков. Так, в с. Птичьем Челябинского уезда выступал С. М. Цвиллинг. Под его председательством земское собрание, проходившее 14 марта в с. Шумиха, отстранило от должности

---

[2] См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, стр. 188.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 1. М., 1970, стр. 443.

[4] СПА, ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 76.

[5] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 360, л. 9; д. 479, л. 11, 12; «Думы Урала», 1917, 26 апреля.

уездного комиссара [6]. В мае в Алапаевске, Н.-Синячихе по вопросам текущего момента и о программе большевиков перед рабочими и крестьянами окружающих деревень выступил Н. Г. Толмачев [7]. В свою очередь, крестьяне, стремясь услышать слово правды, приглашали на свои собрания большевиков, обращались с просьбой прислать программу партии и литературу. В апреле крестьяне с. Верхние Чусовские Городки Пермского уезда просили Лысьвенский исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов «послать человека для освещения происходящих событий в стране». Активную работу среди крестьян Обвинского края Соликамского уезда вели большевики, члены Чермозского Совета рабочих и солдатских депутатов [8].

Под влиянием большевиков, революционной борьбы рабочего класса, солдат трудовое крестьянство Урала становится на путь революционного разрешения вопроса о земле. Особенно активно включились в борьбу за землю крестьяне горнозаводских уездов и районов помещичьего землевладения, где сильнее всего сказывались малоземелье и полукрепостнические формы эксплуатации со стороны горнозаводчиков и помещиков. Эта первая, по словам В. И. Ленина, социальная война [9] занимала доминирующее положение в уральской деревне вплоть до Октябрьской социалистической революции.

В марте крестьяне громили помещичьи имения, совершали порубки в господских и казенных лесах, избивали управляющих, переизбирали местные органы власти. Волнениями были охвачены крестьяне горнозаводских (Екатеринбургского, Красноуфимского, Пермского, Златоустовского, Соликамского), а также земледельческих уездов (Осинского, Оханского, Мензелинского), в которых имелись наиболее крупные помещичьи латифундии. В Билимбаевском и Сысертском горных округах Екатеринбургского уезда они запретили заводоуправлениям производить лесные заготовки. Нязепетровский волостной сход Красноуфимского уезда потребовал от лесничего Нязепетровской дачи оставить службу и разоружить лесную стражу. Как и в революции 1905—1907 гг., крестьяне Крыловской волости Осинского уезда разогнали администрацию, устранили княжескую стражу и взяли в свои руки управление лесной дачей. В Златоустовском уезде Уфимской губернии крестьяне села Рудничного произвели массовую порубку леса [10].

Правительство было встревожено революционным движением крестьянства и для его подавления неоднократно посылало вой-

---

[6] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 479, л. 11, 12, 18, 19.

[7] См.: «Уральская правда», 1917, 17 июня.

[8] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 320, л. 15; «Пермская жизнь», 1917, 8 июня.

[9] См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 282, 283.

[10] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 149, л. 91; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 454, л. 22, 23; Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1957, стр. 170; СПА, ф. 41, оп. 1, д. 425, л. 13; д. 476, л. 6; Борьба за Советскую власть на Южном Урале. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1957, стр. 72.

ска. Одновременно с этим, чтобы успокоить крестьянские массы, отвлечь их от борьбы, оно прибегало к тактике лавирования, обмана, объявив в постановлении 19 марта 1917 г. о необходимости аграрной реформы. Для ее подготовки при министре земледелия решено было создать земельный комитет [11]. 21 апреля было принято «Постановление об учреждении земельных комитетов».

Буржуазное правительство не случайно заговорило о земельных комитетах. Идея их создания для революционного решения аграрного вопроса пользовалась большой популярностью в деревне. В годы первой русской революции В. И. Ленин, большевики указывали на необходимость революционных крестьянских комитетов, которым предназначалась особая роль в организации крестьянских масс, в сплочении их вокруг пролетариата, в разрешении вопроса о земле и демократической власти [12].

В 1917 г. земельные комитеты стали возникать сразу же после февральской революции. Постановлением от 21 апреля правительство стремилось взять организацию их в свои руки и, кроме того, придать будущей земельной реформе видимость «демократического», «народного» преобразования. На самом же деле оно отводило комитетам роль посредников между крестьянами и помещиками, намереваясь «примирить» их интересы и тем самым отвлечь крестьян от революционной борьбы. Постановление от 21 апреля вменяло в обязанность комитетам «собирание сведений о местных земельных порядках и земельных нуждах населения и в течение переходного периода, до проведения реформы в Учредительном собрании, — решение споров и недоразумений по земельным делам» [13]. Таким образом, земельные комитеты должны были сохранить в неприкосновенности старые земельные отношения.

В соответствии с решением правительства при министерстве земледелия создавался Главный земельный комитет из 65 постоянных членов: 27 человек «по приглашению Временного правительства» и 6 — от политических партий кадетов и правее их стоящих [14]. В первом составе совета Главного земельного комитета три партии — кадетов, трудовиков и эсеров — были представлены поровну. После I Всероссийского съезда крестьянских депутатов и введения в совет 12 представителей крестьян эсеры заняли в нем большинство [15]. Эсеры преобладали в губернских и уездных земельных комитетах. Вполне понятно, что они поддерживали аграрную политику Временного правительства. Такую же

---

[11] См.: «Думы Урала», 1917, 25 марта.

[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 154, 155.

[13] Земельные комитеты. Постановления Временного правительства. М., 1917, стр. 3.

[14] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 431.

[15] См.: П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. 1. М., 1966, стр. 295.

позицию занимало эсеровское руководство губернских и уездных Советов крестьянских депутатов.

Повсеместную организацию волостных комитетов Временное правительство считало необязательной. Их следовало создавать по решению уездных комитетов в тех волостях, где трудящееся крестьянство становилось на путь революционной борьбы. Предотвратить революционное движение масс и должны были волостные комитеты. Так, Екатеринбургский уездный комиссар получил указание Временного правительства о необходимости «сообщить об организации земельных комитетов по всем неблагополучным в аграрном отношении районам... уезда»[16].

Однако принятые Временным правительством меры против «аграрных беспорядков» не могли остановить нарастания революционного движения в деревне. Крестьянство требовало немедленного удовлетворения своих нужд за счет помещичьих, удельных, монастырских и других земель нетрудового пользования. В апреле 1917 г. борьба за землю особенно обострилась в Уфимском, Бирском, Стерлитамакском уездах Уфимской губернии, Камышловском, Осинском, Оханском, Соликамском — Пермской и Сарапульском — Вятской губернии. Комиссар Соликамского уезда сообщал в Пермь, что «...в апреле месяце граждане Обвинского края на волостных сходах под влиянием большевистской агитации приняли постановление захватного характера: «Охрану всех земель и лесов гр. Строганова взять в свои руки, точно так же и управление ими и заведование передать земельному комитету»[17]. 13 апреля крестьяне Александро-Рождественской волости под руководством посланца Мотовилихинского Совета рабочих депутатов П. Е. Деменева и при участии солдат-отпускников захватили имение Полежаева, разогнали служащих, лесную стражу, «отобрали конторские книги и опечатали все делопроизводство имения». На волостном сходе они заявили, что «...никаких законов... не признают, земля и лес — наши»[18].

Начиная с мая в крестьянском движении Урала появляются новые черты. Волостные Советы крестьянских депутатов, земельные комитеты в ряде мест объявили о переходе земель и лесов в их распоряжение, т. е. на практике начали проводить конфискацию земли. Эти решения принимались вопреки постановлениям крестьянских съездов, проходивших под руководством эсеров. I Пермский губернский крестьянский съезд Советов, состоявшийся 15—19 мая 1917 г., призвал крестьян «бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса»[19]. Незадолго до этого Усть-Сылвенский волостной Совет

[16] «Думы Урала», 1917, 31 мая.

[17] ЦГАОР, ф. 398, оп. 2, д. 121, л. 211.

[18] «Известия Пермского губернского Совета крестьянских депутатов», 1917, 18 июня.

[19] Там же.

крестьянских депутатов Пермской губернии постановил снизить арендные цены на землю и цены на лес на 75%, а затем, запретив рубку леса в 10-верстной полосе от крестьянских наделов, фактически взял в свои руки Усть-Сылвенскую дачу в 23 000 *дес.*[20]

22 мая Сергиевский волостной земельный комитет Уфимской губернии решил: «Землю кн. Белосельского... разделить под хлебопашество и сенокосы»[21]. Лесничий Оханского уезда жаловался в Пермь, что Стряпунинский и Хохловский волостные земельные комитеты распоряжаются землей «по своему усмотрению и за какую угодно арендную плату»[22].

Наряду с общекрестьянским движением против крепостнических пережитков, на Урале развертывалась и вторая социальная война — между кулачеством и беднотой. Так, 5 апреля 1917 г. крестьянский сход с. Петропавловского Вятской губернии постановил: «Захватить 153 отрубных участка и этим нарушить отрубное землепользование»[23]. Затем общинники распахали земли отрубников. С апреля по июнь 1917 г. столкновения между общинниками, хуторянами и отрубниками имели место в Верхотурском, Екатеринбургском, Камышловском, Красноуфимском, Кунгурском, Осинском, Пермском, Оханском, Соликамском, Щадринском уездах Пермской губернии, Белебеевском, Златоустовском, Мензелинском, Стерлитамакском — Уфимской и Котельничском, Нолинском, Орловском, Сарапульском — Вятской губернии[24].

Весной 1917 г. крестьяне направляют свои выступления против Крестьянского поземельного банка. Они не только требуют облегчения условий аренды земли, но часто конфискуют банковские земли и делят их между собой. Так было в Сарашевской, Ермиевской и Шермейской волостях Осинского уезда, где крестьяне изъяли у банка 38 807,7 *дес.* земли. Руководство банка жаловалось губернскому и уездному земельным комитетам, что «захватчики» отказались платить деньги за пользование землей и лесом[25].

После расстрела июльской демонстрации в Петрограде Временное правительство обрушилось с массовыми репрессиями на партию большевиков, революционно настроенных рабочих и крестьян.

---

[20] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 3, д. 852, л. 56.

[21] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 606, л. 5.

[22] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 3, д. 852, л. 6.

[23] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 178б, л. 11; ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 185, д. 63, л. 44; «Вятская речь», 1917, 13 апреля.

[24] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 389, л. 27; оп. 2, д. 247, л. 29; д. 11, л. 122; д. 178б, л. 6; ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 185, д. 63, л. 217, 55, 31, 44, 216, 266; СПА, ф. 41, оп. 1, д. 459, л. 9; д. 476, л. 9; Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии, стр. 178, 277; «Вперед!», 1917, 17 мая и 3 июня; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. материалов и документов. Киров, 1957, стр. 139; «Оханский вестник», 1917, 30 апреля.

[25] ГАПО, ф. Р-367, оп. 2, д. 3, л. 28.

Крестьяне еще верили эсерам, но жизнь с каждым днем рассеивала их иллюзии о возможности получения земли путем реформы. Росту сознательности крестьянских масс способствовала и деятельность большевиков, разоблачавших предательскую сущность меньшевиков и эсеров и призывавших крестьян брать земли в свои руки, не дожидаясь Учредительного собрания. После VI съезда партии большевики разъясняли беднейшему крестьянству, что избавиться от голода и безземелия можно лишь при условии свержения власти контрреволюционной буржуазии и помещиков.

Летом и осенью работу в деревне вели большевики Екатеринбурга, Перми, Уфы, Верхней Туры, Таватуйского и Каслинского заводов, Нижнего Тагила, Челябинска и других городов и заводов Урала.

Комиссары Временного правительства сообщали, что в с. Тургояк Троицкого уезда Оренбургской губернии членом Совета рабочих и солдатских депутатов Ф. Сажиным распространялось воззвание ЦК РСДРП (б), в Мензелинском уезде Уфимской губернии член Старокаширского волостного комитета Васильев призывал население осуществлять программу большевиков [26]. Политическую агитацию в деревнях вели рабочие Мотовилихинского завода. 31 июля на собрании партийной огранизации большевиков обсуждался вопрос о работе среди крестьян. Было решено, чтобы «товарищи, ехавшие в деревню, брали с собой подходящую литературу о... цели Учредительного собрания, а также разъясняли... что только рабочий и неимущий крестьянин сможет защитить интересы крестьян в Учредительном собрании» [27].

Постепенно влияние эсеров в деревне уменьшалось, происходил переход крестьянства на сторону большевиков. Труженики села все меньше ждали решения аграрного вопроса сверху и приступали к его разрешению снизу, захватывая пашни, луга и пастбища. В июле Кунгурское сельское общество Северской волости Екатеринбургского уезда конфисковало сенокосы Сысертского завода, крестьяне с. Пестрово Белебеевского уезда изъяли у соседнего помещика 100 *дес.* земли, засеянных рожью [28].

Обострение аграрных противоречий в деревне неизбежно вело к тому, что земельные комитеты все чаще действовали вразрез с существовавшими законами: они ограничивали права крупных землевладельцев, вели переустройство земельных отношений. Например, в июле Каргинский и Нифантовский сельские комитеты Соликамского уезда Пермской губернии разделили между крестьянами все покосы, находившиеся в собственности Юрической дистанции [29]. В августе Зобовский, Михайловский, Романовский,

---

[26] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 149, л. 84, 85; оп. 6, д. 271, л. 74; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, стр. 290.

[27] ППА, ф. 620, оп. 1, д. 1, л. 3, 9.

[28] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 141, л. 163; д. 196, л. 4; ГАПО, ф. Р-695, оп. 1, д. 31, л. 31, 32; «Труд и воля», 1917, 15 июля.

[29] См.: Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии, стр. 276.

Рождественский, Добринский волостные комитеты Оренбургского уезда изъяли у частных владельцев луга, выгоны, пахотные земли[30]. Союз сельских хозяев и посевщиков Мензелинского уезда Уфимской губернии сообщал в Петроград, что при содействии волостных земельных комитетов в уезде «началось... массовое нарушение прав частных владельцев, отрубников и хуторян: отбираются земли, подготовленные под посев, сенокосы, леса самовольно вырубаются, рабочие руки принудительно сменяются», что «волостные комитеты проводят в жизнь проект большевиков»[31].

Помещики, буржуазия требовали от правительства установления контроля над земельными комитетами. Министерство внутренних дел предложило подчинить земельные комитеты комиссарам Временного правительства и юрисдикции административных судов. «Только таким путем, — говорилось в докладной записке отдела по делам управления МВД, — можно будет быстро остановить незаконные постановления отдельных комитетов»[32]. Правительство не заставило себя долго ждать и вскоре издало Постановление «О подчинении земельных и продовольственных комитетов ведению судов по административным делам»[33]. Летом и осенью сотни крестьянских активистов были брошены в тюрьмы, против многих земельных комитетов власти возбудили уголовные дела. Так, в сентябре состоялся суд над председателем Мензелинской уездной земельной управы Н. Гавриловым, членами управы М. Шамматовым и Н. Обуховым и делопроизводителем С. Герасимовым[34].

Наивысший подъем крестьянского движения приходится на сентябрь-октябрь 1917 г. К этому времени оно приобрело преимущественно организованный характер. На него оказала большое влияние общеуральская политическая забастовка рабочих 1 сентября. В Пермской губернии крестьянские выступления имели место в 8 из 12 уездов, в Уфимской—в 6 уездах из 6, в Вятской— в 9 из 11. Крестьяне в более широких масштабах применяли захват пахотной земли, пастбищ и лесов, отказывались от учета хлеба, саботировали выборы волостных земств. В горнозаводских уездах в силу того, что крестьяне не имели лесных угодий, движение носило в большинстве случаев порубочный характер. В эти месяцы в еще большей степени обострилась борьба внутри крестьянства.

По неполным данным, с марта по октябрь 1917 г. на Урале имели место 603 крестьянских выступления. О формах и периоде

---

[30] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 256, л. 39; Е. И. Дударь. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 — июнь 1918 гг.), стр. 34.

[31] ЦГАОР, ф. 406, оп. 7, д. 11, л. 66; оп. 6, д. 196, л. 10.

[32] ЦГАОР, ф. 398, оп. 2, д. 40, л. 4.

[33] ЦГАОР, ф. 398, оп. 2, д. 59, л. 6.

[34] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 196, л. 40.

наивысшего подъема борьбы уральского крестьянства с помещиками и буржуазией дает некоторое представление следующая таблица [35].

Как видно из таблицы, наиболее распространенными формами борьбы крестьян на Урале были захваты пахотных земель, лу-

Таблица

Характеристика революционного крестьянского движения на Урале в 1917 г.

Формы выступлений	Количество выступлений по месяцам								Всего
	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	
Погромы имений, массовые порубки леса, покосы, потравы лугов . . .	15	10	25	15	10	11	53	47	186
Запрещение заводам и помещикам продавать, рубить и вывозить лес	5	2	6	5	4	—	7	—	29
Захваты пашен, лугов, пастбищ и лесов	5	31	36	23	30	16	48	17	206
Борьба против хлебной монополии, проведения поземельной и сельскохозяйственной переписи	1	2	—	2	7	38	63	14	127
Смена органов власти, администрации, аресты ее представителей . .	11	8	7	5	1	1	1	1	35
Отказ от участия в выборах земств, продкомитетов	—	—	—	3	1	3	12	1	20
Итого. . . .	37	53	74	53	53	69	184	80	603

гов, пастбищ и лесов, погромы имений, массовые порубки леса, покосы и потравы лугов. Особенно широко эти формы применялись осенью 1917 г. Затем идут такие формы борьбы, как отказ от выполнения хлебной монополии, проведения учета хлеба и сельскохозяйственной переписи. Это было ответом крестьян на нежелание правительства помещиков и буржуазии разрешить аграрный вопрос.

[35] Таблица составлена на основании материалов сборников: Крестьянское движение в 1917 г. М.— Л., 1927; Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Пермь, 1957; Борьба за Советскую власть на Южном Урале. Челябинск, 1957; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Уфа, 1957; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1957; ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 142, 145, 149, 178б, 210, 215, 247; оп. 6, д. 135, 141, 196, 197, 256, 260, 389, 394, 462; оп. 7, д. 11, 12; ф. 930, оп. 1, д. 11, 71; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 454, 506; ф. 408, оп. 1, д. 295; ф. 880, оп. 3, д. 852, 1384, 1385; ф. 1284, оп. 185, д. 63; ф. 1405, оп. 345, д. IV, наряд I, II; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 266; СПА, ф. 41, оп. 1, д. 221, 255, 276, 330, 415, 425, 459, 469, 476, 479; ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 73; ГАПО, ф. Р.-695, оп. 1, д. 22, 31; ГАКО, ф. 160, оп. 1, д. 5.

Итак, изучение классовой борьбы в уральской деревне с марта по октябрь 1917 г. показывает, что она развивалась от неорганизованных стихийных выступлений к организованным Советами и крестьянскими комитетами формам борьбы (изъятие земли и лесов у крупных землевладельцев и их распределение между крестьянами). Партия большевиков сумела соединить общекрестьянскую борьбу за землю и борьбу пролетариата и крестьянской бедноты против буржуазии в единый поток и привести трудящиеся массы к победе социалистической революции.

Н. Н. ПОПОВ

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ УРАЛА С ЭСЕРАМИ И МЕНЬШЕВИКАМИ ЗА ВЛИЯНИЕ НА СОЛДАТСКИЕ МАССЫ (ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 г.)

В последние годы опубликовано несколько монографий советских историков о борьбе большевиков с мелкобуржуазными партиями в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции [1]. На Урале этот вопрос не получил еще должного освещения. Он рассматривается лишь в общих работах по истории Октября [2].

В данной статье делается попытка восполнить некоторые пробелы в изучении указанной проблемы и показать борьбу большевиков Урала с эсерами и меньшевиками за влияние на солдатские массы в предоктябрьский период.

После победы февральской буржуазно-демократической революции мелкобуржуазные массы пошли вначале за партиями эсеров и меньшевиков, выражавших интересы «мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих» [3].

В этих условиях перед большевиками встала задача привлечения на свою сторону трудящихся, а также солдатских масс. В. И. Ленин подчеркивал, что «...если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе» [4].

На армии влияние мелкобуржуазной идеологии отразилось особенно сильно, так как она состояла в основном из мелких соб-

---

[1] К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; П. И. Соболева. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевиков. М., 1968.

[2] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919); Победа Октябрьской социалистической революции на Урале; Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, Л. М. Гантман, И. С. Капцугович. Урал в огне революции; Н. К. Лисовский. 1917 год на Урале.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 195.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 372.

ственников-крестьян [5]. Большинство солдат пошли за эсерами, демагогически называвшими свою партию «крестьянской». В действительности они вместе с меньшевиками препятствовали немедленной передаче земли крестьянству, выступали за продолжение кровопролитной войны, проводили в Советах и солдатских комитетах политику соглашательства с буржуазией. Так, например, эсеро-меньшевистский Уральский областной Совет и Вятский гарнизонный комитет выступили против принятого Петроградским Советом Приказа № 1, ставшего знаменем в борьбе солдат за свои права [6].

Политически незрелые и доверчивые солдаты, обманутые щедрыми на посулы эсеровскими ораторами, охотно вступали в партию эсеров, тем более, что условия приема в нее были упрощены до предела. На I (Свободной) Уральской областной конференции РСДРП (б) в апреле 1917 г. представитель Уфы А. А. Юрьев говорил: «Существует партия с.-р. — у них членов больше. Они устраивают общие собрания и тут же всех желающих записывают в члены своей организации. Они сами признают, что качеством эти члены невысоки» [7]. Практика коллективного приема в члены партии явилась одной из главных причин быстрого разбухания эсеровских организаций. Так, в Екатеринбурге в середине апреля в партию эсеров была принята команда эвакуированных более чем в 2500 солдат [8]. В Перми, например, на 12 апреля в партийной организации эсеров было 300 членов, а через два месяца ее численность только в гарнизоне составляла 3500 человек [9]. В апреле в некоторых гарнизонах Урала эсеры создали полковые и ротные ячейки. В числе первых они возникли в некоторых полках Екатеринбургского и в 107 полку Пермского гарнизонов [10]. Вскоре при Екатеринбургском комитете партии социалистов-революционеров создается военная секция, а в Пермском и Екатеринбургском гарнизонах — эсеровские военные организации [11].

Пользуясь материальной и моральной поддержкой командования, эсеры развернули в гарнизонах Урала широкую пропаганду лозунгов «Доверие Временному правительству», «Война до по-

---

[5] За время первой мировой войны в русскую армию было мобилизовано 15,8 млн. человек, из них 12,8 млн.— из сельской местности. См. кн.: Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах). М., 1925, стр. 20, 79.

[6] ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 11, л. 7, 8; «Пермская жизнь», 1917, 16 и 28 марта; «Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 25 марта.

[7] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Сб. документов и материалов. Уфа, 1957, стр. 44.

[8] См.: «Уральская жизнь», 1917, 16 апреля.

[9] См.: «Пермская жизнь», 1917, 15 апреля; «Пермский вестник Временного правительства», 1917, 3 августа; «Известия Уральского Совета...», 1917, 8 августа.

[10] См.: «Уральская жизнь», 1917, 16 апреля; «Пермская жизнь», 1917, 29 апреля.

[11] См.: Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, Л. М. Гантман, И. С. Капцугович. Урал в огне революции, стр. 32; «Пермский вестник Временного правительства», 1917, 5 августа; «Известия Уральского Совета...», 1917, 8 августа; «Уральская жизнь», 1917, 11 мая.

бедного конца», «Созыв Учредительного собрания». В агитации принимали активное участие руководители местных организаций и даже лидеры партии. Так, 15 марта на заседании Совета военных организаций Уфимского гарнизона выступила одна из организаторов и руководителей партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковская [12]. Больших размеров достигла издательская работа эсеровских и меньшевистских партийных организаций — выпуск газет, брошюр, листовок, обращений. В результате соглашателям удалось навязать свои взгляды значительной части солдат гарнизонов Урала. Нужны были время и настойчивая разъяснительная работа большевиков, чтобы солдатские массы убедились в контрреволюционности Временного правительства, в лживости заверений эсеров и меньшевиков.

Уральские большевики противопоставили обману и демагогии мелкобуржуазных партий правдивое революционное слово. Екатеринбургская организация РСДРП (б), например, уже в марте издала и распространила в массах 75 тыс. экземпляров различных брошюр [13]. Несмотря на недостаток пропагандистских сил, большевики стремились принимать участие в многочисленных солдатских митингах, собраниях, беседах, часто сами их организовывали, устраивали диспуты с эсерами и меньшевиками в присутствии солдат. Так, в отчетах Пермского комитета РСДРП (б), помещенных в большевистской газете «Уральская правда», указывается, что только с 22 мая по 9 июня большевики участвовали не менее чем в 15 солдатских митингах, собраниях, беседах [14].

Большевистские организации направляли в войска самых лучших ораторов. В Екатеринбурге у солдат пользовались успехом выступления П. М. Быкова, С. А. Анучина, А. И. Парамонова, К. Г. Завьяловой, Я. М. Юровского; в Челябинске частым гостем в казармах был С. М. Цвиллинг; в Перми среди солдатских масс активно работали А. А. Анишев, М. П. Чернышев, В. И. Решетников; в Вятке — А. П. Кучкин и С. П. Барышников; в Уфе — Т. С. Кривов, Э. С. Кадомцев, А. М. Чеверев; в Шадринске — А. А. Жданов; в Глазове — Д. Е. Сулимов и М. В. Драгунов. Вооруженные решениями VII Апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б), они смело несли в солдатские массы правду ленинских идей, неустанно разоблачали оппортунистическую сущность партий эсеров и меньшевиков.

В борьбе за завоевание армии важную роль сыграла большевистская печать. В гарнизонах Урала уже в марте 1917 г. солдаты читали «Правду» [15], большой авторитет имела у них газета «Солдатская правда», орган Военной организации при ЦК партии. Так, например, в июне общее собрание 14 роты 124 полка Екатеринбургского гарнизона постановило послать «Солдатской прав-

[12] См.: «Вперед!», 1917, 21 марта.
[13] См.: «Уральская жизнь», 1917, 28 марта.
[14] См.: «Уральская правда», 1917, 1, 10, 22 июня.
[15] См.: «Вперед!», 1917, 22 марта.

де» «как правдивой выразительнице солдатских интересов»[16] 23 рубля, вырученных от продажи хлебных пайков. Большой популярностью среди солдат пользовалась газета «Уральская правда», орган Уральского областного комитета РСДРП (б). В ней значительное внимание уделялось вопросам солдатской жизни, для чего с № 7 был введен специальный «Солдатский отдел». В 19 номерах «Уральская правда» поместила 55 заметок, резолюций и сообщений[17] под этой рубрикой.

Распространению большевистских изданий всячески препятствовали эсеры и меньшевики. Возглавляемые ими Советы, полковые, ротные и командные комитеты старались задержать газеты большевиков, открывая в то же время дорогу буржуазным изданиям. Так, например, военный комитет 153 полка Кунгурского гарнизона выписывал только реакционную «Петербургскую газету», кадетскую «Речь» и черносотенную «Русскую волю»[18], которую В. И. Ленин назвал «одной из наиболее гнусных буржуазных газет»[19].Исполком соглашательского Уральского Совета задержал в начале июня несколько пачек «Солдатской правды», зато широко распространял меньшевистскую «Рабочую газету» и плехановское «Единство»[20].

Преследования, организованная травля большевистской печати вызывали законное возмущение революционных солдатских масс. 22 апреля на трехтысячном митинге солдаты Екатеринбургского гарнизона приняли резолюцию, в которой говорилось: «Буржуазные газеты натравливают рабочих, главным образом солдат, на рабочую газету «Правда», но это им не удастся»[21]. Солдаты решили организовать бойкот буржуазных газет, покупать и читать только «Уральскую правду» и другие большевистские газеты.

Новой действенной формой идейного воспитания и организационного сплочения солдат стали военные партийные организации. В мае—начале июня 1917 г. они были созданы в Екатеринбурге и Уфе. В Челябинском, Пермском, Вятском, Глазовском и Шадринском гарнизонах действовали большевистские группы. Члены военных организаций РСДРП (б) проделали огромную работу по распространению большевистских идей среди солдат уральских гарнизонов, хотя эсеры и меньшевики делали все, чтобы не допустить их в казармы. Соглашательские Советы в Перми, Кунгуре и ряде других городов приняли даже специальные резолюции, запрещавшие агитацию в воинских частях и подразделениях без разрешения исполкомов Советов[22]. Но все потуги оппортунистов оказались тщетными. Близкие и понятные массам идеи больше-

[16] См.: «Уральская правда», 1917, 22 июня.

[17] См.: «Уральский рабочий», 1917, 22 октября.

[18] См.: «Кунгурский листок», 1917, 10 июня.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 130.

[20] См.: «Уральская правда», 1917, 7 июня.

[21] Там же, 3 мая.

[22] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 270, л. 226; д. 277, л. 14, д. 368, л. 2; Ф. И. Коротаев. Кунгур в годы революции. Пермь, 1965, стр. 49.

визма проникали в казармы. Под их влиянием солдаты, убеждаясь в предательстве меньшевиков и эсеров, стали переходить на сторону большевистской партии.

В апреле — июне 1917 г. солдаты многих гарнизонов Урала приняли большевистские резолюции о войне [23]. Под влиянием большевиков они все чаще стали связывать окончание войны с переходом власти к Советам. Так, солдаты 14 роты 106 полка Вятского гарнизона на общем собрании 19 июня приняли резолюцию, в которой говорилось: «Временное правительство за истекшее время показало, что оно спасти революцию и страну не может, и потому требуем перехода всей власти в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [24]. В середине июня аналогичное требование выдвинула команда эвакуированных 126 полка Екатеринбургского гарнизона, 21 июня — уфимские солдаты [25]. «Солдатская правда» поместила на своих страницах обращение солдат Вятского гарнизона к I Всероссийскому съезду Советов, в котором выражалась надежда, что он возьмет власть в свои руки и спасет страну и революцию от «...гибели и кровавой бойни» [26]. Такие же требования предъявили съезду Советов рабочие и солдаты многих других районов страны. Но эсеро-меньшевистское большинство съезда не выполнило волю трудящихся масс. Только большевики во главе с В. И. Лениным выступили на съезде за переход власти в руки Советов.

После июльских событий в столице, положивших начало новому этапу в развитии революции, внимание эсеров и меньшевиков Урала к работе в войсках значительно усилилось. В середине июля 1917 г. состоялась I областная конференция социал-демократов, меньшевиков и объединенцев, в повестке дня которой отдельным пунктом стоял вопрос о «политической работе в армии» [27]. Вопросы военной работы тщательно обсудила Пермская губернская конференция партии эсеров, открывшаяся 30 июля [28]. Однако несмотря на принятые меры, влияние соглашателей среди солдатских масс неудержимо продолжало падать. Численность эсеровской Военной организации в Перми за короткий срок сократилась почти в 4 раза [29].

Все большее недовольство революционных солдат стала вызывать деятельность эсеро-меньшевистских Советов, противоречащая интересам трудящихся масс. Так, в Екатеринбурге в середи-

---

[23] См.: Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сб. документов и материалов. Свердловск, 1957, стр. 89; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии, стр. 145, 146; «Уральская правда», 1917, 3 мая, 17 июня; «Вперед!», 1917, 23 июня; «Союзная мысль», 1917, 8 июня.

[24] «Вятская речь», 1917, 25 июня.

[25] «Уральская правда», 1917, 17 июня; «Вперед!», 1917, 23 июня.

[26] «Солдатская правда», 1917, 28 июня.

[27] «Пермская жизнь», 1917, 15, 16 июля; «Думы Урала», 1917, 7 июля.

[28] См.: «Известия Уральского Совета...», 1917, 8 августа.

[29] См.: «Пермский вестник Временного правительства», 1917, 5 августа.

2 Заказ 316

не июля большевикам с трудом удалось предотвратить, как пишет П. М. Быков, «начавшееся уже избиение соглашательских членов Совета» [30]. В Оренбурге солдаты арестовали и 4 часа продержали под охраной председателя военной секции местного Совета эсера Чередниченко [31].

Правда ленинских идей оказалась сильнее эсеровских сказок об особом «мужицком» рае. Солдатские массы поняли, что только партия большевиков может дать им мир, хлеб и землю, и стали вступать в ее ряды. В Челябинскую организацию РСДРП (б) в начале августа за один день записалось 110 солдат [32].

Влияние большевиков среди солдатских масс значительно усилилось после разгрома корниловщины. Эсеры и меньшевики, скомпрометировавшие себя пособничеством контрреволюции, быстро теряли доверие тех самых солдат, которые в доиюльский период всецело находились под их влиянием. Вслед за Военной организацией екатеринбургских большевиков резолюцию, требующую «порвать с политикой соглашательства, приведшей нас к корниловщине» [33], приняло общее собрание 124 полка. Челябинские солдаты потребовали «выяснения вопроса об участии в корниловском заговоре министра-председателя Керенского» [34].

Расширяя свою работу среди солдатских масс, уральские большевики продолжали создавать новые военные партийные организации. В августе такая организация возникла в Перми, в сентябре — в Челябинске, в октябре — в Оренбурге и Камышлове. Оживилась деятельность Военной организации уфимских большевиков. Численность военных большевистских организаций непрерывно росла. К концу октября в гарнизонах Урала работало, по нашим подсчетам, примерно 1,5 тыс. военных большевиков.

В результате массового перехода рабочих, солдат и крестьян на сторону большевиков Уральская организация РСДРП (б), насчитывавшая 35 тыс. членов [35], стала накануне Октября самой крупной партийной организацией края. В меньшевистских организациях Урала в это время было около 11 тыс. человек [36], у эсеров несколько больше, но они разделились на два самостоятельных крыла. Осенью 1917 г. 17 из 90 эсеровских организаций Урала полностью встали на платформу левых эсеров, 33 раскололись и лишь 40 остались в руках правых эсеров [37]. Раскол партии эсе-

---

[30] Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921, стр. 92; «Уральский рабочий», 1917, 15 октября.

[31] ЦГВИА, ф. 1720, оп. 15, д. 941, ч. 1, л. 15.

[32] См.: П. В. Мещеряков. Борьба за власть Советов на Южном Урале и в Зауралье. Челябинск, 1957, стр. 8.

[33] Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции, стр. 171; «Уральский рабочий», 1917, 17 сентября.

[34] «Уральский рабочий», 1917, 29 сентября.

[35] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 247.

[36] См.: «Вольный Урал», 1917, 4 октября.

[37] См.: К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции, стр. 164.

ров явился выражением недовольства трудящихся масс политикой соглашательства с буржуазией.

Результаты борьбы большевиков Урала за солдатские массы нашли отражение в итогах выборов в Учредительное собрание, состоявшихся во второй половине ноября. В Екатеринбурге большевики получили 77,4% солдатских голосов, тогда как эсеры и меньшевики — 10,9%; в Перми соответственно — 54,9 и 28,9, в Челябинске — 73,4 и 15,8, в Вятке — 68,7 и 22,6, в Кунгуре — 72,7% и 10,5% [38].

В. И. Ленин, анализируя итоги выборов в Учредительное собрание, сделал вывод о том, что вся армия уже к октябрю-ноябрю 1917 г. была наполовину большевистской [39]. Этот вывод полностью относится и к гарнизонам Урала. Окончательное привлечение солдатских масс на сторону социалистической революции позволило большевикам Урала быстро и бескровно, за исключением южных районов, осуществить переход власти к Советам.

---

[38] См.: «Уральский рабочий», 1917, 5 декабря; «Пролетарское знамя», 1917, 19 ноября и 2 декабря; «Известия Челябинского Военно-Революционного Комитета», 1917, 2 декабря; П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 239; «Кунгурский листок», 1917, 29 ноября.

[39] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 9.

И. Ф. ПЛОТНИКОВ

В. И. ЛЕНИН О КОЛЕБАНИЯХ И ПОВОРОТЕ СРЕДНЕГО КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛА И СИБИРИ НА СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В последние годы историки все чаще ставят и решают вопрос о процессе изживания средним крестьянством Урала и Сибири колебаний в ходе гражданской войны и времени перехода середняка на сторону пролетарской диктатуры. Однако этот сложный вопрос остается недостаточно изученным. На наш взгляд, существующие в литературе «белые пятна» и серьезные противоречия в решающей степени объясняются недостаточным анализом ленинского теоретического наследия по этой проблеме.

Ленинские произведения являются важнейшим источником, методологической основой исследований и первыми трудами, в которых дана разработка истории гражданской войны. Недостаточное внимание к ним ведет нередко к неправильным выводам.

В исторической литературе относительно времени перехода сибирского середняка на сторону Советской власти существуют различные точки зрения. Так, Л. М. Спирин считает, что только «с весны 1919 г. в Сибири стали складываться условия для создания союза рабочих и большинства крестьян» [1], что в «центральных районах, составляющих главную базу революции, пролетариат завоевал на свою сторону большинство крестьянства к осени 1919 года, а в других местах позже, в частности, на юго-востоке страны» [2].

В. И. Погудин относит поворот середняка Сибири на сторону Советов к осени 1919 г.[3] В. А. Кадейкин полагает, что это произошло раньше, чем во многих центральных районах страны. Он пишет: «К началу 1919 г. (а не весной или даже летом 1919 г.) поворот основных масс крестьянства Сибири в сторону Советской

---

[1] Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 136.

[2] Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 40.

[3] См.: В. И. Погудин. Проблема союза рабочего класса и крестьянства в советской историографии.— «Вопросы истории», 1970, № 7, стр. 11.

власти отчетливо определился, хотя и не закончился»; «ко времени третьей конференции большевиков Сибири (март 1919 г.) ...новый поворот середняка, изжившего свои колебания, в сторону Советской власти стал фактом» [4]. Подобной же точки зрения придерживается М. И. Стишов [5].

П. И Рощевский считает, что «почти сразу же после контрреволюционного переворота, уже с июня-июля 1918 года, основная масса крестьянства вступила в конфликт с буржуазно-эсеровской властью» [6]. Далее: «Поворот основной массы середняков в сторону Советской власти обозначился, как и в европейской России, осенью 1918 года...» [7].

О. А. Васьковский отмечает, что «в течение 1918 г. окончательный перелом в пользу Советской власти в уральской деревне еще не наступил, что в основном среднее крестьянство выступало на стороне контрреволюции или в лучшем случае оставалось нейтральным», что «крестьянству Урала предстояло еще пережить жестокий опыт колчаковщины, чтобы полностью осознать свои классовые интересы и окончательно перейти на сторону Советской власти» [8]. В другом месте О. А. Васьковский пишет, что колчаковщина «окончательно рассеяла соглашательские иллюзии» крестьянства, что контрреволюционная диктатура и собственный опыт «создали предпосылки для массового поворота крестьянства на сторону Советской власти» [9].

Как видно из приведенных выше высказываний, исследователи приходят к самым различным выводам о процессе революционизирования и времени перехода на сторону Советов среднего крестьянства Урала и Сибири. Это во-первых. Во-вторых, некоторые из них рассматривают переход середняцких масс на сторону диктатуры пролетариата как единовременный, окончательный и полный, всеобщий по охвату различных слоев трудящегося крестьянства. В-третьих, авторы в подкрепление своих слов опираются не на совокупность теоретического наследия В. И. Ленина, а на его отдельные высказывания, подчас не относящиеся к рассматриваемым районам и этапам гражданской войны.

---

[4] В. А. Кадейкин. Сибирь непокоренная. (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово, 1968, стр. 31.

[5] См.: М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962, стр. 164, 165, 175, 180.

[6] П. И. Рощевский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966, стр. 139.

[7] Там же, стр. 157, 158.

[8] О. А. Васьковский. К вопросу о соотношении классовых сил в уральской деревне в период гражданской войны (1918 г.).— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, стр. 347.

[9] О. А. Васьковский, М. А. Молодцыгин, Я. Л. Ниренбург, И. Ф. Плотников, В. С. Скробов. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969, стр. 264.

По нашему мнению, начавшийся осенью и зимой 1918 г. поворот среднего крестьянства Урала и Сибири на сторону Советской власти весной 1919 г. усилился, а после поражения Колчака, к началу лета 1919 г., в основном завершился[10]. К этому времени середняк определился как сторонник Советской власти, сложился военно-политический союз пролетариата и трудящихся крестьян Урала и Сибири, причем в первом из этих регионов данный процесс шел с некоторым опережением[11]. Мы не считаем, что поворот на сторону Советской власти произошел во всех середняцких слоях, относился в одинаковой мере ко всем районам, был окончательным.

Против нашей точки зрения резко возражает М. И. Стишов, считающий, что «в течение зимы 1918—1919 гг. сибирская трудовая деревня в целом уже перешла на советские позиции»[12]. В качестве аргумента он приводит высказывания членов Сибирского областного подпольного комитета РКП(б) о повсеместных повстанческих настроениях крестьянских масс[13], ссылаясь на их письма в ЦК после III Сибирской нелегальной большевистской конференции в 20-х числах марта и апреле 1919 г.

Но, во-первых, содержание этих документов не дает оснований для вывода о переходе **всех** трудящихся крестьян на сторону Советской власти; во-вторых, высказывания членов обкома сделаны на основе докладов с мест делегатов подпольной конференции от тех районов (Забайкальская, Амурская области и Енисейская губерния), где революционизирование крестьянства шло быстрее, росло повстанческо-партизанское движение, тогда как в докладах

---

[10] Некоторая часть среднего крестьянства Сибири проявляла колебания в большей или меньшей степени и в дальнейшем.

[11] См.: И. Ф. Плотников. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1968, стр. 7, 238, 242, 243, 336; Он же. О союзе пролетариата и крестьянства Сибири и Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири, стр. 337.

[12] М. И. Стишов. По поводу работ И. Ф. Плотникова о сибирском подполье. (Письмо в редакцию).— «История СССР», 1969, № 1, стр. 213. М. И. Стишов по данному вопросу, как и по другим, неоднократно искажает формулировки и мысли нашей книги «Героическое подполье» и таким путем стремится найти в ней противоречия и ошибки. В частности, цитируя положение: «Ко второй половине апреля 1919 года произошли огромные изменения: завершался процесс полевения середняка и поворот его на сторону Советской власти...» (стр. 7) — он подменяет слово «завершался» словом «завершился» и, сопоставляя это высказывание с другими формулировками, «обнаруживает» противоречие. В книге говорится о переходе средних крестьян на сторону пролетарской диктатуры «к началу лета», к «июню» 1919 г. М. И. Стишов же приписывает нам, будто мы «приурочиваем» этот переход к «дате выступления В. И. Ленина», сделанного в июле 1919 г., т. е. к середине лета.

[13] См.: Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 105, 106; Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Сб. документальных материалов. Омск, 1952, стр. 164, 165.

остальных делегатов данных о подобных явлениях не содержалось (и не случайно: в районах действия их партийных организаций поворот середняка на сторону Советской власти протекал медленнее); в-третьих, этих высказываний для правильных выводов недостаточно: при анализе необходимо учитывать все имеющиеся факты, свидетельствующие о поведении широких трудящихся масс крестьянства, о социально-классовых сдвигах в Сибири; в-четвертых, приведенные высказывания не учитывают совокупности ленинских положений, относящихся к рассматриваемому вопросу.

Объем этой работы не позволяет привести и рассмотреть все документы и материалы, различные факты, подтверждающие нашу точку зрения. Однако приведем ряд доводов в ее доказательство на основе изученных нами источников.

1. Хотя к весне 1919 г. многочисленные слои трудящихся крестьян Урала и Сибири отошли от кулачества, от контрреволюции, стали сторонниками Советской власти, это нельзя отнести ко всем группам среднего крестьянства, ко всем районам «колчакии». На активную, тем более вооруженную борьбу с Колчаком зимой поднялись крестьяне сравнительно немногих районов. Нередко безрезультатными оказывались попытки подпольщиков расширить районы повстанческого движения или поднять новые вооруженные восстания. Почти такая же картина наблюдалась и весной. Следует добавить, что в ряде случаев сокращались, подчас и просто угасали очаги партизанского движения даже в районах его наибольшей активности.

2. В феврале — марте 1919 г. Колчаку удалось мобилизовать в свою армию сотни тысяч крестьян, несмотря на восстания и волнения мобилизуемых в ряде мест, уклонения от службы в его армии и дезертирство. Однако активное или пассивное сопротивление вербовке в армию не охватывало всех уездов, волостей и сел, всех или большинства середняков. Колчаковские власти с удовлетворением отмечали, что мобилизация во многих местах проходит спокойно (это позволило даже перевыполнить плановые наметки), что настроение значительной части крестьян антибольшевистское и т. д. Совершенно иной характер носят документы колчаковцев, характеризующие положение в сибирской деревне летом и осенью 1919 г.[14]

3. Настроения трудящихся крестьян отражались непосредственно на поведении солдат, и наоборот. Многие солдаты уже в конце 1918 — начале 1919 г., поняв реакционную сущность колчаковской диктатуры, легко воспринимали большевистскую агитацию и в одиночку, группами, подчас целыми подразделениями переходили на сторону Красной Армии. Это свидетельствовало о дальнейшем революционизировании трудящихся крестьян, о повороте на сторону Советов новых слоев середняка. Вместе с тем зимой и даже

[14] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 294—443; ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 17, 18; ф. 153, оп. 1, д. 76, л. 483; ПАНО КПСС, ф. 5, оп. 2, д. 1514, л. 7, 8.

ранней весной 1919 г. основная масса колчаковских солдат сражалась с Красной Армией. Колчак, развернувший главным образом за счет трудящихся крестьян почти полумиллионную армию, в начале марта начал стремительное наступление, что поставило Советскую республику в крайне трудное положение. Восточный фронт вновь превратился в главный фронт республики. Если бы поворот середняка, всех или подавляющей части трудящихся слоев деревни Урала и Сибири к весне на сторону Советской власти стал фактом, то ни полумиллионной армии Колчака, ни его военных успехов в марте — апреле не было бы. Это несомненно. Колебания в преобладающей массе урало-сибирских середняков закончились не к весне, а к началу лета, когда не только отдельные слои, но практически большинство середняков стали на сторону Советской власти.

4. Установка VIII съезда РКП(б) на прочный союз пролетариата с середняком не означала констатации завершения колебаний середняка в стране в целом. Это была ориентировка партии, ее местных, в том числе и подпольных, организаций на дальнейшую борьбу за сплочение середняка вокруг пролетариата и беднейшего крестьянства. Выполнение решений съезда, принятых во второй половине марта 1919 г., когда началось наступление Колчака и над Советской республикой на Востоке вновь нависла серьезная угроза, должно было способствовать победе над врагом. Эти решения имели огромное практическое значение и для Урала и для Сибири. Они содействовали переходу среднего крестьянства на сторону Советской власти.

5. Обратимся к ленинским произведениям, в которых большое место отведено характеристике сибирского и уральского крестьянства. На наш взгляд, они не подтверждают той точки зрения, что сибирский и уральский середняк встал на сторону Советской власти раньше, чем среднее крестьянство центральных районов страны.

В июле 1919 г. в докладе «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» В. И. Ленин говорил: «Ведь год тому назад крестьяне приуральские и сибирские готовы были отвернуться от большевиков. Они негодовали и возмущались... когда большевики говорили: «Победа над помещиками и капиталистами даром не дается, и если капиталисты и помещики идут войной, вы должны понести все жертвы, чтобы отстоять завоевания революции. Революция даром не дается, и, если вы согнетесь под этими жертвами, если у вас не хватит выдержки вынести эти жертвы, вы развалите революцию». Крестьяне не хотели этого слушать, им казалось это только революционным призывом. И, когда там обещали мир и помощь Антанты, они переходили на ту сторону. Ведь вы знаете, что крестьяне в Сибири, эти крестьяне крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели,

и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от всех меньшевиков и эсеров, — там их были сотни, тысячи... Вся буржуазия поголовно сошлась туда, все, что было претендующего на руководство народом, с точки зрения обладания знаниями и культурой и привычкой к управлению, все партии от меньшевиков до эсеров сошлись туда. Они имели крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму, имели помощь от всех государств Антанты, от государств всемогущих, которые держат во всем мире власть в своих руках»[15].

В этом высказывании В. И. Ленина указывается на целую группу причин временной утраты Советской власти в Сибири и на Урале и смежных с ними районах и, как на одну из важнейших,— на зажиточность сибирских крестьян, глубокие колебания в их среде.

Приведем в систематизированном виде ленинские мысли относительно положения в сибирской и уральской деревне в последующий период.

В. И. Ленин постоянно указывал на длительность колебаний среднего крестьянства вообще, и сибирского в частности. В марте 1920 г. он отмечал: «Крестьяне, и трудовое казачество...» в процессе борьбы с Колчаком и Деникиным «...**долгое время оставались потусторонними**» (подчеркнуто мной.— *И. П.*)[16].

В. И. Ленин 3 апреля 1919 г. указывал, что середняк, мелкая буржуазия, — «этот слой в настоящий момент идет не прямыми путями к цели, а зигзагами»[17]. Отмечая сложность этого процесса, он говорил: «Но средний крестьянин колеблется. Сегодня он за нас, а завтра за другую власть; часть за нас, а часть за буржуазию»[18]. Одной из причин такого зигзагообразного, а не прямого пути середняка к Советской власти, как указывал В. И. Ленин, являлось положение на фронте. Так, в статье «Ценные признания Питирима Сорокина», говоря о начале поворота мелкобуржуазных масс в сторону Советов, Ленин отмечал: «Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь — достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону...»[19].

Все это В. И. Ленин в полной мере относил к сибирскому и уральскому среднему крестьянству. В. И. Ленин указывал на то, что середняк «повернул на сторону Колчака»[20], что «Колчак... опирался на крестьян Сибири»[21], что сибирский крестьянин «верил в Учредительное собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас»[22], что крестьянство Сибири рато-

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39, 40.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 183.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 252.
[18] Там же, стр. 14.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 197.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 401.
[21] Там же, стр. 320.
[22] Там же, стр. 397.

вало раньше за Колчака[23] и т. д. Ленин вскрыл причины столь глубоких колебаний сибирских крестьян, «бывших дальше чем кто-либо от коммунизма»[24], что в меньшей степени, но также относилось и к крестьянству Урала. В. И. Ленин пристально следил за событиями на Урале и в Сибири, нередко прямо указывал, что использует информацию, полученную из-за линии фронта. Ленин не мог бы не отметить в своих многочисленных произведениях факты перехода на сторону Советов среднего крестьянства Урала и Сибири в целом уже к весне 1919 г., если бы это случилось в действительности.

Напротив, В. И. Ленин указывает на факт продолжения колебаний середняка еще весной 1919 г. Накануне и во время работы VIII съезда партии Ленин говорит о середняке в стране в целом как о колеблющемся классе[25], о повороте «значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти»[26] и о том, что «Советская власть... проведет во что бы то ни стало союз рабочих со всем трудящимся крестьянством — и беднейшим и средним»[27].

Мы находим у В. И. Ленина прямые высказывания о положении дел на Урале и в Сибири. Не прошел незамеченным и тот факт, что Колчаку удалось создать огромную армию за счет крестьян и развернуть наступление, одержать военные победы, которые создали «чрезвычайно грозную опасность для Советской республики»[28].

В. И. Ленин подмечает, что Колчак не решился мобилизовать фронтовиков, настроенных революционно[29], и сделал ставку на крестьянскую молодежь, которую «держит... палочной дисциплиной и обманами»[30]. 11 апреля 1919 г. Ленин говорил: «Неприятель собрал сибирскую молодежь, избегая фронтовиков — он их боится, и двинул сибирских крестьян. Это — его последняя ставка, последний ресурс. У него нет поддержки, нет живой силы. Союзники не могли оказать ему поддержки. Им это оказалось не под силу»[31].

Позиции Колчака были шаткими. Колебания в среде трудового крестьянства изживались, однако еще далеко не закончились. Колчак смог использовать то, что определенная часть крестьян, в частности молодых, позволяла себя обманывать. Говоря в середине мая 1919 г. об использовании контрреволюцией лозунга «свободы торговли» для обмана крестьянских масс, В. И. Ленин кон-

---

[23] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 111.
[24] Там же, стр. 320.
[25] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 196.
[26] Там же, стр. 31.
[27] Там же, стр. 235.
[28] Там же, стр. 271.
[29] См.: Там же, стр. 278, 283, 312.
[30] Там же, стр. 312.
[31] Там же, стр. 283.

статировал, что «это есть колчаковская экономическая программа, ибо Колчак держится не на воздухе»[32].

В июне В. И. Ленин отмечает продолжающиеся колебания середняков, вновь и вновь ставя задачу привлечения их на сторону рабочего государства. При этом он констатирует, что «громадное большинство крестьян знает» о политике Коммунистической партии, направленной на защиту интересов тружеников против интересов богачей[33]. Эти высказывания, безусловно, относятся и к урало-сибирскому крестьянству.

О переходе сибирского середняка на сторону Советской власти говорится в ленинских произведениях, относящихся к июлю 1919 г. и более позднему времени: «Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков, — не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта...»[34]; «Без Колчака сибирский крестьянин не пришел бы в один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом.

...Важно то, что массы, которые за ними (мелкобуржуазными партиями. — *И. П.*) шли, от них отходят. Массы крестьянства перешли к большевикам — это факт. Это доказала лучше всего Сибирь»[35].

Разумеется, нельзя понимать буквально слова Ленина о том, что понадобился ровно год, чтобы сибирские средние крестьяне перешли на сторону Советской власти. Этот процесс протекал постепенно: переход части середняка на сторону пролетарской диктатуры начался еще весной. Учитывая несомненно огромное значение для роста советских настроений среди трудящихся крестьян прекращения наступления Колчака, его крупные поражения в мае и блестящие победы Красной Армии, резкое нарастание революционных выступлений крестьян, рост дезертирства солдат, мы относим практическое завершение поворота уральского и сибирского середняка на сторону Советской власти к концу весны — началу лета 1919 г. «Все те описания, которые давались о восстаниях против колчаковщины, они нисколько не преувеличены, — говорил В. И. Ленин, обращая внимание на причины и значение побед Красной Армии на Урале. — И не только рабочих и крестьян, но и патриотически настроенную интеллигенцию... которая была в союзе с Антантой, — и ее оттолкнул Колчак. Теперь нам говорят, что идет восстание на Урале, и мы встречаем полосу настоящего рабочего восстания и снова говорим, что есть все шансы и все основания ожидать в ближайшие месяцы, что победа

---

[32] Там же, стр. 355.
[33] См.: Там же, стр. 375.
[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.
[35] Там же, стр. 87.

на Урале будет переломом к полной победе всей массы сибирского населения над колчаковщиной» [36].

Изучение теоретического наследия В. И. Ленина позволяет прийти к выводу, что он не считал поворот середняка Сибири на сторону Советской власти завершившимся раньше, чем в центральных районах страны. В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», написанной в декабре 1919 г., Ленин указывает, что именно в Сибири, на Урале («Восточно-Уральский район»), а также на Украине наиболее длительным, затяжным оказался процесс колебаний крестьянства [37].

Это и понятно: разгром армии Колчака и других генералов весной, летом и осенью 1919 г. был бы немыслим, если бы пролетариат центральных районов не имел за собой середняка, составлявшего большинство крестьянства. Думается, неправильно считать, что опыт колчаковщины сильнее подействовал на сплочение середняка Урала и Сибири вокруг пролетариата, больше способствовал переходу на сторону Советской власти, нежели совокупность политических и экономических мер по удовлетворению интересов середняка центральных районов (который, кстати, вообще был гораздо меньше подвержен колебаниям), длительная и настойчивая работа Коммунистической партии по его воспитанию. Это вовсе не противоречит словам Ленина о том, что огромное значение для политического воспитания крестьян имеет их собственный опыт, в частности опыт колчаковщины.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал длительность колебаний середняка и то, что эти колебания могут дать о себе знать вновь. Ленин не считал, что с лета 1919 г. колебания уральских и сибирских середняков были изжиты, что все их слои завоеваны пролетариатом. 10 октября 1919 г. в письме «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам» В. И. Ленин писал, что «в России... борьба пролетариата... за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся заняла **месяцы и годы. За два года эта борьба почти кончена, но не совсем еще кончена в пользу пролетариата.** Мы только в два года завоевали окончательно сочувствие и поддержку **подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян** Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевания сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян-эксплуататоров) Украины» [38].

Итак, В. И. Ленин отмечал, во-первых, длительность и трудность завоевания пролетариатом мелкобуржуазных масс; во-вторых, что к осени 1919 г. борьба пролетариата за поддержку большинства трудящихся закончилась еще не полностью; в-третьих, что к этому времени были завоеваны окончательно сочувствие и поддержка подавляющего большинства трудящихся крестьян

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39.

[37] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16, 17.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 221. Подчеркнуто мной.— *И. П.*

Урала и Сибири; в-четвертых, выделение Урала и Сибири из состава Великороссии, очевидно, свидетельствует о том, что здесь Ленин не наблюдал опережающего процесса большевизации масс по сравнению с центральными районами республики.

Обратимся к работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», в которой В. И. Ленин дал глубочайший анализ социальных процессов в стране и особенно на ее окраинах в период гражданской войны. Указав на то, что на Урале и в Сибири, на Украине и в других крестьянских районах мелкобуржуазные партии получили подавляющее большинство голосов при выборах в Учредительное собрание, В. И. Ленин писал: «Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина.

Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружились в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт колчаковской и деникинской «демократии», о которой любой газетчик в колчакии и деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учредиловке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, **не закончены как раз в Сибири и на Украине** (подчеркнуто мной.— *И. П.*). И нельзя ручаться, что они будут *окончательно* закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

...Действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее*, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»[39].

---

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16, 17.

Такова суть ленинской концепции по вопросу колебаний уральского и сибирского середняка, процесса и времени перехода его на сторону Советской власти.

Нам представляется, что из ленинских работ, написанных в период гражданской войны (как, между прочим, и из изученных нами документов и материалов), вытекают такие важные выводы:

1) колебания средних слоев крестьянства вообще, в Сибири и на Урале в частности, процесс их перехода на сторону Советской власти были не прямолинейно-поступательными, а с «приливами» и «отливами», «зигзагообразными»;

2) весной 1919 г. значительная часть среднего крестьянства Урала и Сибири продолжала колебаться; в этот период произошел «зигзаг»: военные успехи Колчака замедлили процесс большевизации трудящихся крестьян, колебания усилились, но затем, после отпора колчаковским войскам и первых крупных побед Красной Армии, середняк в массе, в подавляющем большинстве своем вскоре встал на сторону Советской власти;

3) сибирский, уральский середняк был охвачен более глубокими и длительными колебаниями, чем среднее крестьянство центральных и поволжских районов страны;

4) решающее, подавляющее большинство трудящихся крестьян, середняков Урала и Сибири встали на сторону Советской власти к началу лета 1919 г.; к этому времени, вслед за центральными районами страны, в Сибири и на Урале (в этом районе несколько раньше, условно можно было бы сказать весной, до наступления лета, тогда как в Сибири — в конце весны — начале лета) сложился военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, была реализована установка партии на прочный союз пролетариата со средним крестьянством при опоре на бедноту;

5) определенная часть сибирского трудового крестьянства (в основном его наиболее зажиточные группы) в большей или меньшей степени на том или ином этапе развития проявляла неустойчивость и колебания в дальнейшем; окончательно сочувствие и поддержку всех слоев и групп трудящегося крестьянства Урала и Сибири Коммунистическая партия завоевала позднее;

6) тот факт, что и с наступлением лета 1919 г. определенные группы середняка, особенно в казацких районах, продолжали колебаться, вряд ли дает основание относить поворот среднего крестьянства Сибири и Урала на сторону Советов, создание военно-политического союза рабочего класса с ним на осень 1919 г.;

7) колебания определенных слоев, групп середняка, как и мелкобуржуазных слоев вообще, то усиливавшиеся, то ослабевавшие имели место и осенью 1919 г., и в конце гражданской войны, и после ее окончания. Но это происходило в условиях сложившегося в стране в целом, на Урале и в Сибири в частности, союза пролетариата и среднего крестьянства, союза, становившегося постепенно все более прочным и нерушимым.

Совсем недавно появилась историографическая статья Н. Ф. Варгина «Борьба РКП(б) за союз рабочего класса и крестьянства в Поволжье, на Урале и в Сибири в 1919—1920 гг.»[40] Наряду с другим важными проблемами, Н. Ф. Варгин рассматривает вопрос о времени поворота среднего крестьянства Урала и Сибири на сторону рабочего класса. Он указывает, в основном, на три точки зрения по этому вопросу. Одни исследователи относят поворот середняка Сибири на сторону Советской власти к началу или весне 1919 г., другие — к лету, третьи — к осени 1919 г.

Н. Ф. Варгин пишет, что наиболее верную, по его мнению, «оценку процесса складывания союза пролетариата и среднего крестьянства дают В. П. Наумов и Л. М. Спирин». Наумов считает, что «процесс изменения позиции среднего крестьянства в целом по стране был длительным и лишь к осени 1919 г. завершился в форме прочного союза с рабочим классом». Спирин считает, что «поворот основных масс среднего крестьянства к союзу с рабочим классом произошел только летом 1919 г.»

Точку зрения автора этой статьи, излагаемую в данном сборнике более обстоятельно, чем в прежних публикациях, Н. Ф. Варгин относит к взглядам второй группы исследователей. Он присоединяется к третьей точке зрения (В. П. Наумова и Л. М. Спирина) и, не высказывая никакого отношения к мнению первой группы авторов, например Н. С. Мутовкина, считает наши взгляды «спорными». «Спорным является, — пишет он, — утверждение И. Ф. Плотникова... о том, что на Урале и в Сибири поворот середняка практически завершился к июню 1919 г. ... В действительности процесс этот был более длительным и не таким простым, как его изображает автор. Об этом свидетельствует, в частности, и динамика роста партизанских отрядов, показывающая резкое увеличение численности партизан лишь осенью 1919 г., и успех колчаковской армии в междуречье Тобол — Ишим в сентябре того же года, и необходимость длительного и трудного преследования 5-й армией отступающих в Восточную Сибирь войск противника»[41].

Н. Ф. Варгин полагает, что мы, говоря о создании прочного союза пролетариата Сибири и Урала с середняком при опоре на бедноту и претворении в жизнь в этих районах нового лозунга партии по крестьянскому вопросу, не учитываем специфики районов, считаем, что названные процессы в них шли одновременно. «Однако процессы складывания и укрепления союза рабочего класса и среднего крестьянства на Урале и в Сибири, — пишет Н. Ф. Варгин, — были далеко не одинаковы. Урал был освобожден Красной Армией летом 1919 г. очень быстро, а борьба на территории всей Сибири вплоть до Байкала затянулась до весны 1920 г., а восточнее — и того дольше. Соответственно по-иному выглядело и развитие партизанского движения на Урале и в Сибири. Поэто-

---

[40] «Вопросы истории КПСС», 1973, № 3.
[41] Там же, стр. 117—118.

му крайне неубедительно выглядят, по нашему мнению, категорические заявления некоторых авторов об одновременности складывания союза пролетариата и среднего крестьянства на территории от Камы до Тихого океана и от побережья Северного Ледовитого океана до Средней Азии, о прочности этого союза с момента его установления, о претворении в жизнь решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в какие-нибудь три месяца»[42].

Конечно, Н. Ф. Варгин прав, говоря о необходимости учета специфики различных районов, в частности Урала и Сибири, о сложности взаимоотношений рабочего класса и среднего крестьянства. Однако мы это все учитываем. К сожалению, приводя высказывания некоторых авторов, например В. П. Наумова и Л. М. Спирина, в системе, Н. Ф. Варгин берет только отдельные наши формулировки.

В наших работах постоянно подчеркивается, во-первых, что поворот середняка на сторону Советов на Урале осуществлялся быстрее, чем в Сибири (Дальний Восток не рассматриваем вообще)[43], что поворот середняка на сторону рабочего класса в основном завершился на Урале весной, а в Сибири — летом 1919 г. Н. Ф. Варгин же цитирует то место, где говорится об относительном завершении процесса во всем урало-сибирском районе.

Во-вторых, мы стремимся оттенить сложность взаимоотношений рабочих и трудящихся крестьян, осуществления установки партии на прочный союз с середняком, длительность этого процесса. В наших работах начало поворота середняцких масс на сторону рабочих относится к осени и зиме 1918 г., указывается «зигзагообразность» этого процесса, «приливы» и «отливы» в нем. Говоря о том, что к лету 1919 г. поворот среднего крестьянства Сибири на сторону пролетариата «практически» (или «в основном») завершился, подчеркиваем, что определенная часть уральского и сибирского трудового крестьянства (в основном его наиболее зажиточные группы) и казачества в большей или меньшей степени на разных этапах развития проявляла неустойчивость и колебания и в дальнейшем, даже после окончания гражданской войны; окончательную поддержку всех слоев и групп трудящегося крестьянства Сибири Коммунистическая партия получила позднее[44]. Следовательно, коль скоро к лету 1919 г. основные массы середняка Сибири стали поддерживать Советскую власть, союз рабочего класса с ним стал фактом.

---

42 «Вопросы истории КПСС», 1973, № 3, стр. 116—117.

43 См.: И. Ф. Плотников. Героическое подполье, стр. 241; И. Ф. Плотников. О союзе пролетариата и крестьянства Сибири и Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, стр. 337.

44 См., например: И. Ф. Плотников. Некоторые вопросы истории большевистского подполья на Урале и в Сибири в период гражданской войны.— В кн.: Из истории уральских и сибирских партийных организаций, вып. 4. Свердловск, 1970, стр. 33, 37.

Н. Ф. Варгин, приводя слова В. П. Наумова о создании «прочного союза» рабочего класса с середняком к осени 1919 г. в отрыве от его рассуждений, также оставляет возможность для различных толкований его высказывания, ибо и после осени 1919 г. определенные колебания в середняцкой среде, порой усиливавшиеся, оставались.

В наших публикациях учитывается и несовпадение по времени завершения формирования союза рабочего класса с середняком Урала и Сибири, и сложность этого процесса, взаимоотношений данных социальных сил вообще.

Есть ли основание сомневаться в правомерности формулировки «прочный союз» применительно к союзу рабочих и средних слоев крестьянства в Сибири? Очевидно, нет. Речь идет о характере взаимоотношений рабочих и середняцких масс крестьянства вообще, в принципе, в главном, о реализации сформулированной В. И. Лениным, партией установки. Если исходить из факта проявления колебаний среди определенной части середняков, даже участия в антисоветских восстаниях в тех или иных районах, и после гражданской войны, вплоть до начала 30-х годов, то, казалось бы, вообще неправомерно говорить о «прочном союзе» с середняком. По достижении этого союза вообще, в периоды угрозы его разрушения в частности, и шла борьба за его сохранение и укрепление, за дальнейшее упрочение. В. И. Ленин о характере взаимоотношений рабочих и трудящихся крестьян в период гражданской войны говорил на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. следующее: «...крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белыми стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас» [45].

Такой энтузиазм и преданность проявило на завершающих этапах гражданской войны и среднее крестьянство Сибири.

Трудно согласиться с такой постановкой вопроса Н. Ф. Варгиным, будто мы укладываем «претворение в жизнь решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в какие-нибудь три месяца». Как известно, вождь партии В. И. Ленин дал установку на союз с середняком еще задолго до VIII съезда РКП(б). Линия на союз с середняком в стране вообще, и в Сибири и на Урале в частности, стала проводиться до съезда. Это было зафиксировано и в решениях 3-й Сибирской подпольной конференции РКП(б), состоявшейся 20—21 марта 1919 г. [46] Мы, как отмечалось выше, показываем переход середняка на сторону рабочих, завоевание его как весьма длительный, охвативший многие месяцы, а не «какие-нибудь три месяца» после VIII съезда РКП(б), процесс.

---

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 288.
[46] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 77—78.

Делая выводы о достижении союза рабочих с середняком на Урале и в Сибири при небольшом разрыве во времени, мы исходим из совокупности различных факторов, изученных нами документов и материалов. Захват белогвардейцами и интервентами Урала и Сибири и проведение там одинаковой аграрной политики, сходство в положении крестьянства этих районов, с одной стороны, более крутые, жестокие меры колчаковцев в отношении крестьянства Сибири, сосредоточение здесь большого числа коммунистов, бывших красногвардейцев и красноармейцев в тылу врага, а также некоторые другие причины сближали темпы полевения, большевизации крестьян этих двух регионов. По размаху революционного, в том числе партизанского, движения вооруженных крестьянских выступлений Сибирь превосходила Урал. Не касаясь сейчас причин этого явления, отметим, что не учитывать этого нельзя.

Отмечая правильные суждения Н. Ф. Варгина о ходе борьбы Красной Армии за Урал и Сибирь, динамике роста партизанского движения, нельзя не обратить внимание на некоторые нюансы, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме. Н. Ф. Варгин приводит в качестве доказательства неодновременности складывания союза рабочего класса со средним крестьянством на Урале и в Сибири тот факт, что Урал был освобожден Красной Армией летом 1919 г. («очень быстро»), а борьба на территории всей Сибири до Байкала затянулась до весны 1920 г., а восточнее — и того дольше. Однако этот факт не может служить достаточным доказательством мысли Н. Ф. Варгина, так как разные темпы освобождения Урала и Сибири зависели не только от установления союза рабочего класса со средним крестьянством, а во многом от других объективных причин. Ведь нельзя не учитывать, во-первых, того, что освобождение, подготовленное в длительной и упорной борьбе, началось с Урала крупнейшим поражением Колчака в мае 1919 г.; во-вторых, за Урал сражалось шесть соединений (армий) Восточного фронта, за Западную Сибирь — две из них (5-я и 3-я), а за Среднюю и Восточную — лишь одна 5-я армия; в-третьих, пройти Урал и колоссальную по протяженности Сибирь — это совершенно разные задачи (войска Красной Армии продвигались по Сибири, после разгрома врага на Тоболе, особенно с учетом осенне-зимних условий, также стремительно); в-четвертых, многие города и обширные районы — чем дальше на Восток, тем в большей мере — освобождались повстанцами и партизанами еще до прихода Красной Армии; в-пятых, районы восточнее Байкала, где была создана ДВР, были освобождены позднее в связи с совершенно особыми причинами; в-шестых, Урал освобождался Красной Армией при сравнительно небольшой помощи местных крестьян, тогда как Западная Сибирь — при значительной, а Восточная — решающей помощи крестьянских масс (а также рабочих и других трудящихся).

Н. Ф. Варгин далее пишет: «Соответственно по-иному выгляде-

ло и развитие партизанского движения на Урале и в Сибири». Если следовать его прежней мысли, то «соответственно» на Урале партизанское движение росло интенсивнее, было более мощным, чем в Сибири. На деле все было не так. Сибирь все время опережала Урал по размаху партизанского движения. Это относится даже к периоду решающих боев за Урал — лету 1919 г. В этом крае партизанское движение вообще не достигало мощного размаха. Если брать данное явление вне связи с другими явлениями, то можно прийти к выводу, что поворот сибирского среднего крестьянства на сторону пролетариата произошел гораздо раньше, чем на Урале (такая точка зрения и высказывается в литературе). Что касается самой Сибири, то там партизанское движение развивалось не в соответствии со схемой Н. Ф. Варгина, а во многом вопреки ей. Самым мощным партизанское движение было на востоке далекого Забайкалья, а также в Енисейской и примыкающих к ней районах Иркутской губернии. Естественно, по мере приближения Красной Армии к тому или иному району Сибири партизанское движение приобретало особый размах. Это и понятно. Приближение смертного часа Колчака, реальная возможность полного успеха в вооруженном восстании, стремление приурочить это выступление в соответствии с решениями подпольных конференций к моменту приближения фронта, прямые указания о необходимости нанесения удара в тылу врага для поддержки Красной Армии — все это вызывало бурный рост партизанского движения вблизи фронтовой линии.

В своих публикациях мы прежде всего стремились показать несостоятельность широко распространенной, господствовавшей в недалеком прошлом точки зрения о том, что поворот середняка Сибири на сторону Советов произошел раньше, чем в центральных районах страны,— к весне 1919 г. Мы не можем согласиться и с отнесением окончания поворота середняка к осени 1919 г., хотя эта точка зрения гораздо ближе к истине, чем первая. На наш взгляд, если бы летом 1919 г. отсутствовала поддержка Советской власти сибирским середняком, как и крестьянством Урала, то не удалось бы так быстро и успешно освободить Урал, ибо армия Колчака состояла, в основном, из сибирских крестьян. А она быстро разлагалась, катастрофически утрачивала боеспособность. Даже самые отчаянные и чрезвычайные меры колчаковцев по увеличению и укреплению армии, позволившие им на первых порах в сентябре развернуть в Зауралье контрнаступление, оказались обреченными на провал. Как и всякий военный успех, это временное контрнаступление врага не могло не сказаться отрицательно на настроениях середняка, но в целом в Сибири и в это время наблюдается дальнейший рост революционного, в том числе партизанского, по составу в основном крестьянского массового движения.

Относить завершение процесса складывания в Сибири союза рабочих и средних крестьян к осени 1919 г., когда этот край был уже «кипящим котлом», на наш взгляд, значит принимать след-

ствие за причину, результаты поворота середняка за сам его поворот на позиции Советской власти. Этот поворот совершился, стал фактом раньше и обусловил кульминационный момент в революционных вооруженных выступлениях, с одной стороны, и развале колчаковской армии — с другой. Осенью и зимой 1919 г. в Сибири шел процесс укрепления сложившегося несколько ранее союза рабочего класса с середняком и изживания колебаний в некоторых, наиболее отсталых, слоях среднего крестьянства.

В. В. ФЕЛЬДМАН

БОРЬБА УРАЛЬСКИХ КОММУНИСТОВ ПРОТИВ «МЯСНИКОВЩИНЫ» (1921—1922 гг.)

Тема борьбы уральских коммунистов против «мясниковщины», разновидности «рабочей оппозиции» на Урале, получила известное освещение как в общесоюзной[1], так и в местной[2] историко-партийной литературе. В настоящей работе автор, используя статьи и письма В. И. Ленина, а также материалы партийных архивов Москвы, Свердловска и Перми, делает попытку осветить более широко эту тему.

Переход от гражданской войны к мирному строительству проходил в обстановке тяжелой разрухи и обострения классовой борьбы. В этих условиях требовалось идейное и организационное единство рядов Коммунистической партии. X съезд РКП(б), нацеливший партийные организации на восстановление народного хозяйства, постановил запретить существование фракций и группировок в партии, осудил деятельность «рабочей оппозиции» как проявление анархо-синдикалистского уклона и признал пропаганду ее взглядов несовместимой с принадлежностью к РКП(б).

Члены различных антипартийных фракций и группировок, проголосовавшие за решения съезда, не были отстранены от работы и включались в различные хозяйственные, советские и профсоюзные органы. Однако уже очень скоро выяснилось, что многие из них не прекратили фракционной борьбы, а втайне продолжали свою раскольническую деятельность. Это прежде всего относилось к лидерам «рабочей оппозиции» — Шляпникову и Медведеву.

Одним из активных участников «рабочей оппозиции» являлся Г. И. Мясников,работавший в 1920 и начале 1921 г. в Петрограде, а весной 1921 г. направленный на Урал на хозяйственную работу. В молодости Г. И. Мясников был эсером, в 1906 г. вступил в РСДРП, участвовал в революционном движении в Мотовилихе.

---

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 84; Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966, стр. 449, 450.

[2] См.: История Урала, т. 2. Пермь, 1965, стр. 168, 169; Ф. С. Коротаев. Коммунисты Урала в борьбе за единство рядов РКП(б) (1921—1925 гг.). Пермь, 1968, стр. 17—21; Очерки истории пермской областной партийной организации. Пермь, 1971, стр. 188—192.

Весной 1921 г., когда Г. И. Мясников появился на Урале в качестве помощника управляющего Мотовилихинским заводом, положение этого предприятия, как и многих других крупных уральских заводов, было крайне тяжелым. Острый недостаток средств, демобилизация армии, сокращение военных заказов привели к необходимости увольнения большого количества рабочих. С 1 июня 1921 г. завод закрыли для проведения ремонта, из 7 тыс. рабочих более половины было отправлено в отпуск на неопределенный срок[3]. Угроза увольнения, недостаток продовольствия, топлива вызывали недовольство рабочих, подогреваемое замаскировавшимися под беспартийных эсерами, меньшевиками и колчаковцами.

В результате неоднократных мобилизаций на административную, продовольственную, профсоюзную работу партийная организация Мотовилихи значительно сократилась. К концу 1921 г. она насчитывала 379 членов партии и 9 кандидатов, состояла из 22 ячеек, 13 из которых были цеховыми на заводе, 9 — в подсобных предприятиях и советских учреждениях Перми и Мотовилихи. Непосредственно на заводе работало 70 коммунистов[4]. К тому же состав организации был сильно засорен: по данным райкома РКП(б), в ней насчитывалось 54 бывших эсера, причем многие из них занимали ответственные посты (в самом райкоме партии, в местном Совете, в заводском комитете профсоюза, в рабочем кооперативе)[5].

Именно в это трудное время и начал Мясников свою подрывную деятельность, группируя вокруг себя часть членов Мотовилихинской партийной организации, а также беспартийных рабочих. На расширенном заседании Мотовилихинского райкома партии в конце мая 1921 г. Мясников зачитал тезисы, которые послал Центральному Комитету РКП(б) в виде «Докладной записки». Он предлагал провести ряд «мероприятий», которые, по его словам, должны «оздоровить» атмосферу партийной и советской работы. Для более тесного «сближения» с рабочими Мясников предложил специальным декретом правительства объявить свободу слова и печати для всех без исключения социальных групп, в том числе враждебных Советской власти, создать производственные (рабочие) Советы, исполкомы которых должны управлять предприятиями, и, наконец, в целях якобы привлечения широких масс к активной жизни страны организовать «союз землеробов»[6]. В июле 1921 г. эти же положения Г. И. Мясников развил в статье «Больные вопросы».

В предложениях Мясникова проявились в полной мере анархо-синдикалистские взгляды, свойственные «рабочей оппозиции»: отрицание руководящей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве, необходимости пролетарского государства.

---

[3] ППА, ф. 620, оп. 3, д. 2, л. 185.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 577, л. 111; СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 118, л. 83.
[5] ППА, ф. 620, оп. 4, д. 17, л. 1, 2, 6, 7.
[6] ППА, ф. 620, оп. 3, д. 3, л. 84.

Особенностью всех выступлений Мясникова, впрочем, как и выступлений других представителей «рабочей оппозиции», явилось стремление приспособиться к настроениям отсталых рабочих, направить их недовольство трудностями, переживаемыми страной, против Коммунистической партии и Советской власти. Вместе с тем каких-либо конкретных предложений по борьбе с разрухой, по ликвидации продовольственного кризиса Мясников никогда не выдвигал.

В. И. Ленин неоднократно разоблачал характер подобных выступлений, подчеркивая, что «это — демагогия, на которой базируются анархистско-махновские и кронштадтские элементы»[7]. В. И. Ленин отмечал прямую связь между идеями и лозунгами контрреволюционных мятежников и лозунгами «рабочей оппозиции». Поэтому необходима была самая решительная, бескомпромиссная борьба с любыми проявлениями антипартийной деятельности «рабочей оппозиции».

Пермский губком РКП(б) запретил Г. И. Мясникову выступать и с пропагандой своих взглядов, справедливо усмотрев в них отвергнутую партией платформу «рабочей оппозиции». Однако Мясников игнорировал это решение. В июне 1921 г. на VII Пермской губернской партийной конференции сторонники Мясникова выступили против политики ЦК РКП(б) и против Пермского губкома РКП(б)[8]. На партийных собраниях Мотовилихинской организации 5 и 15 июля Мясников заявлял, что если ему не разрешат публично высказывать свои взгляды, то значительная часть коммунистов Мотовилихи покинет ряды партии[9]. По заявлению, поступившему от Пермского губкома в ЦК РКП(б), Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело дело Мясникова 29 июля 1921 г. и признало «Докладную записку» и статью «Больные вопросы» антипартийными документами.

Оргбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию, которой было поручено расследовать деятельность Мясникова[10]. Обе статьи Мясникова были переданы В. И. Ленину.

В. И. Ленин 1 и 5 августа 1921 г. написал два письма Г. И. Мясникову[11], в которых указал на его ошибочные взгляды. В. И. Ленин отметил, что в статьях Мясникова имеется интересный материал, однако выводы из него автор сделал совершенно неверные. В. И. Ленин подчеркнул, что лозунг Мясникова о свободе печати не выдерживает никакой критики. «Буржуазия (во всем мире),— писал В. И. Ленин,— еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (=сво-

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 50.

[8] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, стр. 748.

[9] ППА, ф. 620, оп. 3, д. 3, л. 28, 31.

[10] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б), стр. 748.

[11] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 85, 86; т. 44, стр. 78—83.

боду печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»[12]. В. И. Ленин вскрыл причины поведения Мясникова — паника и отчаяние перед трудностями. «Вы увидали кучу бедствий и болезней,— писал В. И. Ленин,— впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии («свобода печати» *для буржуазии*). А мой совет в отчаяние и в панику не впадать»[13]. В. И. Ленин выражал твердую уверенность в том, что из всех трудностей, голода мы обязательно «вылезем, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая *все* классовые силы в *международном* масштабе»[14].

Стремясь удержать Мясникова от антипартийных действий, направить его деятельность на пользу партии, В. И. Ленин предлагал ему заняться конкретной практической работой по ликвидации злоупотреблений, по их исправлению. Он отмечал, что Мясников в своих письмах «ни единого разу»[15] не указал какого-либо конкретного злоупотребления и средства его исправления. В. И. Ленин настоял на ознакомлении всех руководителей Пермской и Мотовилихинской партийных организаций с его позицией по тем вопросам, которые стали для Мясникова предметом политической спекуляции и демагогии[16].

Однако Мясников продолжал свою раскольническую деятельность. 11 августа на общем собрании Мотовилихинской организации состоялись выборы делегатов на губернскую партийную конференцию. Мясников предложил список кандидатур, куда включил значительное число своих сторонников. С небольшими поправками собрание проголосовало за этот список. На этом же собрании Мясников потребовал положительно решить вопрос о его поездке в Москву. Спекулируя на том, что В. И. Ленин заинтересовался его письмами и вступил с ним в переписку, Мясников просил разрешения у присутствовавшего на собрании члена Пермского губкома М. П. Туркина огласить свои документы. Но, выполняя указания Пермского губкома о запрещении обсуждений тезисов Мясникова, М. П. Туркин такого разрешения не дал, и вопрос был снят с обсуждения[17].

На следующий день, 12 августа, открылась Пермская городская партийная конференция. На повестке дня конференции стояли насущные вопросы практической работы Пермской партийной организации: доклад горсекретариата РКП(б) о работе губэкономсовещания, о новой экономической политике, о работе горсовета и

---

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 79.
[13] Там же, стр. 82.
[14] Там же, стр. 81.
[15] Там же, стр. 82.
[16] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 115.
[17] ППА, ф. 620, оп. 3, д. 3, л. 34.

т. д.[18] Представители «рабочей оппозиции» выступили со своей антипартийной платформой, которая была делегатами отвергнута. Тогда сторонники Мясникова в количестве 31 делегата, решив продемонстрировать несогласие с линией Пермского губкома, ушли с конференции. Но это не сорвало ее работу. Делегаты осудили непартийный поступок мотовилихинцев и постановили рассмотреть их поведение на губернской контрольной комиссии[19]. Таким образом, Мясников и его группа продолжали разлагать Пермскую организацию, создавая нетерпимую обстановку раскола и склоки.

Оргбюро ЦК РКП(б) 22 августа 1921 г. рассмотрело доклад комиссии (в составе И. В. Сталина, А. А. Сольца, В. М. Михайлова) по делу Мясникова и признало тезисы Мясникова несовместимыми с интересами партии, запретило ему выступать с ними на партийных собраниях и предложило выехать в Москву в распоряжение ЦК РКП(б)[20].

Но Мясников не подчинился решению ЦК РКП(б). На партийном собрании Мотовилихи 3 октября 1921 г. он протащил резолюцию с осуждением решения Оргбюро ЦК РКП(б) по его делу и с требованием отменить его отзыв из Мотовилихи. Он добился от собрания изменения состава районного комитета партии и пополнения его своими сторонниками[21].

Хотя руководители Пермского губкома РКП(б) заняли в целом правильную позицию в отношении Мясникова и его антипартийных выступлений, однако сказалась недостаточная их идейная выдержанность и принципиальность в этом важном вопросе. Вскоре после собрания президиум Пермского губкома РКП(б) разрешил напечатать как дискуссионный материал обе статьи Мясникова[22] и его ответ на письмо В. И. Ленина. Хотя эти материалы были изданы «только для членов партии», они широко распространились в Перми и Мотовилихе, а Мясников получил трибуну для клеветы на партию и проповеди антипартийных взглядов.

В. И. Ленин был в курсе всех этих событий. Он ясно видел в нездоровых явлениях «мясниковщины» нечто большее, чем факт поддержки политически незрелыми членами партии и рабочими ловкого демагога и болтуна. Именно в те дни, когда комиссия ЦК РКП(б) разбирала дело Мясникова, В. И. Ленин написал статью «Новые времена, старые ошибки в новом виде»[23]. Статья, несомненно, была связана и с «делом Мясникова», ибо оно явилось в значительной степени отражением имевших место болезненных явлений. В этой статье, как и в письмах к Мясникову, В. И. Ленин

---

[18] ППА, ф. 1095, оп. 1, д. 152, л. 36, 37.

[19] Там же; Одиннадцатый съезд РКП(б), стр. 748.

[20] См.: Там же.

[21] См.: В тексте постановления комиссии ЦК РКП(б) о Г. Мясникове ошибочно указана дата этого собрания — 5 сентября 1921 г. По архивным данным установлено, что это собрание проходило 5 октября 1921 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 749, л. 11, 12; ППА, ф. 620, оп. 3, д. 3, л. 38).

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1222, л. 72 об.

[23] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44.

дал всесторонний анализ сложных процессов, происходящих в это время в стране, в партии, внутри рабочего класса. В. И. Ленин подчеркивал, что в рабочем классе всегда имелись два «потока» мелкобуржуазных шатаний — справа и «слева», что эти шатания неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма, что их формы меняются с поворотом к новой экономической политике. Если меньшевики, все оппортунисты справа твердили тогда о нэпе как об отступлении к капитализму, переходе на буржуазный путь развития, то «левые» в лице «рабочей оппозиции» заявляли о том, что большевики отходят от рабочего класса, изменяют ему, не верят в его силы. Поэтому и лозунги «левых» были похожи на кронштадтские («Советы без коммунистов», «Рабочие советы», «Свобода слова для всех» и т. п.). В. И. Ленин не скрывал, что положение рабочего класса в тот период было крайне тяжелым, что создание государственного, хозяйственного, военного аппарата в 1917—1921 гг. исчерпало его реальные силы, и указывал, что только по мере фактического восстановления промышленности «мы получим и приток новых сил» [24].

В течение октября — ноября 1921 г. Уралбюро ЦК РКП(б) приняло меры для укрепления Пермской и Мотовилихинской организаций, направив туда опытных коммунистов, настойчиво добиваясь откомандирования Мясникова в распоряжение ЦК РКП(б) [25].

Даже в это время В. И. Ленин не оставлял надежды, как он выражался, «полечить» Мясникова на практической работе за пределами Урала, например в Донбассе или где-либо в другом месте [26]. 1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение направить Мясникова в распоряжение Главлеспрома [27]. Мясников же между тем продолжал еще активнее разворачивать нелегальную антипартийную деятельность не только в Мотовилихе, но и в Петрограде и в Москве [28]. Узнав об этом, В. И. Ленин в своей записке членам Политбюро ЦК РКП(б) 5 декабря 1921 г. указывал на необходимость «усилить внимание к агитации Мясникова и *2 раза* в месяц докладывать о нем и о ней в Политбюро» [29]. ЦК отмечал, что Мясников нарушил постановление X съезда партии о прекращении фракционной борьбы, и назначил новую комиссию (А. А. Сольц, В. М. Михайлов и др.) для расследования антипартийной деятельности Мясникова [30]. После тщательного и всестороннего рассмотрения всех материалов по делу Мясникова, который в январе и феврале 1922 г. продолжал разваливать пар-

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 101, 109.
[25] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 27, л. 29.
[26] См.: Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, стр. 336.
[27] Там же, стр. 337.
[28] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 576.
[29] Там же, стр. 59.
[30] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 31, л. 15.

тийную организацию Мотовилихи[31], комиссия пришла к выводу о том, что он явно и неоднократно нарушал партийную дисциплину, порвал совершенно с партией и использует пребывание в ней для борьбы с РКП(б). Комиссия предложила Мясникова из партии исключить. Политбюро ЦК РКП(б) в решении от 20 февраля 1922 г. утвердило постановление комиссии, предоставив ему право через год возбудить ходатайство о новом поступлении в партию[32].

В конце февраля 1922 г. остатки «рабочей оппозиции» предприняли еще одну попытку антипартийного выступления, подав на имя Исполкома Коминтерна так называемое заявление «22-х» (А. А. Шляпников, А. Медведев, С. Медведев, Н. Кузнецов и другие). Этот документ подписали Мясников и сторонник «рабочей оппозиции», член Уралбюро ЦК Союза металлистов А. М. Ташкин. В «заявлении» содержалось столько клеветы на Коммунистическую партию, на Центральный Комитет РКП(б), сколько не позволяли себе самые махровые реакционеры. Партия обвинялась в том, что она перестает быть рабочей, что в ней преобладает непролетарский элемент, господствует партийная и профессиональная «бюрократия», отсутствует внутрипартийная демократия, и вообще нависла угроза «раскола нашей партии». Это заявление было рассмотрено специальной комиссией, выделенной Исполкомом Коминтерна, куда вошли виднейшие деятели международного рабочего движения. Комиссия отвергла все обвинения в адрес Коммунистической партии, а пленум Исполкома Коминтерна предупредил авторов заявления, что продолжение антипартийной деятельности может привести их к исключению из рядов Коминтерна.

Часть мотовилихинской партийной организации под влиянием Мясникова поддержала антипартийное заявление «22-х» даже после того, как Исполком Коминтерна его целиком и полностью осудил[33].

18—20 марта 1922 г. вопрос о положении в Мотовилихинской организации всесторонне обсуждался на IX Пермской губернской конференции[34]. Некоторые сторонники Мясникова, например И. И. Карякин, в своем выступлении пытались защитить уже исключенного из партии Мясникова[35].

С партийных позиций и резким осуждением мясниковщины на конференции выступили А. Л. Борчанинов и М. П. Туркин. А. Л. Борчанинов отметил, что одной из причин временных успехов Мясникова являлся мещанский быт, мелкобуржуазный дух некоторой части рабочих Мотовилихи. М. П. Туркин призвал коммунистов поднять свой авторитет и влияние в Советах, в профсоюзных

---

[31] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 155, л. 160, 161, 217, 215, 214, 213.
[32] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б), стр. 749.
[33] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 155, л. 201, 202.
[34] ППА, ф. 557, оп. 3а, д. 5, л. 5.
[35] Там же, л. 39.

организациях, где было очень мало коммунистов и куда под видом беспартийных проникали бывшие эсеры и меньшевики. В решении конференции особо подчеркивалась важность укрепления партийной работы на Мотовилихинском заводе, необходимость единства внутри организации и сплочения ее рядов. «Конференция,— говорилось в резолюции,— считает необходимым покончить с той внутренней борьбой, которая до сих пор разъедала Мотовилихинскую организацию. Губком должен создать там работоспособный районный комитет, задача которого должна быть одна: прочно завоевать мотовилихинских рабочих для РКП(б)» [36].

Партийная конференция резко осудила заявление «22-х» и всех сторонников Мясникова: «Мы никому не позволим под флагом свободы критики клеветать на нашу партию, которая всегда была сильна единством воли и железной дисциплины. Всякому, кто покушается на это единство, мы скажем —руки прочь» [37].

После единодушного осуждения Пермской губернской конференцией раскольнических действий Мясникова и его единомышленников начался процесс постепенного освобождения Мотовилихинской организации от влияния мясниковщины.

20 марта 1922 г. состоялось общезаводское партийное собрание Мотовилихи, которое осудило заявление «22-х» как раскольнический и антипартийный документ. Однако собрание заняло половинчатую позицию в отношении Мясникова и просило ЦК РКП(б) пересмотреть свое решение при условии, если Мясников прекратит вести «свою линию» [38]. Так же поступило собрание активных работников Мотовилихинского района 22 марта 1922 г.[39] Однако сам Мясников и не думал пересматривать свои позиции. Он уже окончательно порвал всякие связи с РКП(б), выступал с контрреволюционными заявлениями и клеветой на партию и Советскую власть перед беспартийными, среди которых были и враждебные элементы. Так, на собрании рабочих завода 22 марта 1922 г. Мясников выступил со злобной антисоветской речью, клевеща на внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советской власти [40]. После этого Мясников был отправлен в Москву и в Мотовилиху ему возвращаться было запрещено [41].

Тем временем в Мотовилихинской организации усилился процесс оздоровления. Этому способствовало как улучшение экономического положения страны, так и расширение производства на Мотовилихинском заводе. 9 апреля 1922 г. состоялось общее собрание коммунистов Мотовилихи, на котором присутствовало 150 человек. Был заслушан доклад о работе Мотовилихинского райкома РКП(б). М. П. Туркин, А. Ф. Фадеев и другие говорили

---

[36] ППА, ф. 557, оп. 3а, д. 5, л. 64.
[37] Там же, л. 65, 66.
[38] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 577, л. 29.
[39] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 155, л. 201.
[40] ППА, ф. 713, оп. 1, д. 13, л. 4, 5, 6, 7.
[41] Там же, л. 4—7, 12.

о слабой работе райкома, отсутствии твердой партийной линии в руководстве организацией, отмечали, что райком часто оказывался на поводу у мясниковцев. Секретарем Мотовилихинского райкома РКП(б) был избран И. П. Румянцев, сыгравший большую роль в укреплении партийной организации, в изживании разлагающего влияния мясниковщины.

В целях оздоровления мотовилихинской организации большую работу провела Пермская губернская контрольная комиссия, которая после тщательного разбора дела исключила из партии активных членов группы Мясникова, в том числе В. М. Сивилева, П. Ф. Сорвина, М. П. Копысова, И. Н. Странева и других [42]. Впоследствии большинство из них уяснили вред мясниковщины, признали свои ошибки и Центральной Контрольной Комиссией были восстановлены в рядах РКП(б) [43].

Осенью 1923 г. Мясников стал одним из организаторов так называемой «рабочей группы», которая пыталась продолжать раскольническую деятельность «рабочей оппозиции», но вскоре была распущена. Сам Мясников эмигрировал.

События 1921—1922 гг. в Мотовилихинской партийной организации Пермской губернии очень поучительны. В Мотовилихе, как в зеркале, отразились сложные процессы, происходившие в стране, в рабочем классе, в ряде звеньев нашей партии; их глубокий анализ был дан в выступлениях В. И. Ленина, в решениях партии. Суть их заключалась в том, что вступление страны и Коммунистической партии в новую полосу развития, переход к мирному строительству проходил в условиях тяжелой разрухи, продовольственного кризиса, когда требовалась особенно большая твердость и сплоченность коммунистов.

Однако Мотовилихинская партийная организация оказалась не на должной высоте, поэтому здесь и стал действовать Г. И. Мясников, активный участник осужденной партией «рабочей оппозиции». Руководство Пермского губкома не смогло справиться с ростом анархистских настроений в Мотовилихинской партийной организации.

Вмешательство Центрального Комитета РКП(б), вождя партии В. И. Ленина, их энергичные действия по разоблачению и пресечению антипартийной и антисоветской деятельности Мясникова оздоровили обстановку в партийной организации Мотовилихи и дали ей возможность встать на правильный путь.

Из мясниковщины были извлечены серьезные уроки. Они состоят в том, что Коммунистическая партия сильна прежде всего своей правильной политикой, верностью интересам рабочего класса, авторитетом в массах, идейной закалкой своих руководителей. В. И. Ленин не раз указывал, что партия свое призвание видит «не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы

---

[42] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 415, л. 6.
[43] ППА, ф. 713, оп. 1, д. 13, л. 1, 69.

вести массы за собой»[44]. Неизменное соблюдение ленинских норм партийной жизни, принципов демократического централизма, подчинение нижестоящих органов вышестоящим является важнейшим условием силы и мощи партии. Малейшее отклонение от этих принципов, мелкобуржуазное, анархическое нежелание подчиняться решениям избранных партией вышестоящих органов может привести к тяжелым последствиям, к ущербу общему делу строительства социализма и коммунизма.

---

[44] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 94.

В. П. АНИСТРАТЕНКО

МЕРОПРИЯТИЯ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КЛАССОВОГО ПРИНЦИПА НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕРЕВНЕ (1921—1923 гг.)

Важнейшим средством ограничения роста и экономического влияния кулачества в первые годы нэпа была налоговая политика Советского государства.

X, XI, XII съезды партии и X Всероссийская конференция РКП(б) определили основные задачи налоговой политики в деревне[1]. Этими директивами руководствовались советские органы при разработке налоговой системы. 21 марта 1921 г. ВЦИК принял декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»[2]. В соответствии с этим Совнарком РСФСР 21 апреля 1921 г. издал декрет «О налоге на хлеб, картофель, масличные семена, молочные продукты, яйца»[3], который в основном определил размеры налога 1921—1922 гг.

В целом продналог был значительно легче, чем продразверстка. Если в 1920 г. по продразверстке на Урале было заготовлено 525 730 *т* хлебопродуктов, то в 1921 г.— только 136 050 *т*, или 25,8% от уровня 1920 г.[4] Продовольственный налог в Екатеринбургской губернии составлял около 40% прошлогодней разверстки[5], а в Шадринском уезде этой же губернии — лишь 29% объема разверстки[6].

Вопросы продналоговой политики были в центре внимания всех партийных и советских органов Урала. В мае 1921 г. Уралбюро ЦК РКП(б) разработало и разослало циркулярное письмо всем губкомам, губпродкомам и губпродкомиссарам Урала о подготовке и проведении продкампании[7].

Партийные и советские органы Урала при налогообложении подходили к различным социальным группам крестьянства с клас-

[1] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 256, 257, 268—270, 332, 429—432.
[2] СУ РСФСР, 1921, № 26, ст. 147.
[3] С РСФСР, 1921, № 37, ст. 197.
[4] См.: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг. М., 1928, стр. 379.
[5] См.: «Известия Екатеринбургского губкома РКП(б)», 1921, № 11, стр. 15.
[6] СПА, ф. 76, оп. 1, д. 254, л. 140.
[7] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 78, л. 39.

совых позиций, стараясь по мере возможности в условиях разрухи, голода и неурожая учесть интересы бедноты и середняцких масс. Так, согласно декрету, от сдачи налога освобождались крестьянские хозяйства без посева и имеющие 1 *дес.* пахотной земли [8].

Трудовое крестьянство Советской России, в том числе и Урала, одобрительно отнеслось к замене разверстки налогом. Подводя итог работы Челябинской уездной беспартийной конференции (28 февраля 1922 г.), на которой наряду с другими вопросами обсуждались результаты продналоговой кампании 1921/22 г., газета «Советская правда» писала: «Продналог встретил сочувственное отношение к себе в деревне. Ни одного голоса не было против продналога, его необходимость признавалась всеми» [9].

Значительная часть крестьян Урала сдавала продналог 1921 г. добровольно и своевременно, понимая свой долг перед государством. Так, в Екатеринбургской губернии сбор продналога закончился в основном в первых числах ноября 1921 г.[10], а в некоторых районах даже раньше. Например, крестьяне Некрасовской, Никольской и Чернокоровской волостей Камышловского уезда уже в сентябре 1921 г. полностью справились с заданием. Чернокоровская и Никольская волости за досрочную сдачу налога решением губкома партии и губисполкома были занесены на Красную доску губернии [11]. Однако вывод о том, что продналоговая кампания на Урале проходила легко, был бы ошибочным. Частнособственническая психология крестьянина-единоличника, на которую неоднократно указывал В. И. Ленин [12], сказывалась в том, что многие крестьяне затягивали сдачу хлеба государству.

Мероприятия партийных и советских органов Урала по сбору продналога и облегчению налогового обложения для бедняцко-середняцких масс крестьянства встречали ожесточенное сопротивление кулачества, что проявилось, прежде всего, в попытке срыва продкампании. В передовой «Правды» «Мобилизация контрреволюционных сил» отмечалось: «Сейчас все силы старого мира приноравливают свою работу к тому, чтобы испортить нам проведение продналога» [13].

Формы сопротивления кулачества на Урале были самые разнообразные: от агитации, саботажа и укрывательства хлеба до подстрекательства к открытым выступлениям. Особенно многочисленные случаи укрытия со стороны зажиточной верхушки деревни скота и хлеба от обложения имели место в Ирбитском, Курганском и Челябинском уездах [14]. В Челябинском уезде были выявлены

---

[8] ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 376, л. 21.
[9] «Советская правда», 1922, 3 марта.
[10] См.: «Известия Екатеринбургского губкома РКП(б)», 1921, № 11, стр. 15.
[11] ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 221, л. 319; д. 376, л. 21.
[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 196; т. 39, стр. 312.
[13] «Правда», 1921, 7 июля.
[14] См.: «Землероб», 1921, 10 мая; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 65, л. 115; д. 241, л. 134; ГАКО, ф. 218, оп. 1, д. 231, л. 137.

факты, когда кулаки, имея по 15—25 овец, записывали только 3—5 и вместо имеющихся 4—5 коров — 1—2 коровы [15].

Кулачество не только укрывало объекты обложения, но и вело агитацию среди населения против продналога. Используя тяжелое положение в ряде районов Урала (разруха, неурожай, голод), кулаки шептали голодному крестьянству, что «Советская власть обдирает мужиков» [16]. Имели место случаи насилия и самосуда над продработниками и советскими работниками (Курганский, Сарапульский уезды) [17]. Кое-где под влиянием антисоветской агитации часть населения отказывалась от уплаты налога (Ирбитский, Красноуфимский, Курганский, Камышловский, Сарапульский, Ишимский и Ялуторовский уезды).

Партия и правительство принимали решительные меры для пресечения саботажа кулачества по сдаче продналога. 15 июня 1921 г. было принято постановление СНК «Об ответственности за нарушение декрета о натуральных налогах и обмене» за подписью В. И. Ленина, в котором говорилось: «Карается принудительными общественными работами или лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой несдача плательщиком причитающегося с него продовольственного или сырьевого налога, если установлено отчуждение, сокрытие или прямой отказ от сдачи сельскохозяйственных продуктов или иные злостные действия неисправного плательщика» [18].

Столь же определенно высказал свое мнение об отношении к кулакам-саботажникам В. И. Ленин в ответе на телеграмму председателя Пензенского губисполкома тов. Минкина о подавлении бунта кулаков от 12 августа 1921 г.: «Надо... использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом» [19]. Это указание было очень своевременным не только для Пензенской губернии, но и для Урала, где кулачество в 1921 г. оказывало вооруженное сопротивление Советской власти, а на продналоговую кампанию ответило злостным укрывательством объектов обложения (прежде всего пашни), подбивая на это бедняцко-середняцкие слои деревни.

Кулачество страны, в том числе и Урала, рассчитывало сорвать план продналоговой кампании и тем самым задушить костлявой рукой голода молодую Советскую республику. Допустить невыполнение плана продналога 1921/22 г. в условиях разрухи и голода было нельзя. Партия должна была принять особые меры, которые бы обеспечили полный сбор налога. 19 октября 1921 г. СТО принял

---

[15] ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 65, л. 115.

[16] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 196, л. 18; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 240, л. 4.

[17] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 83, л. 4; ГАЧО, ф. 138, оп. 1, д. 44, л. 184.

[18] «Известия Екатеринбургского губисполкома Совета РК и КД», 1921, 20 августа; ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 46, л. 199.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 148.

постановление «О мерах борьбы с сокрытием пашни»[20], подписанное В. И. Лениным.

Проводя в жизнь решения партии и правительства, партийные и советские органы Урала решительно пресекали махинации кулаков по скрытию пашни. Например, IV внеочередной Челябинский губернский съезд Советов (11—12 декабря 1921 г.) по этому вопросу принял следующее решение: «Скрывших от обложения пашни и упорно не желавших сдать продналог предать суду ревтрибунала как злостных врагов миллионов голодающих крестьян и всей Республики»[21].

В соответствии с постановлением СТО во всех губерниях, уездах и волостях Урала были организованы комиссии по выявлению скрытой пашни и скота[22]. В результате работы комиссий уже в начале ноября удалось установить, что площадь скрытой пашни составляет в Екатеринбургской губернии от 77 048 до 173 358 *дес.* (от 4 до 9% всей пашни), в Пермской — 514 414 *дес.* (или 21% всей пашни), по Курганскому, Куртамышскому и Челябинскому уездам Челябинской губернии — 112 306 *дес.* (или 5% пашни). Кроме того, по Челябинской губернии было скрыто от налогового обложения 5706 голов крупного скота, 167 137 овец и 27 683 свиньи[23].

Комиссии не только устанавливали размеры скрытой пашни и скота, но и обнаруживали их. Так, до 5 ноября 1921 г. было обнаружено и обложено налогом по Пермской губернии 98 894 *дес.*, а по Тюменской — 2449,5 *дес.*[24]

Помимо работы по выявлению скрытых объектов обложения, государственные органы Урала вели решительную борьбу против злостных неплательщиков налога, к которым применялись меры принуждения через судебные органы. На основании циркуляра Верховного трибунала при ВЦИК и Народного Комиссариата Продовольствия от 12 июля 1921 г.[25] при губернских революционных трибуналах Урала были созданы особые сессии для рассмотрения в срочном порядке дел о нарушениях декретов о продовольственных и иных налогах. В большинстве своем злостными неплательщиками оказывались зажиточные крестьяне, кулаки, участники мятежей 1918—1921 гг., которые провоцировали середняков и бедноту. В отношении остальных неплательщиков обычно применялись меры административного воздействия и лишь в крайних случаях некоторые из них предавались суду.

---

[20] См.: «Советская правда», 1921, 18 ноября.

[21] Там же, 15 декабря.

[22] См.: «Советская правда», 1922, 22 февраля.

[23] См.: «Известия Екатеринбургского губкома РКП(б)», 1921, № 11, стр. 16; СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 34, л. 81; «Советская правда», 1922, 22 февраля.

[24] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 34, л. 81. (Есть другие данные о количестве выявленной пашни в Пермской губернии: на 16 декабря 1921 г. было выявлено 58 000 *дес.* См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 79, л. 36); СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 34, л. 81.

[25] СУ РСФСР, 1921, № 70, ст. 557.

Для более успешного проведения кампании по сбору продналога в некоторые уезды Урала посылались выездные сессии губернских ревтрибуналов. Например, в течение сентября — октября 1921 г. в Челябинской губернии работало 8 выездных сессий ревтрибунала [26]. В Екатеринбургской губернии выездные сессии работали в Красноуфимском, Ирбитском и Шадринском уездах [27]. 5 января 1922 г. выездная сессия Екатеринбургского губревтрибунала приговорила граждан Иванищевской волости Шадринского уезда Брусова А. Е., Кетова А. А., Ежеменских И. С., Тараканова М. В. и Суханова С. Т. за злостный и упорный отказ от выполнения натурналогов к суровому наказанию [28].

Обвинительные приговоры доводились до сведения широких масс. Судебные органы во время работы по продналогам выступали не только как органы правосудия, но и как органы воспитания и мобилизации крестьянства на выполнение налоговых обязанностей. Они совместно с партийными и советскими органами на местах проводили большую агитационно-массовую работу среди населения, разъясняли сущность натуральных налогов, их принципиальное отличие от продразверстки [29].

В целом большая, многогранная и напряженная работа партийных, советских, профсоюзных и других государственных органов (суд, милиция, ВЧК) дала положительные результаты. Продналоговая кампания на Урале была завершена в апреле 1922 г.

Однако в ходе первой продналоговой кампании на Урале выявились существенные недостатки и ошибки, особенно в проведении классового принципа налогообложения. Почву для злоупотреблений и нарушений классовой линии в сборе продналога создавали проникшие в советские органы вражеские элементы. Например, Камышловский уездногородской отдел управления сообщал в Екатеринбургский губотуправ, что «на местах диктуемая правильная линия не всегда проводится ввиду немалого процента зажиточного элемента в составе волостных аппаратов и вся тяжесть проводимых налогов ложится, главным образом, на действительно неимущее беднейшее население...» [30]. Характеризуя продработников Тюменской губернии в конце 1921 г., секретарь Тюменского губкома партии в отчете Уралбюро и ЦК РКП(б) сообщал: «Качественный состав продработников был негодный и даже преступный» [31].

---

[26] См.: «Советская правда», 1921, 16 октября; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 227, л. 7; д. 240, л. 4; ГАЧО, ф. 138, оп. 3, д. 10, л. 79; ГАКО, ф. 635, оп. 2, д. 37, л. 24.

[27] См.: «Уральский рабочий», 1921, 11 августа; «Землероб», 1921, 30 августа; СПА, ф. 76, оп. 1, д. 261, л. 21; ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 132, л. 7; ф. 511, оп. 1, д. 221, л. 319; д. 333, л. 75; д. 376, л. 21.

[28] СПА, ф. 76, оп. 1, д. 497, л. 12.

[29] См.: В. В. Кривоногов. К вопросу о продналоговой кампании в уральской деревне летом и осенью 1921 г.— В кн.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963, стр. 196.

[30] ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 411, л. 28.

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 947, л. 2.

Партийные и советские органы Урала проводили решительную борьбу с этим злом. Расширенный пленум Тюменского губкома РКП(б), обсудив 7—8 сентября 1921 г. вопрос «О политическом состоянии Тюменской губернии и ближайшем практическом плане партийной работы», принял следующую резолюцию: «Для того, чтобы основы новой экономической политики были понятны для всей массы крестьянства не только на словах, но и на деле, работа руководящих советских органов (особенно продовольственных и земельных) должна приобрести абсолютную правильность, четкость и согласованность, для чего основной предпосылкой является беспощадная борьба с проявлениями произвола ведомственности, замкнутости, бесхозяйственности и разгильдяйства»[32]. Следствием этого решения явился крупный судебный процесс в Тюмени в конце 1921 г. над продработником Лебедевым, привлеченным к ответственности за грубые способы проведения продналога, за нарушение классовой линии партии[33].

Аналогичные действия предпринимали партийные и советские органы и в других губерниях Урала. Так, согласно постановлению президиума губисполкома от 6 апреля 1921 г. Екатеринбургский губревтрибунал направил в Камышловский уезд выездную сессию для расследования преступной деятельности райпродуполномоченного Лукина. В ходе следствия сессия установила, что Лукин производил незаконные массовые обыски, аресты крестьян и изъятие вещей[34].

Несмотря на трудности, первый продналог оправдал себя экономически и политически. Главный политический итог заключался в прекращении колебаний крестьянства, в переходе его на сторону пролетариата. Это убедительно подтвердили события, связанные с кулацко-эсеровским мятежом на Урале в первой половине 1921 г. Часть крестьянства, поддерживавшая кулаков и эсеров, сразу же после отмены продразверстки стала отходить от них, что привело к краху мятежа.

Продналог способствовал укреплению экономического и политического союза рабочих и крестьян. На основе анализа первой продкампании В. И. Ленин сделал вывод: «Первый раз в 1921 г. переживаем мы этот союз как экономический»[35].

Учитывая положительный и отрицательный опыт продналоговой кампании 1921/22 г., XI съезд партии (март — апрель 1922 г.) в резолюции «О работе в деревне» указал: «Съезд признает необходимым поставить на ближайшей сессии ВЦИК декрет об едином натуральном налоге в целях общего его усовершенствования и осо-

---

[32] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1183, л. 15 об.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 947, л. 2.
[34] См.: В. В. Кривоногов. К вопросу о продналоговой кампании в уральской деревне летом и осенью 1921 г., стр. 198.
[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 306

бенно облегчения бремени, падающего на беднейшее крестьянство»[36].

17 марта 1922 г. был издан декрет ВЦИК и СНК «Об едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922—1923 гг.». Многочисленные натуральные налоги были заменены единым натуральным налогом, который исчислялся в пшеничных или ржаных единицах[37]. Новый декрет предусматривал значительные льготы для маломощного крестьянства и семей красноармейцев. От налога освобождались также хозяйства, пострадавшие от кулацкого контрреволюционного восстания 1921 г.[38] В августе 1922 г. с бедняцких хозяйств были сняты недоимки по налогу 1921/22 г. Такое решение, в частности, принял Екатеринбургский губисполком[39].

Руководствуясь указаниями партии и правительства, партийные и советские органы Урала проводили в налоговой кампании 1922/23 г. четко выраженную классовую линию. Так, малопосевные группы хозяйств (до 3 дес.), число которых составляло 51,8% от общего количества всех хозяйств, выплачивали 13,9% суммы налога (на хозяйства с посевом до 1 *дес.*, которых было 23,1%, приходилось только 2% начисленного налога); среднепосевные хозяйства (от 3,1 до 8 *дес.*), объединявшие 35,4% крестьянских дворов, вносили 42,4% общего размера налога; хозяйства с посевом от 8,1 до 16 *дес.* (их было 11,2%) — 32,2%; а с посевом свыше 16 *дес.* (1,6%) — 11,5%[40].

Еще более четко тенденция классового подхода проявилась в налоговой кампании 1923/24 г. На основе решений XII съезда партии и X съезда Советов был принял декрет ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. «О едином сельскохозяйственном налоге»[41]. Единый сельскохозяйственный налог объединял все прежние налоги: единый натуральный налог, трудналог, общегражданский и местный подворный. Исчислялся новый налог в ржаных или пшеничных единицах — пудах, а взимался натурой и деньгами. На Урале в 1923/24 г. был собран налог деньгами — 60%, облигациями — 15%, натурой — 25%[42].

Распределение налога между социальными группами деревни отвечало решению XII съезда партии, в котором говорилось, что «единый сельскохозяйственный налог должен обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков... Благодаря этому прямой налог даст воз-

---

[36] КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 335.

[37] СУ РСФСР, 1922, № 25, ст. 289.

[38] См.: «Звезда», 1922, 25 августа; ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 99, л. 195.

[39] ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 132, л. 58.

[40] Цифровые показатели составлены на основе данных, приведенных в «Уральском статистическом ежегоднике 1923—1924 г.» (Свердловск, 1925, стр. 270).

[41] СУ РСФСР, 1923, ст. 451; «Советская правда», 1923, 19 мая и 5 сентября.

[42] См.: Отчет Уралоблисполкома о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. V съезду Советов Уральской области. Свердловск, 1925, стр. 31.

можность Советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты и середняка»[43].

Партийные и советские органы Урала проводили налоговую политику в соответствии с этими указаниями. Так, на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1923 г. на Урале была сделана 5%-ная скидка с общей суммы налога, в счет которой освобождалось от обложения до 30% маломощных крестьянских хозяйств[44]. В результате от налога было освобождено 123 тыс. бедняцких хозяйств Екатеринбургской губернии (36% от всех хозяйств), 195 тыс. хозяйств Челябинской губернии (38,7% всех хозяйств)[45].

Во всех решениях партийных и советских органов Урала подчеркивалось, что льготы не распространяются на лиц, принадлежавших к нетрудовому крестьянству: бывших попов, помещиков, служителей религиозных культов и лишенных избирательных прав[46].

Общая сумма скидок и льгот по Уралу в продкампании 1923/24 г. достигла 5 608 705 *пуд.* хлеба. Если первоначально начисленный налог по Уралу выражался в 26 001 027 *пуд.* ржаных единиц, то в результате применения вышеуказанных льгот он снизился до 20 392 322 *пуд.* Всего в течение продналоговой кампании 1923/24 г. поступило 18 771 060 *пуд.* хлебопродуктов, т. е. 91,56% исчисленного количества или 110,47% от контрольных цифр НКФ[47].

Налог 1922/23 г. и 1923/24 г. имел прогрессивный характер. В 1922/23 г. налогообложение высшей многопосевной группы хозяйств было в 7,3 раза выше, чем в беспосевной группе хозяйств[48]. При определении ставок налога в 1923/24 г. прогрессия обложения значительно увеличилась. Например, малопосевные хозяйства Камышловского, Пермского, Кунгурского и Ирбитского уездов облагались в 9 раз меньше, чем многопосевные, а в Верхне-Уральском, Троицком и Челябинском уездах — в 10,8 раза[49]. Следовательно, основная тяжесть налогов приходилась на зажиточные и кулацкие хозяйства.

Партийные и советские органы Урала следили за соблюдением законности в налогообложении крестьян — бедняков и середняков. Не случайно Уралбюро ЦК РКП(б), заслушав вопрос о ходе продналоговой кампании по Уралу, постановило 12 октября 1923 г.:

---

[43] КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 431.

[44] См.: III сессия Уральского облисполкома Советов РК и КД 30 июня — 2 июля 1924 г. Екатеринбург, 1924, стр. 7.

[45] См.: «Крестьянская газета», 1923, 22 ноября; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 686, л. 125.

[46] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 255, л. 85; ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 136, л. 351; ф. 511, оп. 1, д. 474, л. 370.

[47] См.: Отчет Уральского облисполкома о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. V съезду Советов Уральской области, стр. 30—31.

[48] См.: Уральский статистический ежегодник 1923—1924 г., стр. 310.

[49] См.: «Советская правда», 1923, 19 мая и 5 сентября; «Уральский рабочий», 1923, 6 сентября; СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 257, л. 197; ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 136, л. 302.

«Обратить внимание губкомов на работу мест по рассмотрению жалоб и ходатайств налогоплательщиков, особенно из бедняцкой среды, о скидках и льготах с тем, чтобы предусмотренные законом льготы обязательно были предоставлены в первую очередь беднякам и середнякам...» [50].

Выполняя это решение, местные партийные органы Урала стали требовать от продорганов скорейшего устранения допущенных ошибок. Так, за время продналоговой кампании 1923/24 г. была подана 124 501 жалоба, из них 88 565 (71,3%) рассмотрены в пользу крестьян-налогоплательщиков [51].

Классовый подход в проведении налоговой политики встречал возраставшее сопротивление кулачества, которое по мере восстановления сельского хозяйства и углубления дифференциации крестьянства экономически крепло. Зажиточные слои деревни, прежде всего кулаки, пытались сорвать продкампанию 1922/23 г. В ряде районов Урала (особенно в Ишимском и Ялуторовском уездах Тюменской области) кулачество агитировало крестьянские массы против налогов [52]. В продкампанию 1923/24 г. кулаки, агитируя за массовый отказ от выполнения налога, расклеивали прокламации (село Квашнинское и деревня Малое Квашнино Шадринского уезда). Под влиянием подобной агитации были случаи отказа от получения окладных листов. Так, часть крестьян деревни Валанино Верхотурской волости Нижне-Тагильского уезда не явилась за получением окладных листов на сельскохозяйственный налог. Подобные случаи произошли в деревне Кулигинцево Каменской волости Тюменского уезда, деревнях Ивановка и Красная Красно-Слободской волости Ирбитского уезда [53].

Кулаки не только агитировали за срыв продкампании, но по-прежнему скрывали размеры пахотно-сенокосной площади, данные о количестве скота, завышали сведения о составе семьи. В деревне Водолазовой Тушнолобовской волости Ишимского уезда кулак Кожин, имея 18 коров, 8 лошадей, два дома, 20 *дес.* посева, записал 10 коров, 5 *дес.* посева [54]. Кулаки села Елабуга Белоярской волости Челябинского уезда уговорили 67 домохозяев скрыть от обложения 220 *дес.* пашни. На август 1923 г. в Ялуторовском уезде было выявлено более 100 тыс. *дес.* скрытых пахотных земель, а в Тюменском уезде — около 2 тыс. *дес.* [55]

Партийные и советские органы Урала принимали решительные меры для пресечения антиналоговой деятельности кулачества [56].

---

[50] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 179, л. 202.

[51] См.: Отчет Уральского облисполкома о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. V съезду Советов Уральской области, стр. 31.

[52] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 78, л. 67; д. 81, л. 115; д. 82, л. 67; д. 84, л. 53, 106.

[53] СПА, ф. 76, оп. 1, д. 680, л. 104, 134; ф. 1494, оп. 1, д. 218, л. 148, 149.

[54] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 84, л. 33.

[55] См.: «Советская правда», 1923, 30 сентября.

[56] ГАСО, ф. 715, оп. 1, д. 189, л. 36—39в.

Наряду с административными и судебными мерами воздействия в отношении злостных нарушителей единого сельскохозяйственного налога из числа зажиточных, советские органы Урала проводили большую разъяснительную работу среди трудового крестьянства, попавшего под влияние кулацкой агитации. С этой целью проводились десятидневки (с 10 по 20 июля 1923 г. в Шадринском уезде) и двухнедельники (с 25 июня по 10 июля в Пермской губернии) добровольного выявления скрытых объектов обложения, которые дали положительные результаты [57].

В целом трудовое крестьянство Урала не поддержало попыток кулачества сорвать продкампании 1922/23 и 1923/24 гг. Большую роль в этом сыграла проведенная партийными и советскими органами Урала огромная работа (разъяснение налоговых мероприятий Советской власти, укрепление финансовых и налоговых органов коммунистами, заслушивание на бюро укомов, губкомов и Уралбюро ЦК РКП(б) вопросов о деятельности продорганов).

Продналоговая кампания 1922/23 г. на Урале продолжалась 35 дней. Началась она 10 сентября, а закончилась в основном 15 октября 1922 г. По сбору продналога Урал шел одним из первых в республике, уступая место лишь Московской, Тульской и Костромской губерниям [58].

Уралбюро в отчете ЦК РКП(б) за сентябрь 1922 г. так оценивало ход выполнения продкампании: «Продналог идет хорошо. В ряде волостей продналог сдавался всей волостью при торжественной обстановке, при звуках музыки и с красными знаменами» [59].

Продкампания 1923/24 г. проходила также в обстановке массового движения крестьян за досрочную сдачу налога. Уже к 7 февраля 1924 г. контрольное задание Народного Комиссариата финансов было полностью выполнено [60].

В информационном отчете Курганского укома партии в Челябинский губком РКП(б) и Уралбюро ЦК РКП(б) за сентябрь 1923 г. сообщалось: «В связи с легкостью выполнения налога, льготами по декрету, крестьянство сдает налог самотеком, без нажимов, отсюда настроение крестьянства спокойное, отношение к Советской власти хорошее» [61].

Оценивая политическое положение деревни в конце 1923 г., Уралбюро ЦК РКП(б) в отчете первой уральской конференции РКП(б) 5 декабря 1923 г. отмечало, что «поступление сельскохо-

---

[57] См.: «Звезда», 1923, 29 июля; ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 465, л. 147.

[58] См.: «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 10(46), стр. 9; «Уральский рабочий», 1922; 25 октября; «Советская правда», 1922, 30 августа и 26 сентября; ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 247, л. 21; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 241, л. 21.

[59] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 79, л. 21.

[60] См.: Отчет Уральского облисполкома о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. V съезду Советов Уральской области, стр. 31.

[61] КПА, ф. 1, оп. 1, д. 185а, л. 1034.

зяйственного налога идет в высшей степени успешно и без всякого нажима»[62].

Советская налоговая политика укрепила доверие трудящегося крестьянства к Коммунистической партии и рабочему классу. Трудовое крестьянство Урала наглядно убедилось в том, что Советская власть проводит последовательную политику по уменьшению тяжести налогового обложения, способствует подъему его хозяйства.

Несмотря на трудности первых лет нэпа (голод, разруха, неурожай), Коммунистическая партия неуклонно проводила классовую линию в области налогового обложения. Сельскохозяйственный налог был важным орудием борьбы с кулачеством, так как способствовал его экономическому ограничению.

---

[62] Отчет Уралбюро ЦК РКП(б) I (V) Уральской областной конференции РКП(б) 5 декабря 1923 г. Екатеринбург, 1923, стр. 5; СПА, ф. 4, оп. 2, д. 2а, л. 2.

Ф. А. ФАЙЗРАХМАНОВА

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА СРЕДИ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С СУДЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ НАД РУКОВОДСТВОМ ПАРТИИ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ

Переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике с неизбежностью вел к росту капиталистических элементов в стране. «...Новая экономическая политика, — писал В. И. Ленин, — не может не вести к известному усилению капитализма. Противовес этому в виде усиления борьбы с мелкобуржуазными влияниями на рабочий класс настоятельно необходим» [1].

Особую активность в первые годы нэпа стали проявлять остатки мелкобуржуазных партий, стремившиеся подорвать доверие рабочего класса и крестьянства к Коммунистической партии и в конечном итоге — подготовить почву для реставрации капитализма. Извращая сущность и характер нэпа, эсеро-меньшевистские идеологи пытались представить его как поворот к капитализму, как доказательство провала политики большевистской партии. Необходимо было разоблачить подобные измышления. X съезд РКП(б) поручил всем агитационно-пропагандистским органам и Главполитпросвету развить самую усиленную борьбу против идеологических диверсий мелкобуржуазной контрреволюции [2].

В соответствии с указаниями X съезда в Москве 7—11 июля 1921 г. было проведено совещание заведующих агитпропотделами губкомов и областкомов РКП(б). Совещание подчеркнуло, что контрреволюционной деятельности мелкобуржуазных партий и групп Коммунистическая партия должна противопоставить правильно ведущуюся агитацию и пропаганду. «Перед населением, — отмечалось на совещании, — агитация наша должна заключаться не только в обрисовке политической роли мелкобуржуазных партий, особенно партии эсеров, их связи с мировой контрреволюцией, их помощи всем белогвардейским выступлениям, бывшим до сих пор, но и той огромной разрушительной роли, какую они играли и играют в нашем государстве» [3].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 352.

[2] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 246.

[3] «Вестник агитации и пропаганды», 1921, № 16—17, стр. 34.

В условиях перехода к новой экономической политике активизировали свою деятельность мелкобуржуазные группировки и на Урале. Районами деятельности эсеров в основном являлись Пермская губерния и Златоуст, меньшевики и анархисты большей частью обосновались в Екатеринбурге. Отдельные группировки мелкобуржуазных партий существовали в Тюменской и Челябинской губерниях[4].

В обстановке первых лет нэпа, когда активизировалась мелкобуржуазная стихия, особенно большую опасность представляло распространение реставраторской идеологии эсеров. Их подпольные ячейки еще сохранились на Урале, в Перми находился областной центр. Не имея возможности выступать открыто, эсеры действовали из-за угла. Воспользовавшись продовольственным кризисом, вызванным неурожаем 1921 г., голодом в ряде районов, они пытались раздуть недовольство рабочих и подстрекали их к забастовкам. В конце февраля 1921 г. им удалось спровоцировать невыход на работу швейников Екатеринбурга, конфликт рабочих с администрацией завода в Надеждинске. В Перми фабриковались антисоветские листовки, на ряде мелких заводов эсерам удалось подбить рабочих на «итальянскую» забастовку.

Партийные организации Урала, руководствуясь решениями X съезда РКП(б), развернули широкую деятельность по разоблачению контрреволюционной сущности политики и идеологии эсеров. Большую помощь в этом им оказали материалы, опубликованные в журнале ЦК РКП(б) «Вестник агитации и пропаганды», передовые статьи «Правды» «Улучшать или разрушать», «Две программы»[5–6] и другие.

Активную роль в разоблачении эсеровщины играла и местная партийная печать. Острая критика предательской, контрреволюционной деятельности партии эсеров давалась на страницах газет («Уральский рабочий», «Звезда», «Трудовой набат», «Советская правда», «Пролетарская мысль») и журналов («Уральский коммунист», «Пролетарий», «Молот»). В печати выступали такие крупные работники, как Бела Кун, К. В. Рындин, М. П. Туркин, А. И. Сидоров, И. П. Румянцев и другие.

Возглавляли идеологическую работу по разоблачению эсеровщины агитационно-пропагандистские отделы Уралбюро ЦК, губкомов, уездкомов, горкомов и райкомов РКП(б), применяя самые различные ее формы и методы: агитационные суды, митинги, лекции и доклады. История борьбы большевиков с мелкобуржуазными партиями изучалась в кружках и школах политграмоты. Широкое распространение получила такая форма, как проведение открытых партийных собраний, привлекавших многих беспартийных трудящихся. Обсуждавшийся на этих собраниях вопрос о контрреволю-

---

[4] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 34, л. 78; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 445, л. 27.
[5–6] См.: «Правда», 1921, 27 февраля и 5 марта.

ционной политике эсеров неизменно вызывал повышенный интерес [7].

Огромное значение в разоблачении и разгроме эсеровщины и всех антисоветских элементов имел судебный процесс 1922 г. над руководством партии правых эсеров. 27 февраля 1922 г. Государственное Политическое Управление опубликовало сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров [8]. Одновременно в центральных и местных партийных журналах были опубликованы признания Г. Семенова (Васильева) и Л. Коноплевой о причастности партии правых эсеров к убийству В. В. Володарского, М. С. Урицкого и организации покушения на В. И. Ленина в 1918 г.

Задолго до начала суда по всей стране развернулась широкая массово-политическая кампания. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) подготовил и разослал всем губкомам специальные тезисы «К процессу правых эсеров» [9]. В них указывалось на значение процесса, раскрывались основные этапы истории партии эсеров, разоблачалась их контрреволюционная террористическая деятельность, сотрудничество с международными реакционными силами. Агитпропколлегия Центрального Комитета партии летом 1922 г. приняла решение «начать кампанию по делу эсеров, доведя ее до максимального напряжения ко времени процесса» [10].

Выполняя указания Центрального Комитета, уральские партийные организации готовились использовать процесс для разоблачения в глазах трудящихся контрреволюционной политики и идеологии эсеров. Губернскими комитетами партии были проведены инструктивные совещания партийных работников и секретарей ячеек, общерайонные и городские собрания, участники которых заслушали доклады о предательской роли партии эсеров и значении процесса над ними.

Большую работу по разоблачению идеологии эсеров проводили партийные комитеты Пермской губернии. 22 мая 1922 г. совещание заведующих агитпропотделами с участием ответственного секретаря Пермского губкома партии и редакции «Звезды» наметило задачи партийных организаций в связи с предстоящим процессом. Был проведен инструктаж пропагандистов и агитаторов. Редакции газеты «Звезда» поручалось систематически публиковать материалы, разоблачающие контрреволюционную деятельность эсеров. Для участия в кампании на местах в уезды направлялись члены губкома [11]. Агитпропотделом Пермского губкома РКП(б) были подготовлены тексты лекций и рекомендательный список литературы для докладчиков.

---

[7] См.: «Правда», 1921, 20 мая.

[8] См.: «Уральский рабочий», 1922, 5 марта.

[9] См.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, стр. 408.

[10] См.: «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 6 (42), стр. 19.

[11] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 227, л. 74.

Для разоблачения антисоветской сущности эсеровщины партийные организации использовали самые разнообразные формы агитации и пропаганды. Одной из них являлись так называемые политические суды. Партийные организации заботились о подборе общественных обвинителей и «защитников», которые в ходе этих процессов разъясняли важнейшие вопросы политики Коммунистической партии и Советского государства.

В мае 1922 г. такой агитсуд был подготовлен и успешно проведен по инициативе Второго райкома партии Перми. В нем непосредственное участие принимали ответственные партийные и советские работники: А. А. Шпагин, С. Я. Окулов, Н. Н. Вшивцев, М. В. Горшков и другие. На суд были приглашены коммунисты и беспартийные рабочие. Они внимательно следили за ходом процесса, на котором обвинители выдвигали неопровержимые доказательства преступлений партии эсеров перед революцией и рабочим классом. Выступления «защиты» присутствующие встретили возгласами негодования. Политсуд закончился единогласным решением применить к руководителям партии эсеров высшую меру наказания [12].

Пермский губернский комитет РКП(б) разослал материалы агитсуда по уездам. На их основе только по Пермскому уезду было проведено до 80 митингов и собраний [13].

20 мая 1922 г. президиум Челябинского губкома партии принял решение начать в губернии широкую кампанию по освещению в рабочих массах процесса над эсерами [14]. Партийные комитеты и ячейки провели многолюдные митинги рабочих, которые потребовали сурово наказать виновников преступлений против революции и народа. Резолюции с требованием вынести суровый приговор подсудимым были приняты на собраниях завода им. Д. В. Колющенко, рабочими Челябинских копей и железнодорожниками [15].

Особое внимание политико-массовой работе уделяли партийные комитеты Златоуста. Объяснялось это тем, что здесь эсеры в свое время имели значительное влияние. В 1917 г. эсеровская организация Златоуста насчитывала до 3 тыс. человек. За годы гражданской войны она сильно поредела, но тем не менее частично сохраняла еще свои позиции. Партийные организации Златоуста вели систематическую работу по разоблачению мелкобуржуазной, реставраторской идеологии эсеров, стремились привлечь на свою сторону тех рабочих, которые еще не порвали с ними.

Идейно-политическая борьба против эсеров приобрела особый размах в связи с судебным процессом над ЦК этой партии. Только в мае, накануне процесса, в городе и уезде было проведено 37 ми-

---

[12] См.: «Звезда», 1922, 30 мая.

[13] ППА, ф. 580, оп. 5, д. 2, л. 94.

[14] ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 499, л. 67.

[15] См.: «Уральский рабочий», 1922, 13 июня; «Советская правда», 1922, 2 июня.

тингов, 18 собраний, 49 лекций и бесед, в которых приняло участие в общей сложности свыше 9 тыс. рабочих и служащих [16–17].

На митингах и собраниях трудящихся, организованных коммунистами, были приняты сотни резолюций с осуждением деятельности эсеров. В отчете Екатеринбургского губкома РКП(б) IX губернской партийной конференции отмечалось, что эта кампания «с достаточной очевидностью» продемонстрировала, «насколько близко и крепко нашей партии удалось связаться с рабочей массой» [18]. Этот массовый политический протест против контрреволюционных и преступных действий эсеров по существу явился грозным обвинительным приговором трудящихся партии социалистов-революционеров.

Окончательному разоблачению верхушки партии эсеров способствовало разъяснение хода суда над эсеровским ЦК. Судебный процесс продолжался с 8 июня по 7 августа 1922 г. в условиях гласности, публичности и предоставления права на защиту.

АПО и орготдел ЦК РКП(б) провели инструктивное совещание с заведующими орготделами и агитпропотделами губкомов партии. Совещание предложило парторганизациям широко информировать рабочих, трудящихся крестьян, служащих о ходе процесса над главарями правых эсеров и рекомендовало раскрепить пропагандистские силы для проведения бесед с агитаторами, рабочими и крестьянским активом.

Процесс над эсерами произвел большое впечатление на широкие массы трудящихся. Они требовали сурово наказать эсеровских вождей. Даже на таком заводе, как Мотовилихинский, где эсеры и меньшевики имели прежде значительное влияние, общее собрание рабочих высказалось за высшую меру наказания для правых эсеров [19–20]. Особенно активно прошла 22—23 июня 1922 г. рабочая конференция на Мотовилихинском заводе. Несмотря на то, что эсерам и меньшевикам удалось протащить туда под маской беспартийных своих делегатов, конференцией была принята резолюция, свидетельствующая о полной солидарности мотовилихинских рабочих с рабочими всей России [21].

Верховный трибунал республики в своем приговоре заклеймил партию эсеров как буржуазную, контрреволюционнную организацию врагов народа, стремящуюся использовать любые трудности Советской республики в преступных целях [22]. «В эсерах,— сказала на суде К. Цеткин, — мы видим аванпост капитализма, мировой

[16–17] ЧПА, ф. 316, оп. 1, д. 412, л. 39.

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 15, д. 14, л. 5.

[19–20] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 950, л. 6; СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 78, л. 69.

[21] См.: «Звезда», 1922, 28 июня.

[22] См.: Приговор Верховного трибунала по делу партии эсеров. М., 1922, стр. 23. Верховный трибунал приговорил 15 обвиняемых к расстрелу, 17 — к тюремному заключению, 2 были оправданы. Но приговор не был приведен в исполнение: важно было не физически расправиться с врагами Советской власти, а окончательно разоблачить их в глазах трудящихся.

буржуазии, аванпост, который тем более опасен, что он в поддельном наряде, с поддельным знаменем втерся в стан угнетенных»[23].

Задача, которую ставила Коммунистическая партия, начиная процесс эсеров, была решена. Собрания, митинги и демонстрации показали идейно-политическую сплоченность трудящихся, прежде всего рабочего класса, вокруг ленинской партии, их преданность политике Советской власти.

Однако учитывая, что «антисоветские партии и течения еще не раздавлены», что они «меняют тактику и, приспосабливаясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, обойти Советскую власть с тыла»[24], XII Всероссийская партийная конференция рекомендовала широко использовать материалы процесса для дальнейшего разоблачения эсеров.

Выполняя постановления XII партконференции, партийные организации Урала развернули работу по ознакомлению масс с материалами суда. В августе 1922 г. агитпропотдел Пермского губкома РКП(б) разработал и разослал в укомы и парткомы директивное письмо, в котором предлагал парторганизациям провести широкое обсуждение итогов процесса. Руководствуясь этой директивой, райкомы Перми организовали доклады в партячейках и лекции на общих собраниях рабочих[25]. С лекциями и докладами перед рабочими Мотовилихи, Чусовой, Лысьвы, Чермоза выступили П. В. Баташев, Н. Иконников, В. Т. Милютин. Обсуждение материалов судебного процесса проводилось на рабочих собраниях Челябинска и Тюмени.

Важнейшим итогом огромной идейно-политической работы партийных организаций явилась полная дискредитация партии социалистов-революционеров в глазах рабочих и крестьян. От нее отвернулись и те немногочисленные группы трудящихся, которые еще сочувствовали эсерам или сомневались в их контрреволюционной антинародной сущности. Наряду с ликвидацией значительной части эсеровского антисоветского подполья, был нанесен сильнейший удар престижу этой партии, что заставило многих ее рядовых членов полностью порвать с ней.

Среди эсеров росло движение за организованный выход из партии социалистов-революционеров. Инициатором этого движения выступила эсеровская организация Златоуста. В декларации, принятой 26 июня 1922 г. 17-ю активными членами Златоустовской организации партии социалистов-революционеров, говорилось: «Для выявления истинного общественного мнения партии социалистов-революционеров мы находим необходимым созыв Всероссийского легального съезда старых членов партии с.-р. по вопросу о ликвидации партии, ибо, по нашему глубокому убеждению, большинство старых эсеров стоит за необходимость тесного сотрудничества с

---

23 Обвинительные речи на процессе эсеров. М., 1922, стр. 136.
24 КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 393.
25 ППА, ф. 557, оп. 4, д. 210, л. 76.

Советской властью в деле восстановления хозяйства Республики и установления единого фронта против мирового капитала» [26].

Инициатива златоустовских эсеров была поддержана многими рядовыми членами этой партии на Урале, Украине, в Сибири, Среднем Поволжье, Пензе, Петрограде.

18—23 марта 1923 г. в Москве проходил Всероссийский съезд бывших эсеров. На нем присутствовало 50 делегатов, представлявших 864 рядовых эсера (644 рабочих, 150 крестьян, 70 интеллигентов) [27]. Съезд заклеймил позором измену партии эсеров трудящимся массам, констатировал факт ее полного распада и бессилия, лишил ЦК его полномочий. Делегаты съезда приняли решение о роспуске партии [28].

Всероссийский съезд бывших эсеров сыграл большую роль в окончательном распаде партии социалистов-революционеров. Как отмечалось в отчете Центрального Комитета РКП(б) XII съезду партии, съезд бывших рядовых эсеров «подчеркнул полный отказ пролетарских элементов в партии эсеров от их прежней идеологии и руководителей» [29].

Материалы и решения съезда бывших эсеров были опубликованы в печати и обсуждались на многих конференциях и собраниях беспартийных. Большое внимание ознакомлению рабочих с итогами съезда уделили партийные комитеты и ячейки Златоуста. На конференции беспартийных рабочих златоустовских заводов были приглашены порвавшие с партией социалистов-революционеров делегаты этого съезда [30].

На некоторых заводах состоялись собрания бывших рядовых членов партии эсеров. Так, собрание 29 ноября 1923 г. на Саткинском заводе, заслушав сообщение делегата Всероссийского съезда эсеров В. Завьялова, приняло решение подать заявления о приеме в РКП(б) [31]. Многие эсеры подавали индивидуальные заявления о выходе из партии.

Неослабная разъяснительная работа партийных организаций Урала привела к тому, что в течение 1923 г. из эсеровской партии вышло 173 человека [32].

XII съезд РКП(б), рассмотрев просьбу участников Всероссийского съезда бывших рядовых эсеров о приеме их в партию, поручил Центральному Комитету решить вопрос об условиях приема в РКП(б) бывших эсеров [33]. В соответствии с указаниями ЦК РКП(б) на Урале были образованы специальные комиссии

---

[26] «Уральский рабочий», 1922, 14 июля.

[27] См.: «Советская правда», 1923, 14 апреля.

[28] См.: «Правда», 1923, 17 апреля; «Советская правда», 1923, 25 апреля.

[29] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 4, стр. 24.

[30] ЧПА, ф. 316, оп. 1, д. 456, л. 2; ф. 77, оп. 1, д. 787, л. 121.

[31] ЧПА. ф. 316, оп. 1, д. 296, л. 5.

[32] См.: Стенографический отчет I Уральской областной конференции РКП(б). Екатеринбург, 1924, стр. 21.

[33] См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968, стр. 664.

для приема в ряды коммунистов бывших эсеров, порвавших со своей партией и солидарных с платформой Коминтерна.

Прием в партию бывших эсеров проводился после тщательной и строгой индивидуальной проверки. Так, Златоустовский уком, рассмотрев 22 заявления, отказал 11 бывшим эсерам в приеме в РКП(б)[34]. Губернские и уездные комиссии рекомендовали направлять бывших эсеров, работавших в государственном и хозяйственном аппаратах, на производство, к станку, считая, что здесь они окончательно выявят свое политическое лицо. Решения комиссии по приему в РКП(б) выносились на рассмотрение общих партийных собраний и нередко случалось, что собрания их не утверждали. Не было, например, утверждено на собрании Златоустовской партячейки решение комиссии о приеме в РКП(б) одного из инициаторов Всероссийского съезда эсеров В. Филатова, не получившего доверия у рабочих-коммунистов[35].

В результате огромной разъяснительной работы партийных организаций и ленинской тактики привлечения на свою сторону лучшей части мелкобуржуазных партий и политической изоляции элементов, выступавших на стороне буржуазии, значительное число бывших членов этих партий вступило в РКП(б). На 1 января 1925 г. в уральских партийных организациях было 616 выходцев из других партий, из них 64% — бывшие эсеры[36]. Все это подтверждает слова В. И. Ленина о том, что переход в лагерь коммунистов лучших мелкобуржуазных демократических элементов являлся прямым следствием правильной тактики большевиков[37].

Таким образом, в результате большой политической работы партийных организаций Урала в массах трудящихся реставраторская сущность идеологии и политики эсеров была разоблачена и партия эсеров как организованная политическая сила перестала существовать. Однако борьба с остатками эсеровской партии и ее идеологией продолжалась в новых формах и в последующие годы.

---

[34] ЧПА, ф. 317, оп. 1, д. 57, л. 9—10.
[35] ЧПА, ф. 317, оп. 1, д. 57, л. 20.
[36] См.: Партийный Урал (в цифрах), вып. 4. Свердловск, 1925, стр. 22.
[37] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 59.

5 Заказ 316

Р. В. КОНДРАТЬЕВА

БОРЬБА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПРОТИВ МЕНЬШЕВИСТСКО-ЭСЕРОВСКОГО И КУЛАЦКОГО ВЛИЯНИЯ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ (1921—1925 гг.)

Марксизм-ленинизм учит, что классовая борьба в период перехода от капитализма к социализму не исчезает, а видоизменяется, принимает новые формы.

Побежденные в гражданской войне, потерпев полный политический крах, буржуазные и мелкобуржуазные партии не отказались от идеи уничтожения Советской власти. Но с переходом страны к мирному хозяйственному строительству они изменили тактику и методы борьбы[1]. Надеясь на мирное экономическое перерождение советского строя в условиях нэпа, используя различные легальные способы, меньшевики и эсеры предпринимают не одну попытку укрепить свои позиции в некоторых звеньях хозяйственного аппарата.

Ареной острой классовой борьбы в восстановительный период становится сельскохозяйственная кооперация. С одной стороны, за овладение сельскохозяйственной кооперацией, за превращение ее в орудие социалистического преобразования деревни, боролась Коммунистическая партия. С другой стороны, остатки меньшевистско-эсеровских партий стремились использовать сельскохозяйственную кооперацию против Советской власти, пытаясь через нее распространить свое политическое влияние на крестьянские массы.

Изучение деятельности Коммунистической партии по вытеснению меньшевиков и эсеров из руководящих органов сельскохозяйственной кооперации и усиление в них коммунистического влияния представляет несомненный интерес.

Специальных работ, посвященных данной проблеме, в советской историографии нет. Она лишь частично рассматривается в работах И. Г. Булатова, В. А. Голикова, В. М. Селунской, С. П. Трапезникова, Ю. А. Полякова и Л. Е. Файна[2], раскрывающих содержание

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 94, 95.

[2] См.: И. Г. Булатов. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921—1925 гг.). Пенза, 1961; В. А. Голиков. Важнейший этап развития сельскохозяйственной кооперации в СССР

ленинского кооперативного плана и деятельность Коммунистической партии по претворению его в жизнь.

В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел на материалах Урала.

Начало строительству советской сельскохозяйственной кооперации было положено декретом ВЦИК и СНК «О сельскохозяйственной кооперации» от 16 августа 1921 г. Этим постановлением трудящемуся населению сельских местностей разрешалось образовывать сельскохозяйственные товарищества и артели, а последним — союзы [3].

20 августа 1921 г. в Москве открылся Всероссийский учредительный съезд сельскохозяйственной кооперации. В числе 84 уполномоченных было только два коммуниста, преобладали эсеры во главе с С. Масловым, оказавшие огромное давление на остальных участников съезда. Съезд провозгласил образование Всероссийского Союза сельскохозяйственной кооперации. Все руководящие органы его оказались в руках прежних кооператоров; в правление Сельхозсоюза не прошло ни одного коммуниста [4].

Подводя итоги работы, Центральный Комитет партии отметил, что съезд сельскохозяйственной кооперации «показал недостаточное влияние Коммунистической партии в сельскохозяйственной кооперации, которая остается еще под сравнительно твердым влиянием мелкой буржуазии и ее политических группировок» [5].

В руках эсеров и меньшевиков оказались также губернские и районные союзы сельскохозяйственной кооперации Урала [6]. Особенно прочно они засели в кооперативах Челябинской и Тюменской губерний. Пленум Челябинского губкома в мае 1922 г. отмечал, что «меньшевики и эсеры под маской беспартийных в органы сельскохозяйственной кооперации всех уездов провели своих людей. Правление Губсельскосоюза состоит почти исключительно из враждебных Советской власти элементов» [7]. Об этом же говорилось в отчете Челябинского комитета партии VIII губернской партконференции (октябрь 1922 г.): «Сельскохозяйственная кооперация в губернии находится всецело под влиянием враждебных Советской власти элементов, в большинстве эсеровских» [8].

(1921—1929 гг.). М., 1963; В. М. Селунская. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1, 2. М., 1967; Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Л. Е. Файн. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. М., 1970.

[3] См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 1. М., 1957, стр. 261.

[4] См.: Л. Е. Файн. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана, стр. 288.

[5] «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 34, стр. 3.

[6] СПА, ф. 76, оп. 1, д. 649, л. 68; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 272, л. 88; «Пролетарий» (орган Пермского губкома), 1922, № 5, стр. 24.

[7] ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 272, л. 88.

[8] ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 448, л. 26.

Эсерам и меньшевикам удалось захватить руководящие органы союзов по ряду причин. Первоначально в объединения и товарищества вступали преимущественно середняцкие и зажиточные слои, поддерживавшие старых кооператоров. Так, в Челябинской губернии в августе 1921 г. создается союз по инициативе группы буржуазных кооператоров, образовавшей организационное бюро по созыву съезда. По требованию советских и партийных органов в бюро были включены представители Всеработземлеса, Губземуправления, Губкустпрома. Но на съезде оказалось, что большинство его составляли сторонники бывших руководителей кооперативов. Их голосами в правление были избраны откровенно антисоветские элементы — старая кооперативная верхушка [9]. Председателем стал бывший председатель правления контрреволюционного Челябинского кооперативного союза.

Пермский губернский съезд сельскохозяйственных кооператоров, проходивший в начале марта 1922 г., отклонил кандидата в члены правления — коммуниста [10].

Острая нехватка коммунистов-кооператоров и отсутствие у партийных организаций необходимого опыта руководства деятельностью сельскохозяйственной кооперации также способствовало укреплению в ее выборных органах позиций мелкобуржуазных элементов. Пермский губком в отчете в Уралбюро ЦК за март 1922 г. подчеркнул, что «кооперативные органы слишком слабы партработниками. Данная ненормальность приводит к тому, что в кооперативных органах засел меньшевистско-эсеровский элемент (Кунгур), плюс элемент кулацкий, который почти совсем захватил в Кунгуре Кустпромсоюз» [11].

Борьба с голодом в Челябинской губернии, сбор продналога, преодоление политического бандитизма в Тюменской губернии и других местах, ликвидация «мясниковщины» в Пермской губернии и масса прочих неотложных дел не давали возможности партийным организациям систематически руководить сельскохозяйственной кооперацией. Отсутствие постоянного руководства со стороны партийных организаций сельскохозяйственной кооперацией Урала в конце 1921 и в 1922 гг., как отмечало Уральское Бюро ЦК РКП(б) [12], также явилось одной из причин захвата руководящих органов сельскохозяйственной кооперации меньшевиками и эсерами.

Программу усиления коммунистического влияния в сельскохозяйственной кооперации наметил XI съезд РКП(б). В резолюции съезда было записано: «Участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется» [13].

---

[9] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 100, л. 72.
[10] См.: «Пролетарий», 1922, № 2, стр. 26.
[11] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 94, л. 32.
[12] См.: «Уральский коммунист», 1923, № 4, стр. 40.
[13] КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 335.

Съезд рекомендовал всем деревенским коммунистам пройти краткосрочные курсы по сельскохозяйственной кооперации. XII партконференция предложила направить в сельскохозяйственную кооперацию значительные коммунистические силы [14].

Решения XI съезда и XII партконференции явились для уральских коммунистов программой борьбы за овладение сельскохозяйственной кооперацией. Непосредственно за этот участок работы отвечали созданные по решению XI съезда при губкомах и укомах партии кооперативные совещания.

Губернские и уездные комитеты партии стали принимать активное участие в подготовке съезда уполномоченных. Шадринский уком в январе 1923 г. откомандировал семь членов партии в распоряжение фракции РКП(б) правления сельскохозяйственной кооперации для проведения перевыборов правления на местах. Тюменский губком с этой же целью создал оргбюро из 5 человек [15].

Кооперативные совещания рассматривали и намечали основные вопросы порядка дня съездов, предварительно заслушивали доклады правлений сельсоюзов, давали рекомендации их коммунистическим фракциям о составе будущих правлений. Челябинский губком заслушивал сообщение о ходе работы губернского съезда уполномоченных сельскохозяйственных кооператоров, проходившего осенью 1922 г.[16]

В результате тщательной подготовки съездов среди их уполномоченных в 1922 г., в отличие от учредительных съездов 1921 г., было немало коммунистов. На открывшемся 5 октября 1922 г. губернском съезде сельскохозяйственных кооперативов в Перми в числе 107 уполномоченных было 20 коммунистов. На губернском съезде в Екатеринбурге из 92 решающих голосов 47 принадлежали коммунистам. 18 решающих голосов из 30 имели коммунисты на Челябинском губсъезде сельских кооперативов [17].

Коммунистам пришлось преодолеть отчаянное сопротивление меньшевиков и эсеров, пытавшихся сохранить за собой руководящее положение в выборных органах кооперации. В Екатеринбурге и Тюмени, например, эсеры, пытаясь расколоть коммунистическую фракцию, выдвинули свой список кандидатов в члены правления, в который включили также нескольких коммунистов [18].

Фракции РКП(б) проводили в ходе съездов открытые заседания с беспартийными делегатами, бедняками, тщательно обсуждая всех кандидатов в члены правления союзов.

В результате большой подготовительной работы коммунистов избирают в состав правлений всех губернских и некоторой части уездных союзов. Так, если весной 1922 г. в правление Челябин-

---

[14] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 387.

[15] СПА, ф. 76, оп. 1, д. 704, л. 8; ф. 1494, оп. 1, д. 113, л. 11.

[16] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 115, л. 112.

[17] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 94, л. 139; д. 110, л. 147; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 444, л. 52.

[18] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 194, л. 110; д. 93, л. 97.

ского губсельсоюза входил один коммунист, то на октябрьском съезде в правление и совет было избрано 8 коммунистов[19], а по четырем уральским губерниям в правления губсоюзов — 14 коммунистов и 10 беспартийных. Председателями всех четырех губернских союзов стали коммунисты. Из 97 членов правлений, избранных осенью 1922 г. в районные союзы, 39 являлись коммунистами[20].

Таким образом, к началу 1923 г. коммунисты составляли в правлениях губернских союзов сельскохозяйственной кооперации Урала 56%, а в районных — 40%. Осенью 1922 г. была одержана, следовательно, хотя и не окончательная, но все же большая победа над меньшевистско-эсеровским руководством сельскохозяйственной кооперации Урала.

Более слабой была партийная прослойка в руководящих органах первичных кооперативов. На май 1923 г. (по данным Сельскосоюза) 2250 человек, или 3% членов правлений первичных кооперативов, являлись коммунистами[21].

На Урале этот процент был несколько выше. Обобщающих данных по первичным кооперативам всего Урала на январь 1923 г. обнаружить пока не удалось, но имеющиеся по отдельным уездам сведения позволяют сделать такой вывод. Так, в Тюменской губернии в 132 первичных кооперативах из 337 членов правлений 21 (6,2%) являлся членом РКП(б). В правлениях первичных кооперативов Осинского уезда (Пермская губерния) коммунисты составляли 16%, а в Курганском уезде, одном из наиболее зажиточных в Челябинской губернии,— 25,2%. К весне 1923 г. в Верхне-Уральском уезде Челябинской губернии коммунисты возглавляли каждый пятый сельскохозяйственный кооператив[22].

Для усиления большевистского влияния в первичных кооперативах партийные организации Урала начиная с весны 1922 г. повсеместно принимают решения об обязательном участии сельских коммунистов в кооперативах. С января до осени 1922 г. подобные решения принимают VII Челябинская губпартконференция[23], все губернские и уездные партийные комитеты. Кунгурский уком рассмотрел этот вопрос на февральском пленуме 1922 г.[24] В июне этого года Пермский губком в отчете Уралбюро ЦК писал: «В Кунгурском уезде все члены партии уже состоят членами сельскохозяйственных кооперативов. Троельжанская ячейка уже сумела создать работоспособную показательную сельскохозяйственную артель, которая продуктивно работает, в скором времени надеется

---

[19] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 100, л. 72.

[20] Подсчитано на основании данных: СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 93, л. 96; д. 217, л. 32; д. 110, л. 97; ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 495, л. 9; ППА, ф. 557, оп. 1, д. 46, л. 152.

[21] См.: Л. Е. Файн. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана, стр. 290.

[22] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 96, л. 68; д. 99, л. 121; д. 225, л. 31; ППА, ф. 557, оп. 5, д. 46, л. 215.

[23] ЧПА, ф. 77, оп. 1, д. 272, л. 14.

[24] ППА, ф. 557, оп. 4, д. 151, л. 221.

перейти к многопольному севообороту. Артель пользуется авторитетом среди окрестного крестьянства»[25].

Летом 1922 г. в Верхне-Буевской волости (Осинский уезд Пермской губернии) все члены партячейки вступили в сельскохозяйственный кооператив[26].

Вступление коммунистов в сельскохозяйственные кооперативы и вытеснение меньшевиков и эсеров из руководящих органов в 1922 г. способствовало укреплению позиции партии в кооперации, дало возможность проводить классовую линию в ее организации и деятельности.

Общеобразовательный и политический уровень деревенских коммунистов был низок. Они не имели достаточного опыта кооперативной работы, поэтому необходимо было принять радикальные меры по подготовке кадров для кооперации. Нерегулярные краткосрочные курсы в 1921—1922 гг., а также система практикантства не могли удовлетворить потребностей кооперативов в опытных кадрах.

Более систематическая подготовка коммунистов для кооперативной работы началась в 1922/23 учебном году в губернских совпартшколах. При них были созданы кооперативные секции, которые иногда делились на подсекции: сельскохозяйственную, потребительскую и кустарно-промысловую[27]. Коммунисты, оканчивавшие совпартшколы, направлялись в руководящие органы кооперативных объединений.

Новый этап в развитии кооперации наступил после XIII съезда РКП(б). Съезд указал на наличие двух тенденций — капиталистической и социалистической — в деревне и резкое возрастание в связи с этим роли кооперации в ее социалистическом переустройстве[28]. Исключительное значение поэтому приобретала классовая направленность деятельности кооперативов. Вот почему XIII съезд РКП(б) подчеркнул в резолюции, что он «считает особо важной социальной задачей Коммунистической партии, ее ЦК и местных органов усиление политической и хозяйственной работы в кооперации и выделение для кооперативной работы лучших хозяйственников-партийцев для всех звеньев кооперативных органов снизу доверху»[29]. Большую роль в решении этой задачи сыграло постановление ЦК РКП(б) о мобилизации 3000 работников для укрепления центральных и местных кооперативных, торговых и кредитных органов[30].

---

[25] Там же, д. 209, л. 32.

[26] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 94, л. 73.

[27] «Экономика» (орган Пермского губэкономсовещания), 1923, № 2—3, стр. 71.

[28] См.: КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 70.

[29] Там же, стр. 75.

[30] См.: «Известия ЦК РКП(б)», 1924, № 2(7), стр. 5, 6; «Правда», 1924, 18 февраля.

Уральская областная парторганизация направила в деревню 120 человек[31]. 19 февраля 1924 г. Уралобком РКП(б) распределил их между округами, разъяснив вместе с тем, что окружные комитеты партии могут послать и большее число коммунистов. Очень важным было указание Уралобкома о том, что командируемые работники должны быть посланы в районы наибольшей концентрации деревенской бедноты, особенно батрачества, для вовлечения их в партийную работу. Одновременно рекомендовалось учесть потребности сельскохозяйственных коммун и артелей в работниках[32].

К апрелю 1925 г. (к XIV конференции РКП(б)) мобилизация 3000 работников была проведена на 90%. Парткомы направили в кооперацию 1533 работника, или 57% всех мобилизованных, но сельскохозяйственная кооперация получила только 19,2%[33].

Уральские торговые, кредитные и кооперативные организации с декабря 1924 по июль 1925 г. получили 616 человек, из них в сельскохозяйственную кооперацию было направлено 105 коммунистов, а в маслодельную — 13[34]. Большинство коммунистов работало на руководящих постах в окружных и районных союзах, а также в качестве инструкторов аппарата кооперативных организаций.

В 1925 г. ЦК партии признал необходимым продолжать в плановом порядке дальнейшее усиление кооперации кадрами, обратив внимание на их качественный состав. ЦК партии направил на Урал коммуниста Рябова; он был назначен председателем Организационного бюро сельскохозяйственной кооперации[35], а с весны 1925 г. занимал пост председателя Областного союза сельскохозяйственной кооперации.

Важно отметить, что почти все коммунисты, направленные для практической работы в кооперации, имели солидный партийный стаж. Среди 3 тыс. мобилизованных коммунисты с партийным стажем не менее 6 лет составляли 44,2%[36]. В числе работников, прибывших в Уральский областной комитет из ЦК РКП(б) с 1 июля по 1 октября 1924 г., коммунисты со стажем до 5 лет составляли только 2,56%, коммунисты с партийным стажем, превышающим 6 лет, составляли 9,44%[37].

Итогом деятельности Коммунистической партии по укреплению руководящих органов сельскохозяйственной кооперации явилось значительное увеличение числа коммунистов в правлениях сельскохозяйственных кооперативов. На 1 июля 1925 г. коммунисты

---

[31] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 67, л. 31.
[32] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 67, л. 31.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 588, л. 11.
[34] См.: Политическое и хозяйственное состояние области и работа парторганизаций Урала. Отчет Уралобкома РКП(б) VII Уральской областной партконференции. Свердловск, 1925, стр. 143.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 343, л. 12.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 434, л. 27.
[37] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 11, л. 34.

в правлениях союзов по стране в целом составляли 54%[38], а в правлениях уральских окружных союзов — 65%[39]. К концу 1925 г. увеличилась партийная прослойка в руководящих органах низовой кооперации. К сентябрю 1925 г. она достигла на Урале 26%[40].

Таким образом, в восстановительные годы партийные организации Урала проделали огромной важности работу по вытеснению меньшевиков и эсеров из руководящих органов сельскохозяйственной кооперации, по утверждению в ней своего политического влияния.

Укрепление кооперации коммунистами проходило в условиях острой классовой борьбы. Кулаки, вступая в кооперативы, старались пролезть в руководящие органы; нередко они образовывали так называемые лжекооперативы, которые полностью состояли из зажиточных крестьян. Иногда для организации лжекооперативов кулаки привлекали бедняков, чтобы затушевать истинный характер объединения, получить государственный кредит и использовать бедняков в качестве наемных рабочих.

Назвать точное число лжекооперативов трудно. Несомненно, что они составляли часть «диких» объединений, не входивших в союзы сельскохозяйственной кооперации. На Урале осенью 1924 г. было 323 «диких» кооператива, что составляло 13,2% всех товариществ[41]. Конечно, не все они были кулацкими.

Партийные и советские органы предпринимали различные меры для борьбы с кулацким засильем в некоторых кооперативах. Объединениям, в которых преобладали кулаки, отказывали в регистрации, а явно эксплуататорские распускали. Одним из решающих средств, способствовавших ограничению кулацких элементов, являлось регулирование социального состава кооперации.

На первых порах в кооперативы вступали в основном зажиточные крестьяне.

ЦК партии в письме от 18 марта 1922 г. поставил перед всеми партийными организациями задачу широко вовлекать в кооперативное движение бедноту[42]. Эту же задачу выдвинула XII партконференция в резолюции «О кооперации»[43].

Практические меры по реализации этих директив разработало уральское областное партийное совещание в марте 1922 г.[44]

---

[38] См.: И. Г. Булатов. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921—1925 гг.), стр. 139.

[39] См.: Политическое и хозяйственное состояние области и работа партийных организаций Урала. Отчет Уралобкома РКП(б) VII Уральской областной конференции РКП(б), стр. 60.

[40] ЦГАНХ, ф. 4106, оп. 3, д. 943, л. 182; Стенографический отчет VII Уральской областной конференции РКП(б). Свердловск, 1925, стр. 343.

[41] См.: Обзор хозяйства Урала за 1923—1924 гг. Свердловск, 1925, стр. 35.

[42] См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 1, стр. 317, 318.

[43] См.: КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 192, 193.

[44] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 73, л. 9.

Но высокие вступительные и паевые взносы затрудняли вовлечение в кооперативы бедняцких масс. Поэтому партийные организации Урала в конце восстановительного периода повсеместно принимают решения о предоставлении беднякам права вносить взносы по частям. Так, в Пермском округе в 1925 г. беднякам предоставлялась рассрочка платежа до шести месяцев. Кроме того, им разрешалось вносить пай натурой — сельскохозяйственными продуктами, а также личным трудом. Пленум Верхне-Камского окружкома, проходивший в мае 1925 г., рекомендовал установить для бедняков вдвое меньший вступительный взнос и разрешил погашать его в течение двух лет [45].

Другим действенным средством помощи беднякам являлось создание специальных фондов кооперирования бедноты из отчисления от доходов сельскохозяйственных товариществ. В Пермском округе в 1925 г. в фонд кооперирования бедноты отчислялось до 5% прибыли кооперативов, к началу 1926 г. он на 40% был использован для уплаты вступительных и паевых взносов [46].

Большую помощь бедняцким хозяйствам оказывали комитеты крестьянской взаимопомощи, которые из своих фондов вносили за бедняков вступительные взносы. По неполным данным, до июля 1925 г. в Уральской области с помощью кресткомов было вовлечено в кооперацию более 10 тыс. бедняцких хозяйств [47].

Определить социальный состав сельскохозяйственных кооперативов к концу восстановительного периода очень трудно, поскольку в то время не был окончательно разработан метод классовой группировки крестьянских хозяйств. Советские и партийные органы различных округов Урала употребляли различные критерии для определения социальных групп крестьянства [48]. Материалы обследования, произведенного ОблЗУ летом 1925 г., позволяют дать характеристику имущественного состава членов сельскохозяйственной кооперации Урала. Так, сельскохозяйственные кооперативы объединяли в 1925 г. около 70% безлошадных, одно- и двухлошадных хозяйств, 7,7% трехлошадных и 3,9% — имеющих более трех лошадей (сведения не дали 18,5% хозяйств) [49].

На основании этих данных можно сделать вывод, что сельскохозяйственная кооперация Урала в конце восстановительного периода объединяла преимущественно бедняцкие и середняцкие хозяйства.

Таким образом, в восстановительный период партийные организации Урала проделали огромной важности работу по вытеснению меньшевиков и эсеров из руководящих органов сельскохозяйствен-

---

[45] ГАПО, ф. 427, оп. 1, д. 37, л. 65; ППА, ф. 156, оп. 1, д. 11, л. 42.
[46] ГАПО, ф. 427, оп. 1, д. 37, л. 65.
[47] См.: «Известия Уралоблисполкома», 1925, № 31, стр. 13.
[48] См.: В. П. Анистратенко, В. М. Куликов. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971, стр. 91, 93, 94.
[49] См.: Отчет УралоблЗУ за 1924—1925 гг. Свердловск, 1926, стр. 342.

ной кооперации, по завоеванию в кооперации политического влияния, по укреплению ее объединений и товариществ коммунистами.

Борьба с меньшевистско-эсеровским, кулацким засильем в кооперативах, регулирование социального состава сельскохозяйственной кооперации путем облегчения условий вступления в них бедняцкой части крестьянства способствовали превращению сельскохозяйственной кооперации в орудие социалистического преобразования деревни.

В. Н. АНЦЫГИН

БОРЬБА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ЗА ВЫТЕСНЕНИЕ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА ИЗ ТОВАРООБОРОТА в 1924—1925 гг.

Решающим фактором вытеснения частных торговцев из товарооборота являлось развитие социалистических форм торговли и высокие темпы ее роста. Создав для этого необходимые экономические предпосылки, партия и правительство в 1924 г. взяли твердую линию на усиление ограничения в торговле капиталистических элементов. Меры борьбы с частным капиталом были намечены в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) 24 декабря 1923 г. «Об очередных задачах экономической политики»[1], решениях XIII партийной конференции, апрельского 1924 г. Пленума ЦК и XIII съезда партии.

XIII конференция РКП(б) в январе 1924 г. подчеркнула, что отвоевание государственной торговлей и кооперацией позиций у частного торгового капитала является одной из главных задач хозяйственной политики партии[2]. XIII съезд РКП(б) признал первоочередной хозяйственной задачей овладение рынком и его организацию путем всемерного укрепления кооперации[3].

VI Уральская областная конференция РКП(б) в мае 1924 г. в связи с этим отмечала в своем решении: «Очередными задачами торговой политики являются активное регулирование торговли и дальнейшая борьба за снижение цен, вытеснение с рынка частного торгового капитала»[4].

Руководствуясь решениями XIII съезда РКП(б) и VI областной партконференции, уральские коммунисты развернули энергичную борьбу за ограничение капиталистических элементов, используя преимущественно экономические меры. При этом решающее значение имело овладение рынком и рационализация торговли, повышение производительности труда в промышленности, сниже-

---

[1] См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 1. М., 1957, стр. 419—435.

[2] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 523.

[3] См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 626.

[4] Стенографический отчет VI(2) Уральской областной конференции РКП(б). Екатеринбург, 1924, приложение, стр. 13.

ние себестоимости продукции, рационализация производства, снижение цен трестами и синдикатами. Важнейшие предпосылки успешной борьбы против частного капитала были созданы в результате завершения денежной реформы, перевода зарплаты рабочих на червонное исчисление и выдачи ее в денежной форме, ликвидации заводских распределителей и передачи функций снабжения рабочих кооперации, увеличения торговых кредитов.

Вопросы борьбы с частным капиталом рассматривались на пленумах и заседаниях обкома, окружкомов и райкомов партии. Партийные организации Урала поставили перед государственными и кооперативными торговыми предприятиями задачу овладеть рынками хлебной, мясной, соляной и текстильной торговли, которые весной 1924 г. почти целиком оказались в руках частника [5].

На основе решений октябрьского (1924 г.) пленума Уралобкома РКП(б), отметившего усиление деятельности частного капитала в области хлебной торговли, Уралвнуторг и окрвнуторги приняли срочные меры к доставке товаров в основные сельскохозяйственные районы. Они упорядочили регулирование цен на зерно и муку, продаваемые государственными и кооперативными органами, усилили контроль за кредитованием хлебозаготовителей [6].

Учитывая огромное значение кредитов для завоевания рынка, обком партии возбуждает ходатайство перед центром об увеличении капиталов банков и намечает пути упорядочения кредитного дела в области. Советское правительство оказывает Уралу большую помощь. В соответствии с директивами партии увеличивается сеть кредитных учреждений на Урале, значительно возрастает их баланс. За три года количество кредитных учреждений на Урале возросло более чем в 7 раз, на 1 октября 1925 г. их насчитывалось 44 [7]. Абсолютная сумма сводного баланса всех банковских учреждений Урала увеличилась с 823,5 тыс. золотых руб. в 1922 г. до 131,8 млн. руб. на 1 января 1926 г.[8]

Одновременно планомерно сокращается кредитование частных торговцев. Согласно директиве Челябинского окружкома РКП(б), кредиты частнику с 14% в апреле 1924 г. снизились к октябрю того же года до 4% [9]. С 1 июля 1924 г. выдача ссуд частным торговцам почти совсем прекратилась, главным клиентом по банковскому кредиту стала кооперация. Ей принадлежало 75% всех ссуд, госторговле — 23%, частной торговле — 2% [10].

Кредитная политика партии способствовала укреплению органов госторговли и кооперации, усилению их позиций в борьбе с

---

[5] См.: Стенографический отчет II Екатеринбургской окружной партийной конференции. Екатеринбург, 1924, стр. 133, 134.

[6] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 7, л. 39.

[7] См.: Торгово-промышленный Урал. 1926 г. Пермь, 1926, стр. 363.

[8] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 37, л. 19; Торгово-промышленный Урал. 1926 г., стр. 392.

[9] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 70.

[10] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 155, л. 133.

частным торговым капиталом, ограничению чрезмерного роста накоплений последнего.

В проведении курса на ограничение и вытеснение частного капитала из экономики страны большую роль играла налоговая политика. Налогообложение частников усиливалось, а органам госторговли и кооперации предоставлялись большие льготы. Так, в общей сумме государственных налогов и займов на Урале за второе полугодие 1923/24 г. частные предприятия дают 61,2%, кооперативные — 10,3%, государственные — 28,1% [11]. Частные торговцы облагались подоходно-поимущественным налогом, который зависел от величины доходов и оборотов. После реформы 29 октября 1924 г. обложение наиболее доходных частных предприятий усилилось. Вместо 25% стали изымать 30% их чистого дохода. В общей массе расходов частных торговых предприятий налоги и сборы составляли около 64%. Но вследствие быстроты оборачиваемости капитала расходы в частной торговле не превышали 11% оборота [12].

Советские органы сокращали снабжение частных торговцев товарами. В первые годы нэпа тресты и синдикаты нередко предпочитали сбывать свою продукцию частным фирмам и торговцам. Это объяснялось тем, что тресты были заинтересованы в получении наличных денег для выдачи заработной платы рабочим. Частные торговцы охотно шли на это. Кооперация же могла брать товары только в долг [13]. Поэтому торговля мануфактурой находилась, в основном, в руках частника. В Екатеринбурге весной 1924 г. в общей массе товаров кооперации ситец занимал 18—25%, а у частных торговцев — 53—68% [14]. Партийные и советские органы Урала принимают меры к ограничению отпуска товаров частным оптовикам. Уралвнуторг по рекомендации фракции РКП(б) в октябре 1924 г. предложил Екатеринбургскому отделению ВТС сократить продажу мануфактуры торговцам, а представительству ВКС прекратить выдачу авансов частным лицам. В ноябре 1924 г. Уральское отделение Резинотреста сократило отпуск изделий частникам [15]. Партийная ячейка Уралвнуторга, обсудив доклад Свердловского отделения Центробумтреста, указала на недопустимость в дальнейшем продажи бумаги частным посредникам [16]. Областная коллегия РКИ, обсудив в декабре 1924 г. результаты обследования уральских представительств Кожсиндиката и Синдшвейпрома, потребовала от них ограничить отпуск товаров торговцам [17].

---

[11] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 19, л. 104.

[12] См.: Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927, стр. 152—154.

[13] См.: Стенографический отчет II Екатеринбургской окружной партийной конференции, стр. 18.

[14] См.: Там же, стр. 133.

[15] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 337, л. 230, 241, 283.

[16] ГАСО, ф. 255, оп. 13, д. 102, л. 64.

[17] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 155, л. 141, 150.

В ноябре 1924 г. «Уральский коммунист» констатировал, что в 1924 г. процент отпуска продукции госпромышленности частным торговцам сильно падает, и главная масса товаров проводится к потребителю госорганами и кооперацией. Свердловская контора Сахаротреста в январе 1924 г. продала частникам 26% товара, в марте — 15%, в мае — 9,5%, а осенью продажа была совсем прекращена [18].

В результате сокращения снабжения частных торговцев товарами позиции кооперации на Урале усилились. По данным ОблРКИ, на декабрь 1924 г. товарооборот кооперации за полугодие октябрь — март 1923/24 г. вырос на 179,6%, госторговли — на 68,5%, а частной — всего на 26%. Если на долю частника в октябре — марте 1923/24 г. приходилось 5% оптовой продажи [19], то в январе 1925 г.— всего 0,8% [20]. Следовательно, к 1926 г. частный капитал в оптовой торговле Урала играл незначительную роль. В целом по стране с 1923/24 г. по 1924/25 г. продажа товаров трестами частным организациям и лицам сократилась с 13,9% до 4,8% [21].

В экономической борьбе с нэпманами большое значение имело сокращение связи органов госторговли и кооперации с частными лицами. В 1923 г. процент покупки товаров кооперацией у частных лиц достигал в некоторых районах 63,5%, а в среднем по Уралу был равен 37,4% [22]. К 1925 г. произошло значительное сокращение связи с нэпманами. Так, в Тюменском округе закупки кооперации у частных лиц за 1924/25 г. снизилась с 40 до 2% [23]. В конце 1925 г. продажа товаров окрсоюзами частным лицам составляла 2—3% оборота против 17,9% в 1923/24 г., а закупки у них — соответственно 5 и 11—12% [24].

Одним из источников накопления частного капитала являлось посредничество. Оно порождало злоупотребления и преступления. Частные посредники широко внедрились в государственную и кооперативную торговлю. На Урале их услугами пользовались иногородние представительства синдикатов и трестов, организации по заготовке хлеба, сырья и пушнины, в частности представительства Кожсиндиката, Синдшвейпрома, Хлебопродукта, Уралгосторга, а также отделение Госбанка. При обследовании комиссией Облисполкома и ОблРКИ Тобольского Севера весной 1924 г. было установлено, что около 50 торгово-заготовительных организаций вели работу через частных агентов. Центральное акционерное общество

---

[18] См.: «Уральский коммунист», 1924, № 21, стр. 30.
[19] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 155, л. 132.
[20] См.: «Уральский коммунист», 1925, № 23—27, стр. 14.
[21] См.: Ф. Э. Дзержинский. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. М., 1925, стр. 62, 63.
[22] СПА, ф. 1494, оп. 1, д. 247, л. 193.
[23] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 108, л. 341.
[24] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 334, л. 25.

ВСНХ из 20 договоров на заготовку пушнины только 2 заключило с кооперацией, а 18 — со спекулянтами-пушниками [25].

Имея деньги и товары, частные торговцы конкурировали с государственными организациями. Они повышали цену на пушнину и эксплуатировали местное население, получая огромные прибыли. Уралгосторг на основе договоров предоставлял кредиты частной фирме «Пушнина», местным кулакам-пушникам Силиным, Пилихиным и другим [26].

Подобную же политику вел Облгосрыбпром. Это объяснялось тем, что в его аппарате было много меньшевиков и эсеров. Коммерческим отделом руководил юрист Расцкин — бывший колчаковский прокурор. Имея штат в 584 человека, Госрыбпром заготовил рыбы в 5 раз меньше, чем купец Плотников до революции артелью всего в 16 человек [27].

Комиссия ОблРКИ наметила ряд мер по пресечению злоупотреблений частников. Предложения комиссии были одобрены и утверждены на заседании коллегии ОблРКИ 7 июня 1924 г. [28]

Большую роль частные посредники играли в обеспечении сырьем кожевенной, текстильной промышленности [29], в снабжении товарами некоторых кооперативов на Урале. Летом 1924 г. было установлено, что вокруг Надеждинского кооператива образовалась группа частных посредников, которые поставляли ЦРК различные товары [30]. К подобному положению привели бессистемность в работе правления Надеждинского ЦРК, отсутствие торгового опыта и знания рынков.

Частные торговцы могли осуществлять спекулятивные сделки и махинации лишь с помощью своих агентов в советском аппарате. На Урале в органах госторговли, особенно в иногородних представительствах, в 1924—1925 гг. было много буржуазных специалистов. Обследование иногородних представительств трестов и синдикатов, находящихся в Свердловске, установило, что почти везде имели место злоупотребления и содействие развитию частного рынка путем предоставления торговцам кредитов и лучшего ассортимента товаров. Представительство ВТС продавало ситец нэпманам по 58 коп. за метр, а кооперации — по 70 коп. Связь с частными лицами была очень велика, она достигала в Егорьевско-Раменском тресте 48% общей продажи, а ВТС — 22%, Синдшвейпроме — 12% [31].

Партийные и советские органы принимали решительные меры к пресечению злоупотреблений и нарушений законов о торговле. Бюро Уралобкома РКП(б) в августе 1924 г. одобрило действия

---

[25] См.: «Уральский рабочий», 1924, 13 апреля.
[26] Там же.
[27] Там же, 16 апреля.
[28] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 155, л. 38.
[29] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 332, л. 11.
[30] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 131, л. 59; д. 192, л. 39.
[31] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 14, л. 238.

ГПУ по ликвидации злоупотреблений в ВТС. Совещание при обкоме РКП(б) (сентябрь 1924 г.) решило организовать в ближайшее время несколько показательных процессов по делам о злоупотреблениях и бесхозяйственности в торговых представительствах [32]. Совещание коммунистов — руководителей торговых и кооперативных организаций Уральской области, состоявшееся в Уралобкоме РКП(б) 16 ноября 1924 г., приняло решение провести чистку личного состава в ряде представительств и устроить судебно-показательные процессы. ОблРКИ направила в прокуратуру материалы о злоупотреблениях в области торговли [33].

В январе 1925 г. в Свердловске рассматривалось дело взяточников Егорьевско-Раменского треста [34]. В последующие месяцы по области был организован ряд процессов, которые получили широкую огласку и освещение в местной печати.

Принимали меры к ликвидации злоупотреблений и окружкомы партии. Ирбитский окружком РКП(б) в феврале 1924 г. на основе итогов обследования предложил окрисполкому привлечь к судебной ответственности руководителей агентства Хлебопродукта. По указанию Тобольского окружкома РКП(б) летом 1924 г. были приняты меры к ликвидации частной агентуры в конторе Уралгосторга [35].

Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частника из заготовок сырья и пушнины принесла свои результаты. Партийная ячейка Уралгосторга констатировала в феврале 1925 г., что его работа за последнее время приняла планомерный характер, что создан собственный аппарат, который в целом проводит правильную линию. Летом 1925 г. бюро ячейки РКП(б) Уралторга признало, что отказ правления от частной агентуры и работа с кооперацией дали положительные результаты. План выполнен [36].

Основную роль в вытеснении частного капитала из розничного товарооборота, особенно в деревне, выполняла кооперация. Кулацко-зажиточные элементы стремились попасть в руководящие органы кооперативов, чтобы использовать их в своих политических и экономических интересах. Особенно характерно это было для Тюменского округа и Южного Зауралья. В Тюменском округе к марту 1924 г. кулаки проникли во многие кооперативы и даже возглавили некоторые районные объединения. В руководящих органах кооперации середняки составляли 80%, бедняки — 8%, а кулаки, бывшие офицеры и бандиты — 12% [37]. Это произошло потому, что руководивший окружным центром Неймышев проводил политику поощрения кулачества. Весь сельхозинвентарь, машины и кредиты, отпускаемые государством, в большинстве реализова-

---

[32] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 13, л. 241; д. 14, л. 238.
[33] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 337, л. 272; д. 155, л. 96.
[34] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 336, л. 9; «Уральский рабочий», 1924, 1—31 января.
[35] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 172, л. 29, 44; д. 141, л. 115.
[36] СПА, ф. 10, оп. 1, д. 397, л. 18, 46.
[37] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 145, л. 81, 82, 133.

лись среди кулаков. Обследованием было установлено, что кулацкие кооперативы были тесно связаны с частными торговцами. Так, товарищество в с. Иевлево Тюменского округа 30—60% всех товаров приобретало у частных торговцев. В правлении общества состояли бывший торговец и два участника мятежа 1921 г. В товарищество были вовлечены наиболее зажиточные крестьяне[38].

XIII съезд партии подчеркнул, что «укрепление и рост кооперации в деревне есть прежде всего борьба за освобождение бедняка и середняка деревни от кулацкой, спекулянтской и ростовщической кабалы, принимающей в деревне самые различные формы»[39]. Руководствуясь этим, Свердловская окружная конференция РКП(б) в декабре 1924 г. наметила конкретные меры по укреплению низовой кооперативной сети в деревне с тем, чтобы сделать из кооперативов противовес засилию кулаков и частных торговцев[40].

Партийные организации Урала принимали меры по очищению правлений кооперативов от чуждых элементов и ликвидации лжекооперативов. Бюро Уралобкома РКП(б), обсудив в сентябре 1924 г. доклад о состоянии Ишимской организации РКП(б), рекомендовало в предстоящую кампанию перевыборов кооперации подготовить смещение кулацких и политически нежелательных членов правлений. Тобольский окружком РКП(б) зимой 1924 г. добился того, что из Северосоюза уволили входивших в состав правления меньшевиков, эсеров, офицеров[41].

Таким образом, развитие кооперации Урала, особенно на селе, происходило в условиях острой классовой борьбы с капиталистическими элементами.

Бурное развитие кооперации в 1924 г. заставляло частный капитал сдавать свои позиции. Однако в торговле некоторыми товарами эти позиции по-прежнему оставались прочными. По данным статистики, за первое полугодие 1923/24 г. частная торговля занимала преобладающее место в следующих группах товаров и продуктов: овощи — 91,2% общего оборота, печеный хлеб и кондитерские изделия — 84,1%, мясо и рыба — 60,8%, смешанные съестные припасы — 91,6%, галантерея — 75,8%, скот — 78,8%[42]. К концу 1924 г. это соотношение начинает изменяться в пользу госторговли и кооперации, но работа по вытеснению частника из этих отраслей предстояла еще большая. Осуществлять эту задачу нужно было прежде всего экономическими мерами, путем регулярного снижения цен на товары. Политика снижения цен являлась главным орудием советской торговли в борьбе с частным капиталом.

---

[38] См.: «Уральский коммунист», 1924, № 18, стр. 21.

[39] Тринадцатый съезд РКП(б), стр. 629.

[40] См.: III Свердловская окружная конференция. Стенографический отчет. Свердловск, 1924, стр. 215.

[41] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 14, л. 77; д. 141, л. 33.

[42] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 19, л. 104.

Коммунисты Урала руководствовались решениями XIII съезда ВКП(б) и постановлениями VI Уральской областной партконференции об отвоевании у частного капитала розничной торговли [43]. Они добились того, что в госторговле и кооперации Урала товары продавались по более низким ценам чем у частника (в среднем на 15—20%), в то время как цены кооперации по стране были ниже рыночных на 8—10% [44].

Укрепление советской торговли, продажа товаров по ценам ниже рыночных вели к вытеснению частного торгового капитала экономическими мерами, способствовали росту авторитета кооперации в глазах трудящихся. В обслуживании широких масс населения кооперация одержала решительную победу над частным капиталом. Даже в товарообороте сельских местностей Урала в 1924/25 г. удельный вес ее оказался выше, чем у частника.

Основной причиной сокращения оборота частного капитала явилось укрепление государственной и кооперативной торговли. Однако чрезмерное увлечение администрированием в 1924 г. приводило в некоторых случаях к преждевременному сокращению частных заведений. А социалистический сектор, несмотря на успехи, не мог еще полностью заменить частника в товарообороте. Это в известной мере отрицательно сказывалось на росте торговли.

По данным Уралстатбюро, частная торговля составляла в первом полугодии 1923/24 г. 23,2%, а во втором — 14,8% [45]. Резко понизился удельный вес частника в товарообороте в сельских местностях.

Подобное явление было характерно не только для Урала, но и для страны в целом. Поэтому партия и правительство с начала 1925 г. стали проводить так называемую «новую торговую политику», суть которой состояла в том, чтобы вновь вовлечь частный капитал в рыночные отношения и упорядочить кредитование товарами кооперации со стороны промышленности.

Правительство решило изменить условия кредитования частников, обязало Наркомвнуторг и его аппарат на местах вовлекать частный капитал в биржевой оборот через комитеты рыночных торговцев, общества взаимного кредита и секции частной торговли при товарных биржах, а также упорядочить налоговое обложение [46].

Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК РКП(б) потребовал решительно сократить всякого рода местные обложения и устранить административные препятствия мелкой крестьянской торговле на базарах, рынках, привлекая виновных к строгой ответственности [47].

---

[43] См.: Стенографический отчет VI(2) Уральской областной конференции РКП(б), приложение, стр. 4.

[44] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 106, л. 204; ф. 6, оп. 1, д. 386, л. 105; С. Г. Струмилин. Избранные произведения, т. 1. М., 1963, стр. 449, 459.

[45] См.: Торгово-промышленный Урал. 1926 г., стр. 340.

[46] ЦГАНХ, ф. 8151, оп. 1, д. 63, л. 33; д. 69, л. 26.

[47] КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 166.

Уралобком РКП(б) в информационном письме от 20 декабря 1924 г. и циркуляре за январь 1925 г. указывал, что вытеснение частного капитала административным путем поведет к искусственному сокращению товарооборота и, следовательно, отрицательно повлияет на общее развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли. Вытесненный в городе частный капитал устремляется в деревню и создает осложнения в государственных хлебозаготовках.

Январский (1925 г.) пленум обкома партии вновь отметил недопустимость применения к частному капиталу без достаточных оснований административных мер, ведущих к искусственному сокращению оборотов [48].

Обком партии, обсудив тезисы о состоянии частной торговли на Урале, 10 апреля 1925 г. утвердил письмо окружкомам РКП(б) и окрисполкомам о некоторых вопросах торговой политики. Исходя из решения СТО от 31 марта 1925 г. об условиях вовлечения частного капитала в торговлю, обком партии предложил фракциям РКП(б) окрисполкомов пересмотреть ставки на аренду торговых помещений для частников в сторону понижения; прекратить штрафование частных торговцев как средство извлечения доходов для местного бюджета; облагать частных торговцев на основе действительного изучения оборотов предприятий и их доходности, не допуская переобложения [49].

На основе директив Уралобкома РКП(б) и указаний окружкомов партии фракции РКП(б) окрисполкомов и райисполкомов приняли меры к устранению административных перегибов в отношении частного капитала: арендная плата за помещения была снижена, налоговое обложение упорядочено, а практика необоснованных штрафов прекращена [50]. Таким образом, борьба с частным капиталом была направлена по линии экономического соревнования с госторговлей и кооперацией, улучшения основных показателей в работе социалистического сектора торговли.

Успешное развитие социалистического сектора торговли обусловило сокращение доли частного капитала в товарообороте области. Если в первом полугодии 1923/24 г. доля частника в розничной торговле составляла 53,3%, то в первом полугодии 1925/26 г.— уже только 27,2%, в то время как доля кооперации за этот же период увеличилась с 39,9 до 62,7%. В конце восстановительного периода доля частного предпринимателя в оптово-розничной торговле составляла всего лишь 1%, в оптовой — 0,5%, а доля кооперации соответственно возросла до 31,9 и 37,3%. Таким образом, потребительская кооперация сыграла решающую роль в вытеснении частного розничника из торговли. Удельный вес частного ка-

---

[48] СПА, ф. 4, оп. 2, д. 56а, л. 64; оп. 3, д. 329, л. 47; д. 10, л. 165, 166.

[49] СПА, ф. 4, оп. 3, д. 19, л. 102; д. 34а, л. 58.

[50] СПА, ф. 9, оп. 1, д. 322, л. 1, 3; д. 237, л. 62; ф. 4, оп. 3, д. 154, л. 58; ф. 6, оп. 1, д. 359, л. 7; ф. 4, оп. 2, д. 131, л. 192; оп. 3, д. 150, л. 66; д. 154, л. 58; д. 329, л. 141, 142.

питала в общем товарообороте Урала сократился с 31,3% в конце 1922/23 г, до 14,4% в конце 1923/24 г. В первом полугодии 1924/25 г. на долю частника приходилось 11,4% [51].

Таким образом, указания XIII съезда партии о всемерном развитии кооперации на Урале успешно претворялись в жизнь. В этом большая заслуга Уральской партийной организации, коммунистов торговых органов, которые добились больших успехов в госторговле и кооперации.

Процесс сокращения частной торговли на Урале шел значительно быстрее, чем по стране в целом. В оптовой торговле СССР удельный вес частного капитала к концу восстановительного периода составлял 7,9%, а в розничной — 43,0% [52]. На Урале доля частного капитала в оптовой торговле равнялась 0,5%, а в розничной — 27,2% (более чем в полтора раза меньше, чем в стране) [53].

Причины более быстрого вытеснения частника из товарооборота на Урале заключались в том, что коммунисты, работающие в органах госторговли и кооперации, сумели сконцентрировать оптовую реализацию продукции крупной и средней промышленности в социалистическом секторе торговли. Проникновение частного капитала в оптовую торговлю было незначительным, ибо для этого требовались крупные капиталы, а большинство частных заведений на Урале вели мелкую розничную торговлю. Парторганизации Урала сумели значительно быстрее, чем в других районах страны, осуществить перестройку кооперации и наладить ее товарооборот. Оценивая достижения коммунистов Урала, В. В. Куйбышев на XIII съезде РКП(б) говорил: «Очевидно, местные товарищи поработали над постановкой у себя торгового дела и достигли известного успеха» [54].

Таким образом, руководствуясь решениями XIII съезда партии, Уральская парторганизация в 1924—1925 гг. усиливает борьбу против частного капитала. Генеральным направлением вытеснения частника из товарооборота явилось всемерное развитие на Урале госторговли и кооперации. Последовательное проведение в жизнь политики снижения цен, кредитной и налоговой политики способствовало усилению кооперации и госторговли. Частный капитал не смог противостоять натиску социалистических элементов и постепенно сдавал свои позиции.

---

[51] См.: Уральское хозяйство в цифрах. Статистический справочник. Свердловск, 1926, стр. 121.

[52] См.: Г. А. Дихтяр. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961, стр. 212, 238, 239.

[53] См.: Уральское хозяйство в цифрах. Статистический справочник. Свердловск, 1927, стр. 156, 157.

[54] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, стр. 294.

В. П. ГРИШАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОГО ОКРУГА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ КУЛАЧЕСТВА в 1927—1929 гг.

Творчески развивая ленинский кооперативный план, XV съезд ВКП(б) поставил в качестве основной задачи партии в деревне объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные на базе новой, высшей техники. Вместе с тем съезд провозгласил политику более решительного наступления на кулачество[1].

Такая политика встретила яростное сопротивление кулачества. Особенно остро развернулась борьба в период хлебозаготовок в 1927/28 и 1928/29 гг. Кулачество к этому времени накопило силы, создало запасы хлеба и, использовав недовольство зажиточной верхушки середняков ценами на зерно, организовало в 1927/28 г. «хлебную стачку». В Свердловском округе в этот год план был выполнен только на 89,1%. Конечно, были и другие причины заготовительных трудностей.

Сельское хозяйство округа в 1927 г. почти достигло довоенного уровня, валовой сбор зерна составил 94,6% к 1913 г. Однако развивалось оно медленными темпами, далеко отставая от промышленности. Так, если годовой прирост промышленной продукции в 1927 г. составил 18%, то годовой прирост продукции сельского хозяйства — 4,1%. Отставание сельского хозяйства объяснялось теми же причинами, что и в целом по стране: мелкотоварностью крестьянских хозяйств, неспособностью их к расширенному воспроизводству. Все это вело к сокращению товарности сельского хозяйства Урала и Свердловского округа. Поэтому в 1927 г. на рынок области поставлялось только 17% валовой сельскохозяйственной продукции[2].

Снижение товарности сельского хозяйства создавало опасность замедления индустриализации страны, осуществления плана строи-

---

[1] См.: КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 17, 18, 63—66.

[2] См.: В. Н. Зуйков. Коммунисты Урала — организаторы массового колхозного движения (1927—1931 гг.).— «Учен. зап. Уральск. ун-та», 1957, вып. 17, стр. 121, 122.

тельства социализма. Кулачество и зажиточные крестьяне Свердловского округа, как и всей страны, активно выступили против мер партии и правительства по преодолению хлебных трудностей. Кулаки отказывались продавать государству излишки хлеба по твердым ценам. В Погореловском сельсовете кулаки срывали собрания по вопросам хлебозаготовок [3]. В селе Гробово Нижне-Сергинского района кулаки агитировали против сдачи хлеба государству [4]. Кулачество организовывало поджоги, террористические акты, выступления против Советской власти. В селе Чувашково Красноуфимского района кулаки сожгли амбары с зерном, собранным во время заготовок [5]. Кулаки села Першино Режевского района избили активистов, спрятали хлеб, сдав по хлебозаготовкам только 5,8% зерна от всего урожая. В деревне Сосновый Бор Бисертского района кулаки устроили избиение деревенского актива, руководившего хлебозаготовками [6]. В селе Нижне-Игнатьево Сысертского района кулак — бывший жандарм — ударил ножом председателя сельского Совета, призывавшего сдать все хлебные излишки [7].

Было ясно, что пока не будет сломлено сопротивление кулачества, государство не получит необходимого количества хлеба. Вопросы хлебозаготовок стояли в центре внимания областной и окружной партийных организаций. В 1927—1929 гг. эти вопросы обсуждались на пленумах обкома, на областных, окружных и районных конференциях, а также в низовых партийных и советских организациях. Комиссия УралоблКК-РКИ отмечала, что, благодаря большой организационно-политической работе, проведенной в Каслинском районе, хлебозаготовки пошли успешнее [8].

На местах выбирались комиссии содействия хлебосдаче, в которых беднота и середняки играли главную роль. Эти комиссии имели большое влияние на крестьянство.

Но кулачество не унималось, оно развернуло контрагитацию. По данным УралоблКК-РКИ, в Баженовском и Бисертском районах было немало случаев, когда чуждые элементы попадали в комиссии или оказывали на них давление [9].

Партийные и советские органы провели ряд мер по ликвидации хлебных затруднений. Окрисполком в декабре 1927 г. принял решение снизить цены на промтовары на 8,3% и повысить цены на продукты сельского хозяйства на 3% [10]. Эта мера создавала стимул для сдачи сельскохозяйственных продуктов. Сессия Свердловского окрисполкома предложила райисполкомам провести чистку

---

[3] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 64, л. 49.
[4] ГАСО, ф. 160, оп. 1, д. 657, л. 54.
[5] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 64, л. 50.
[6] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 528, л. 15, 22.
[7] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 693, л. 9.
[8] ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 515, л. 119.
[9] Там же, л. 118; д. 513, л. 51.
[10] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 20, л. 21.

кооперативного аппарата от чуждых элементов, выявить должников по хлебозаготовкам, особенно из кулацких хозяйств, и взыскать с них долг. Сессия предложила привлечь к проверке бедноту и батраков, на общих собраниях утверждать дополнительные индивидуальные задания для задолжников-кулаков [11].

Партийные организации районов повсеместно провели крестьянские собрания, на которых обсуждались ход хлебозаготовок и меры борьбы с кулаком. Была проделана большая организаторская работа по сплочению деревенского актива и бедноты. В Баженовском районе беднота помогла выявить излишки хлеба и провести сдачу его по твердым ценам [12].

Советской власти пришлось применить по отношению к кулакам и поддерживающим их чрезвычайные меры. Проводились суды над зажиточными неплательщиками. Судебным органам была дана установка привлекать злостных держателей товарного хлеба и спекулянтов к уголовной ответственности по статье 107 Уголовного Кодекса СССР, не допуская при этом массовых репрессий [13]. Советским органам предлагалось привлекать к выявлению спекулянтов широкие бедняцкие массы деревни. Так, в марте 1928 г. партийные и государственные органы Уфалейского района с помощью бедноты выявили шесть спекулянтов-кулаков, дела которых передали в прокуратуру [14].

В Свердловском округе в 1928 г. к уголовной ответственности привлекались 16 кулаков-спекулянтов, 50 злостных зажимщиков хлеба; 58 кулаков, уклонявшихся от сдачи хлеба по твердым ценам, выселили за пределы Свердловского округа. За пособничество кулакам 6 председателей сельских Советов привлекались к уголовной ответственности. Всего с 1927 по 1929 г. по округу к уголовной ответственности по статье 107 УК СССР было привлечено около 3 тыс. человек [15].

Разгром «хлебной стачки» подорвал экономические позиции и политическое влияние кулачества в деревне.

XV съезд ВКП(б) поставил перед партийными организациями другую основную задачу — всеми мерами способствовать укреплению органов диктатуры пролетариата в деревне в обстановке обострения классовой борьбы и осуществления социалистического преобразования сельского хозяйства.

XV съезд ВКП(б) требовал, прежде всего, обеспечения и усиления направляющей роли партии и ее местных организаций «как основного рычага диктатуры» [16] на основе пролетарской дисциплины, повышения идейно-теоретического и культурного уровня ее

---

[11] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 69, л. 58, 59, 63.

[12] См.: «Уральский рабочий», 1928, 15 декабря.

[13] ГАСО, ф. 88, оп. 14, д. 30, л. 60.

[14] См.: «Уральский рабочий», 1928, 26 марта.

[15] ГАСО, ф. 88, оп. 14, д. 30, л. 98, 102; ф. 158, оп. 1, д. 60, л. 8, 14; д. 614, л. 10; д. 607, 611, 616, 618, 621, 624, 625, 632.

[16] КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 20.

членов, систематического улучшения социального состава. В организационном плане предусматривалось создание при партийных комитетах отделов по работе в деревне; вовлечение в партию батрацко-бедняцкого актива и укрепление новыми партийными силами кооперативных и советских органов.

Выполняя указания XV съезда ВКП(б), партийные организации Урала и Свердловского округа проделали значительную работу по укреплению и сплочению своих рядов.

Произошли изменения в составе деревенских организаций, выросла численность партийных ячеек. Их пополнение происходило в основном за счет батраков и бедняков. Так, если на 1 октября 1927 г. батраки среди коммунистов округа составляли 0,6%, то на 1 октября 1928 г.— 1,3% [17].

Окружная партийная организация выдвигала на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу в деревню проверенных, закаленных коммунистов, твердо проводящих линию партии в жизнь. В те годы широко практиковалось направление рабочих-коммунистов секретарями сельских партячеек, председателями сельсоветов, руководителями кооперативных организаций. Это способствовало усилению влияния партии на органы диктатуры пролетариата в деревне.

Однако в работе окружной парторганизации по укреплению сельских ячеек имелись недостатки. В ряде мест был ослаблен контроль за приемом в партию, в результате чего в некоторые ячейки попали классово чуждые элементы. Так, в 1928 г. в Щелкунской ячейке Сысертского района из 29 коммунистов крестьян и кустарей было 13, служащих и прочих — 11, батраков и рабочих — 5 [18]. Руководство ячейкой оказалось в руках неустойчивых членов партии, это привело к тому, что партийная ячейка приняла ряд решений в пользу зажиточной части деревни в ущерб бедноте.

В качественном улучшении состава партии важную роль сыграла генеральная чистка, проведенная после XVI партконференции ВКП(б). О составе исключенных говорилось на пленуме ОкрКК ВКП(б) в 1929 г. Из партии были удалены на 80% люди, вступившие в нее после 1924 г., не устойчивые в политическом отношении. Основными причинами исключения были: связь с кулачеством, недисциплинированность, политнеграмотность, карьеризм, религиозные убеждения [19].

Сплочение рядов партии проходило в острой борьбе за чистоту марксизма-ленинизма против оппортунистических течений. В 1926—1927 гг. Свердловской окружной партийной организации пришлось вести борьбу с троцкистами. С середины 1927 г. они вновь активизировались, сумели воссоздать свой областной

---

[17] См.: «Уральский рабочий», 1928, 5 октября.

[18] См.: Там же, 2 октября.

[19] ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 515, л. 96.

подпольный центр[20]. Коммунисты Свердловского округа дали достойный отпор фракционерам, наголову разгромив их в общепартийной дискуссии накануне XV съезда ВКП(б).

После XV съезда партийным организациям пришлось вести борьбу с группой правых оппортунистов во главе с Бухариным и Рыковым. В Свердловском округе правоуклонистские элементы усилили свою деятельность в Режевском, Уфалейском, Ревдинском, Полевском, Бисертском районах. Они выступали против строительства колхозов, против мер по ограничению кулачества[21].

Коммунистическая партия разгромила правых оппортунистов. В этой борьбе Свердловская партийная организация показала себя крепкой, идейно закаленной, верной ленинским заветам. Вопрос о правом уклоне стоял на обсуждении пленума окружкома ВКП(б) в ноябре 1928 г., на заседаниях бюро окружкома, райкомов партии в 1928—1929 гг. Коммунисты Свердловского округа решительно осудили правооппортунистическое течение.

Партийные организации Свердловского округа всемерно укрепляли органы диктатуры пролетариата в деревне. С этой целью в сельской местности партийные организации использовали перевыборные кампании в 1926/27 и 1928/29 гг. В результате кампании 1926/27 г. в сельские Советы было избрано 62,4% крестьян, 16,8% рабочих, 5% батраков[22].

Перевыборы Советов в 1928/29 г. проходили в обстановке усиления классовой борьбы. Кулачество, как и в кампанию 1926/27 г., пыталось проникнуть в Советы и использовать их в своих интересах. В деревне Луговой Егоршинского района, например, кулаки организовали избирательный комитет, через который стремились провести в Совет своих представителей[23]. Несмотря на все это, перевыборы 1928/29 г. привели к значительному изменению социального состава сельских Советов; в них вошло 67% трудящихся крестьян, 9% батраков. Зажиточная часть деревни сохранила лишь незначительное представительство. Увеличилась партийная прослойка Советов: если в 1927 г. она составляла 22%, то в 1929 г.— 36%[24]. Перевыборы Советов свидетельствовали об успешной работе партийных организаций по укреплению сельских органов диктатуры пролетариата, об усилении политической изоляции кулачества.

Большое внимание партийные и советские органы Свердловского округа уделяли повышению политической активности батрачества, сельской бедноты и середняков. VIII Уральская областная конференция ВКП(б), состоявшаяся в ноябре 1927 г., в резолюции «О работе Уралобкома ВКП(б)» потребовала от парторганизаций «...всю партийную работу в деревне развивать в направлении

---

[20] См.: «Уральский рабочий», 1927, 17 ноября
[21] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 67, л. 114.
[22] См.: «Уральский рабочий», 1927, 2 мая.
[23] ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 474, л. 96—98.
[24] См.: «Уральский рабочий», 1929, 9 мая.

укрепления бедняцко-середняцкого блока, расширения и организационного оформления работы среди деревенской бедноты и более решительного наступления на кулачество»[25].

Конкретизируя эти указания, VI Свердловская окружная партийная конференция, проходившая в ноябре 1927 г., дала директиву райкомам и партийным ячейкам вести «работу среди бедноты плановую, систематическую, а не кампанейскую», «вовлекать середняцкий общественный актив к участию в проработке с беднотой всех важнейших вопросов»[26].

Партийные организации уделяли большое внимание созданию групп бедноты и активизации их работы, проведению бедняцких собраний. Группы бедноты оформлялись при сельсоветах, кооперативах, ККОВ. VI окружная конференция ВКП(б) требовала планового ведения работы среди бедноты, превращения ее в опору диктатуры пролетариата в деревне, в действенную силу по борьбе с кулачеством, укрепления влияния бедноты на середняцкий актив.

Группа бедноты при сельсовете села Осташево Режевского района вела работу планомерно, собрания групп бедноты проводились регулярно. На них обсуждались вопросы о самообложении, о выдвижении кандидатов в Советы и другие. Группа создала машинное товарищество из 13 бедняцких хозяйств. В Арамильском районе оформилось 16 групп бедноты. Они провели за 1929 г. 42 собрания, в которых участвовало 1453 человека, созвали 2 районные конференции групп бедноты, выдвинули в состав Советов 25 бедняков[27]. Группа при сельсовете в деревне Клевакино Баженовского района добилась при проведении землеустройства наделения бедняков ближней землей[28]. Под руководством партийных ячеек такие группы способствовали укреплению бедняцко-середняцкого блока.

Однако следует иметь в виду, что во многих районах Свердловского округа группы бедноты своевременно не были созданы. Это подтверждают материалы обследования, проведенного РКИ с октября 1928 по февраль 1929 г. В некоторых районах группы бедноты были оформлены, но никакой работы не вели. Иногда создание групп превращалось в самоцель. В ряде мест середняки не допускались на бедняцкие собрания, удалялись с них под предлогом того, что они «деморализуют обсуждение вопросов»[29]. Все это, естественно, отрицательно сказывалось на политике партии по укреплению бедняцко-середняцкого блока, позволяло кулакам сохранять свое влияние. Так, в Нязепетровском районе, где пар-

---

[25] Резолюции VIII Уральской областной конференции ВКП(б). Свердловск, 1927, стр. 12.

[26] Материалы к отчету окружкома ВКП(б) на VI окружной партийной конференции. Свердловск, 1927, стр. 27.

[27] См.: «Областная крестьянская газета», 1929, 23 февраля.

[28] См.: «Уральский рабочий», 1928, 23 декабря.

[29] Там же.

тийные и советские органы не занимались работой групп бедноты, кулачество провело землеустройство в своих интересах и использовало кредит, предназначенный бедноте. В некоторых селах Режевского района, где были слабы бедняцкие группы, кулаки сорвали кооперирование бедноты [30].

Результаты смотра были обсуждены на районных и окружных конференциях групп бедноты в начале 1929 г. Это способствовало оживлению работы групп бедноты и укреплению бедняцко-середняцкого блока.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что группы бедноты в районах, где партийные и советские органы с должным вниманием отнеслись к их организации, стали подлинной опорой Советской власти, укрепляли органы диктатуры пролетариата, решали насущные вопросы в интересах трудового крестьянства.

Кроме работы с беднотой, партийные организации уделяли большое внимание батрачеству, составлявшему в уральской деревне около 5% от общего числа крестьян. Партия считала, что батрачество — это пролетариат в деревне, который необходимо организовать на борьбу против кулачества. Батрачество под руководством партии и рабочего класса должно было сыграть важную роль в укреплении союза рабочего класса со средним крестьянством при опоре на бедноту, в борьбе против кулака за социализм. XV съезд ВКП(б) в резолюции «О работе в деревне» записал: «Признать необходимым усилить работу союза сельскохозяйственных и лесных рабочих по организации еще не организованных батраков, а равным образом облегчить вовлечение в союз сельхозлесрабочих, тех, еще не вовлеченных полупролетарских элементов в деревне, для которых работа по найму является основным источником существования» [31].

На Урале, как отмечалось в отчетном докладе Уралобкома ВКП(б) на VIII Уральской областной партийной конференции, организованность батрачества была далеко недостаточной [32]. Партийные и советские организации, учитывая это, увеличили партийную прослойку среди батрачества и усилили вовлечение батраков в профсоюз сельскохозяйственных и лесных рабочих.

Благодаря принятым мерам, улучшилось материальное положение батрачества. Зарплата батраков в Свердловском округе в денежном выражении увеличилась с 1927 по 1929 гг. на 12% [33]. Партийные и советские органы контролировали содержание трудовых договоров батраков с кулаками, следили за своевременной выдачей заработной платы батракам.

---

[30] См.: «Областная крестьянская газета», 1929, 4 января.

[31] КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 68.

[32] См.: Стенографический отчет VIII областной партийной конференции. Свердловск, 1927, стр. 107.

[33] ГАСО, ф. 158, оп. 1, д. 28, л. 55.

Во время перевыборов Советов в 1926/27 и в 1928/29 гг. партийные организации, как уже говорилось, добились увеличения числа батрацких депутатов в составе сельских Советов. В связи с этим возросли организованность и роль батрачества в отпоре кулачеству, его влияние на ход социалистических преобразований в деревне.

В результате последовательного претворения в жизнь курса XV съезда ВКП(б) была усилена политическая изоляция капиталистических элементов в сельском хозяйстве, что в дальнейшем положительно сказалось на проведении массовой коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса.

В. А. ШВЕЧИКОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ УКРЕПЛЕНИЮ ОРГАНОВ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В ДЕРЕВНЕ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ОБОСТРЕНИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ (1928—1929 гг.)

В. И. Ленин всесторонне обосновал положение о том, что главным орудием в руках трудящихся масс в борьбе за построение социалистического общества является советское государство, руководимое Коммунистической партией. Поэтому вопросы последовательного классового руководства Советами, мероприятия по их укреплению на всех этапах социалистического строительства всегда стояли в центре внимания партии.

Деятельность Коммунистической партии по укреплению сельских Советов в 1928—1929 гг., в период подготовки сплошной коллективизации и острой классовой борьбы в деревне, представляет несомненный интерес и требует специального изучения. Между тем в историко-партийной литературе этой проблеме до недавнего времени уделялось мало внимания[1]. Из последних работ самой значительной является монография Ю. С. Кукушкина, написанная на всесоюзном материале[2]. Недостаточно полно изучена и деятельность партийных организаций Урала по укреплению деревенских Советов накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства. Опубликовано лишь несколько статей[3], в которых рас-

[1] Краткую историографию вопроса см.: Т. П. Долгушина. Деятельность партийных организаций ЦЧО по организационно-политическому укреплению сельских Советов в период обострения классовой борьбы с кулачеством (1929 г.).— «Изв. Воронежск. пед. ин-та», 1968, т. 80.

[2] Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932). М., 1968.

[3] В. В. Ножкин. Перевыборы Советов и подъем политической активности трудящихся масс на Урале в период индустриализации (1926—1929).— В «Сборнике аспирантских работ по вопросам государства и права». Свердловск, 1962; Он же. Развитие демократических основ организации и деятельности местных советских органов на Урале в первые годы реконструкции народного хозяйства.— В кн.: Экономическая роль местных Советов Урала, вып. 4. Свердловск, 1970; И. Е. Плотников. Выборы в сельские Советы Урала в 1928/29 г.— В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Вып. 1. Свердловск, 1967.

сматривается подготовка и проведение перевыборов Советов в 1928/29 г.

В данной статье делается попытка осветить такие важнейшие стороны деятельности уральских коммунистов в 1928—1929 гг., как усиление партийного руководства сельскими Советами, очищение их от враждебных элементов и укрепление кадрами, сплочение батрачества и бедноты вокруг Советов, упрочение союза с середняцкими массами в борьбе против кулачества, поворот их «лицом» к коллективизации сельского хозяйства.

* * *

XV съезд ВКП(б), отметив «несомненный успех политики партии по оживлению Советов в деревне», указал, что этих результатов далеко недостаточно, и поставил задачу, «продолжая политику оживления Советов как центров политического воспитания широких масс трудящегося крестьянства под руководством пролетариата, направить особое внимание на образование и расширение беспартийного бедняцко-середняцкого актива, усилив вовлечение в этот актив батрачества и маломощного крестьянства» [4]. Решения XV съезда партии об укреплении Советов получили дальнейшее развитие в постановлении ноябрьского Пленума ЦК 1928 г.: «В настоящих условиях, в условиях коренной социалистической перестройки хозяйства страны, роль Советов должна в огромной мере подняться. Для этого необходимо во многом изменить и коренным образом улучшить работу Советов в городе и деревне...» [5]

Деревенские Советы должны были принять самое активное участие в подготовке производственного кооперирования крестьянских хозяйств. В связи с социалистической реконструкцией народного хозяйства и решительным наступлением на капиталистические элементы в стране обострилась классовая борьба. Особенно активизировалось кулачество. В этих условиях сельские Советы должны были строго проводить в деревне классовую политику партии и организовывать отпор кулацким выступлениям.

Советы, последовательно претворяя в жизнь принципы пролетарской демократии, упрочили связи с массами, расширили свой актив, усовершенствовали методы работы, окрепли и закалились в классовой борьбе. Но после XV съезда партии требования к Советам неизмеримо возросли и оказалось, что уровень работы многих из них не отвечает сложным задачам нового этапа. Это выяснилось уже в первые месяцы 1928 г. Обнаружилась слабость кадров отдельных сельских Советов, засоренность их чуждыми элементами, что приводило к извращению классовой линии и недостаточной работе по организации бедноты. У многих сельсоветов отсутствовал широкий беспартийный актив, что затрудняло реше-

---

[4] КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 62, 68.
[5] Там же, стр. 142, 143.

ние хозяйственно-политических задач, организацию борьбы с кулацким сопротивлением. Именно поэтому огромное значение приобретало дальнейшее укрепление Советов.

Руководствуясь директивами XV съезда партии и ее ЦК, бюро Уралобкома в феврале 1928 г. указало партийным организациям, что в настоящее время «центр тяжести должен быть перенесен на укрепление работы сельских Советов». Усилилось внимание к Советам со стороны окружных, районных комитетов партии и деревенских ячеек ВКП(б). С 1 января 1928 по 1 февраля 1929 г. на бюро пяти райкомов Пермского округа было рассмотрено 172 вопроса о работе сельских Советов и их секций [6–7]. Партячейки Оханского района Пермского округа за 1928 г. обсудили 94 вопроса о деятельности сельсоветов, Добрянского — 96, Нытвенского — 43 и т. д. [8]

Важное значение в повышении уровня партийного руководства сельскими Советами имело расширение сети ячеек ВКП(б) в деревне. Это достигалось путем вовлечения в партию лучших представителей трудящегося крестьянства, в первую очередь батрачества и бедноты. За 1928 г. в партию было принято 1273, а за 1929 г.— 2149 сельскохозяйственных рабочих и батраков [9]. Значительно возрос прием крестьян-бедняков и середняков — за 1928—1929 гг. было принято в ряды ВКП(б) 6957 человек [10]. В результате численность сельской парторганизации возросла с 20 767 человек в 1927 г. до 24 306 человек на 1 июля 1929 г., а количество ячеек и кандидатских групп — с 1600 до 2090 [11]. Увеличилась партийная прослойка среди членов и председателей сельсоветов, особенно после перевыборной кампании 1928/29 г. Если в 1926/27 г. коммунисты составляли среди членов сельских Советов 10,5%, а среди председателей — 33,2%, то в 1928/29 г.— соответственно 14 и 47,8% [12]. Члены и кандидаты партии, выбранные в Советы, объединялись в коммунистические фракции, через которые партийные организации проводили работу по усилению своего влияния на органы государственной власти в деревне и осуществляли руководство ими. Бюро Уралобкома в июле 1929 г. указало, что они «должны быть застрельщиками организации масс вокруг важнейших мероприятий партии в области улучшения соваппарата, а также социалистического переустройства сельского хозяйства» [13].

[6–7] ППА, ф. 2, оп. 6, д. 96, л. 26, 62, 76, 84, 103.

[8] Там же, л. 26, 62, 84, 99, 103.

[9] См.: «Бюллетень Уралобкома», 1930, № 5—6, стр. 13.

[10] См.: Там же, № 7, стр. 3.

[11] Там же; Стенографический отчет VIII областной партийной конференции, стр. 352; СПА, ф. 4, оп. 7, д. 81, л. 21.

[12] См.: IX Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск, 1929, стр. 131; Отчет Уральского областного исполнительного комитета РКК и КД седьмого созыва VIII съезду Советов. Свердловск, 1931, стр. 192; И. Е. Плотников. Выборы в сельские Советы Урала в 1928/29 г., стр. 171.

[13] СПА, ф. 8, оп. 1, д. 945, л. 42.

Комфракции воздействовали на беспартийных членов Советов, помогали в подборе руководящих кадров и контролировали работу Советов, помогая им соблюдать классовую линию партии в деревне.

Доклады председателей сельских Советов постоянно заслушивались на заседаниях бюро и собраниях партячеек. Например, в Шатровском районе Курганского округа за 1928 г. Дворецкая ячейка заслушала 3 доклада о работе сельсоветов, Терсюкская — 7, Мостовская — 6, Пушняковская — 4 и т. д. [14]. Ячейками ВКП(б), окружным и районными исполкомами Троицкого округа было заслушано за год 143 доклада [15].

Окружных и районных работников стали направлять в сельские Советы на более длительный срок для оказания практической помощи в организации бедноты и батрачества, в осуществлении контроля за проведением классовой линии во всех политических и экономических мероприятиях. Необходимость таких выездов особо подчеркивалась в постановлении Уралобкома в мае 1928 г.[16] Выполняя указания областного комитета партии, Курганский окружком ВКП(б) в октябре 1928 г. командировал в деревню 15 работников из партактива сроком на 1 месяц, а райкомы партии округа — 22 человека [17].

После XV съезда партийная организация Урала особое внимание уделяла укреплению сельских Советов кадрами. В. И. Ленин считал, что от подбора опытных, преданных Советской власти работников, от правильной расстановки и воспитания их во многом зависит успех любой деятельности [18].

В связи с курсом на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, с усилением классовой борьбы в деревне подбор и подготовка кадров, повышение их квалификации приобретают особенно важное значение. XV съезд ВКП(б) поставил задачу выдвижения во все звенья советского аппарата рабочих и крестьян и замену ими чуждых и разложившихся элементов [19].

Выдвижение велось партийными организациями Урала и раньше, но оно не носило планового и систематического характера. В 1927 г., например, на советской работе по области было занято всего 115 выдвиженцев. В 1928 г. число их возросло до 251 человека [20]. Серьезный сдвиг в работе по выдвижению произошел в перевыборную кампанию Советов 1928/29 г. в связи с отзывом бездеятельных и не оправдавших доверия депутатов. За время перевыборов было заменено 562 члена сельских Советов. Всего

---

[14] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 81, л. 21.

[15] См.: Отчет Троицкого окружного исполнительного комитета Советов за 1927 и 1928 гг. Троицк, 1929, стр. 9.

[16] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 40, л. 52.

[17] Там же, д. 163а, л. 225; д. 472, л. 138.

[18] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 110.

[19] См.: КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 23.

[20] См.: Отчет Уральского областного исполнительного комитета РКК и КД седьмого созыва VIII съезду Советов, стр. 189.

за 8 месяцев 1929 г. по 13 округам области было выдвинуто на советскую работу 858 человек, среди них 300 рабочих, 367 батраков и бедняков и 123 середняка [21].

Кроме того, в городе проводился отбор кадров для села. Осенью 1929 г. бюро Уралобкома, исходя из того, что «в условиях Урала как крупного индустриального центра влияние рабочего класса на сельские Советы должно быть значительно усилено», постановило провести мобилизацию 600 человек из городских и поселковых Советов для постоянной руководящей работы в сельсоветах. Среди командированных в деревню в конце 1929 г. было 373 члена Советов и 151 активист, из них 405 членов партии и 28 комсомольцев [22]. Посредством выдвижения создавались новые кадры советских работников, способных к проведению правильной классовой линии в деревне.

Новые задачи и массовое выдвижение молодых кадров требовали систематического повышения их квалификации. Важную роль в этом играли областные, окружные и районные курсы советских работников. За 1925—1927 гг. на областных курсах повысили свою квалификацию 239 районных и 55 национальных работников. В 1928 г. областные курсы окончили 130 человек [23].

Для более высокой теоретической подготовки советских работников октябрьский 1929 г. пленум Уралобкома ВКП(б) дал директиву организовать при Урало-Сибирском коммунистическом университете специальный факультет по советскому строительству и четырехмесячные курсы по подготовке и переподготовке руководящих советских работников. Кроме того, при Пермской, Свердловской и Златоустовской совпартшколах открывались специальные отделения советского строительства на 300 человек [24]. Окружными курсами в 1928 г. был подготовлен 401 низовой работник, в то время как за два предшествующих года (1926 и 1927) их окончили 754 человека [25]. В 1929 г. сеть окружных курсов еще более расширилась. В первую очередь на них обучались председатели, их заместители и секретари сельских Советов, имеющие небольшой стаж руководящей работы. Так, на окружных курсах, организованных Троицким окрисполкомом в августе — сентябре 1929 г., обучалось 20 председателей сельсоветов, 17 секретарей и 3 делопроизводителя райисполкомов. Со стажем менее одного года работы было 26 человек, менее двух лет — 5 человек [26].

---

[21] См.: «Известия Уралоблисполкома», 1929, № 50, стр. 17.

[22] См.: Материалы к отчету Уралобкома X областной партийной конференции. Свердловск, 1930, стр. 61.

[23] См.: Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД пятого созыва. Свердловск, 1927, стр. 54; «Известия Уралоблисполкома», 1929, № 18, стр. 17.

[24] ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 342, л. 152; СПА, ф. 4, оп. 8, д. 12а, л. 33об.

[25] См.: «Известия Уралоблисполкома», 1929, № 18, стр. 17; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД пятого созыва, стр. 54.

[26] См.: «Известия Уралоблисполкома», 1929, № 44—45, стр. 21.

Таким образом, партийные организации Урала использовали все возможные пути для укрепления сельских Советов квалифицированными кадрами. За 1927—1929 гг. было подготовлено и повысило свою квалификацию 3115 советских работников [27].

Укрепляя Советы подготовленными кадрами, уральские коммунисты одновременно вели постоянную борьбу за очищение низового советского аппарата от чуждых элементов, которые, проникнув в органы власти, пытались сорвать осуществление политики партии в деревне. После выборов 1926/27 г. в составе Воробьевского сельского Совета Бердюжского района Ишимского округа оказалось 5 бедняков, 2 середняка и 7 зажиточных. Один из зажиточных стал председателем Совета, другой — его заместителем, а третий — членом президиума. Естественно, что сельсовет повел линию на удовлетворение в первую очередь нужд кулаков. На всех 28 заседаниях не было разобрано ни одного ходатайства бедняков. В результате Совет потерял всякий авторитет среди бедняцкого населения. После вмешательства Ишимского ОК и Бердюжского РК ВКП(б) руководство сельсоветом было переизбрано, а бывший председатель и другие зажиточные преданы суду [28]. В том же Ишимском округе из выступлений делегатов окружной конференции групп бедноты стало известно о фактах искажения классовой политики Советской власти руководством Осинского сельского Совета Сорокинского района. В целях проверки работы Совета окружной комитет партии на заседании секретариата 23 октября 1928 г. создал специальную комиссию. Факты подтвердились, виновные были наказаны [29].

Бюро Челябинского окружкома партии от 11 января 1928 г., заслушав информацию члена окружкома о поездке в Шумихинский район, постановило снять председателя Каменского сельсовета за прокулацкую политику. В июле 1928 г. бюро приняло аналогичное решение о председателе и казначее Глубокинского сельсовета, которые неправильно предоставляли кредиты, переоблагали по самообложению бедняцкие и середняцкие хозяйства [30]. В Курганском округе некоторые сельские Советы также оказались засоренными кулацкими элементами, они настраивали Советы против коллективизации сельского хозяйства [31]. В 1928 г. было предупреждено и заменено 264 председателя и 57 членов сельсоветов. А в 1929 г. (по данным на 1 октября) было отозвано с работы 123 и осуждено 86 председателей и членов Советов [32].

---

[27] См.: Отчет Уралоблисполкома РКК и КД седьмого созыва VIII съезду Советов, стр. 188.

[28] См.: «Известия Уралоблисполкома», 1928, № 4, стр. 10; СПА, ф. 4, оп. 6, д. 288, л. 12.

[29] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 96, л. 48.

[30] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 237, л. 11; ЧПА, ф. 75, оп. 1, д. 390, л. 542.

[31] КПА, ф. 7, оп. 1, д. 1285, л. 67.

[32] КПА, ф. 7, оп. 1, д. 713, л. 75; д. 1285, л. 67.

В мае 1929 г., согласно решению XVI партийной конференции, на Урале началась чистка советского аппарата. Она превратилась в широкую политическую кампанию по улучшению работы местных органов Советской власти, в которой приняло участие около миллиона трудящихся области. К январю 1931 г. от работы в советском аппарате было отстранено 6921 человек, из них 4806 человек — по низовому звену [33].

Таким образом, партийные организации помогали изживать болезненные явления в работе сельских Советов, укрепляли их путем чистки от чуждых и разложившихся элементов. Решающее значение в очищении сельсоветов от кулаков и подкулачников и в улучшении их социального состава сыграла перевыборная кампания 1928/29 г. Об этом наглядно свидетельствует таблица [34].

Таблица

Социальный состав сельских Советов Уральской области, %

Социальная группа	Избрано в Советы	
	в 1926/27 г.	в 1928/29 г.
Батраки и сельскохозяйственные рабочие	5,9	9,7
Крестьяне	87,3	84,9
Из них:		
бедняки	32,4	38,5
середняки	49,0	43,2
зажиточные	5,9	3,2
Служащие и интеллигенция	5,7	2,8*
Кустари, ремесленники, прочие	1,1	2,6**

* — только служащие
** — вместе с интеллигенцией

Из данных таблицы видно, что сельские Советы по своему составу были бедняцко-середняцкими. Вместе с тем партийные организации Урала добились увеличения в 1929 г. рабочего и батрацкого ядра в сельсоветах, что усиливало пролетарское влияние в деревне. Число зажиточных, наоборот, сократилось с 7 до 2,6%, следовательно, уменьшилось и их влияние на Советы. Улучшение социального состава явилось одним из действенных средств укрепления Советов и поднятия их роли в хозяйственно-политической жизни деревни, в более последовательном проведении классовой политики партии.

[33] См.: Экономическая роль местных Советов Урала, вып. 4, стр. 45.

[34] Таблица составлена и проценты подсчитаны на основе следующих источников: Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 г. Свердловск, 1927, стр. 54, 57; Стенографический отчет VIII областной партийной конференции, стр. 328; ППА, ф. 156, оп. 1, д. 218, л. 170; ГАСО, ф. 88, оп. 1, д. 87, л. 12.

Заметно оживилась работа по расширению беспартийного бедняцко-середняцкого актива. «Суть партийной линии состоит в том,— говорил М. И. Калинин,— чтобы суметь создать около Советов огромный непартийный крестьянский актив, чтобы через этот актив втянуть широкие, буквально многомиллионные массы в социалистическое строительство» [35].

Большая роль в создании широкого батрацко-бедняцкого актива и повышении его роли в политической изоляции кулачества принадлежала группам бедноты. Впервые группы бедноты рекомендовал создавать при общественных организациях деревни октябрьский Пленум ЦК РКП(б) 1925 г. В постановлении от 24 мая 1926 г. ЦК конкретизировал цели и задачи этих групп, указав, что они «создаются при Советах, правлениях кооперации и ККОВ для более организованного обеспечения интересов маломощных слоев деревни в работе этих организаций» [36].

Однако как в целом по Союзу, так и на Урале партийные организации приступили к широкому созданию групп лишь в 1927 г. К осени 1927 г. на Урале существовало уже 884 группы, но для 3 тыс. сельских Советов области это было далеко недостаточно [37].

XV съезд подвел первые итоги работы групп бедноты и в резолюции по докладу «О работе в деревне» указал, что партийные организации должны «оформить и укрепить существующие бедняцкие группы при Советах и кооперативах» [38]. Улучшение их работы создавало необходимые условия для роста политической активности, сплоченности и организованности батрачества и бедноты и повышения их роли в Советах и кооперативах, в проведении политики наступления на кулачество.

Выполняя решения съезда, партийные организации на местах значительно ускорили образование и оформление групп бедноты. Всего в области к весне 1929 г. по 7 округам только при сельских Советах существовало 976 групп [39]. По данным на 1 декабря 1929 г., по 10 округам Урала при сельсоветах насчитывалось уже 1657 групп бедноты с охватом 5567 батраков и бедняков, а на 1 марта 1930 г. по 11 округам — 1874 группы с охватом 12 350 человек [40]. Организационное сплочение бедноты посредством собраний и групп повышало ее политическую зрелость, обеспечивало комфракциям сельсоветов ее безусловную поддержку, помогло парторганизациям перестроить работу Советов, направить их деятельность на решение актуальных вопросов социалистического переустройства сельского хозяйства.

---

[35] М. И. Калинин. Статьи и речи 1919—1935 гг. М., 1936, стр. 290.

[36] «Известия ЦК ВКП(б)», 1926, № 26, стр. 3.

[37] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 86, л. 11; Стенографический отчет VIII областной партийной конференции, стр. 352.

[38] КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 70.

[39] Подсчитано по документам: СПА, ф. 4, оп. 7, д. 440, л. 16, 38, 65; ППА, ф. 156, оп. 1, д. 149, л. 112; ф. 2, оп. 6, д. 229, л. 11; ф. 65, оп. 1, д. 473, л. 270; КПА, ф. 7, оп. 1, д. 1017, л. 10 об.; ф. 13, оп. 1, д. 1294, л. 143.

[40] См.: Материалы к отчету Уралобкома X областной конференции, стр. 112.

Группы бедноты защищали интересы бедняцких хозяйств в вопросах аренды земли, распределения земельных угодий и кредитов, предоставления льгот по налогам и страховым платежам и т. д. Заметную роль они сыграли в борьбе против кулачества, против извращений классовой линии в работе Советов и других организаций. Группы выявляли скрываемые кулацкими хозяйствами объекты обложения, разоблачали и изгоняли кулаков из Советов и колхозов, добивались ликвидации лжекооперативов, нередко выступали инициаторами и организаторами коллективных объединений. Беднота Екимятской группы Калининского района Пермского округа добилась переизбрания председателя сельского комитета крестьянской взаимопомощи, который стал проводить прокулацкую политику [41]. В результате деятельности группы бедноты в селе Прорывном Мокроусовского района Курганского округа были успешно решены такие ответственные хозяйственно-политические задачи, как распространение займа, выполнение плана хлебозаготовок. Беднота добилась того, чтобы все кредиты на машиноснабжение, покупку рабочего скота были выданы нуждающимся бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам. Кроме того, по инициативе группы был создан фонд кооперирования, за счет которого в кооперацию вовлечено 43 хозяйства [42]. Целый ряд примеров говорит об участии групп бедноты в организации колхозов. Например, группа бедноты Шляпниковского сельсовета Ординского района Кунгурского округа организовала 2 колхоза, группа Ишимовского сельсовета Богородского района — 4 колхоза и коммуну «Бедняк» [43].

Другим средством вовлечения широких слоев крестьянства, особенно середняков, в работу Советов, создания вокруг них беспартийного актива являлось дальнейшее развертывание деятельности секций, организованных при Советах еще в восстановительный период. 12 марта 1927 г. ВЦИК утвердил «Положение о постоянных комиссиях (секциях) при районных, волостных комитетах и сельских Советах» [44]. Секции становились помощниками сельсоветов по вовлечению в политическую жизнь и строительство социализма трудящихся деревни и сельской интеллигенции.

В 1927 г. на Урале насчитывалось 55 тыс. членов сельсоветов, в секциях работало до 35 тыс. человек [45]. Однако в 1927 г. секции еще не построились в соответствии с новым Положением или совсем не работали. Это отмечали многие окружкомы партии [46].

---

[41] ППА, ф. 2, оп. 6, д. 229, л. 28; «Страда», 1928, 18 ноября.

[42] См.: «Красный Курган», 1928, 1 сентября.

[43] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 478, л. 136; д. 468, л. 111; ППА, ф. 2, оп. 6, д. 229, л. 44.

[44] СУ РСФСР, 1927, № 39, стр. 250.

[45] См.: Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета РКК и КД пятого созыва, стр. 58.

[46] СПА, ф. 4, оп. 5, д. 222, л. 86; ЧПА, ф. 170, оп. 1, д. 527, л. 27; ППА, ф. 2, оп. 4, д. 65, л. 208; д. 20, л 257; ф. 65, оп. 1, д. 314, л. 14; ГАПО, ф. 122, оп. 1, д. 1291, л. 8.

С улучшением работы президиумов, руководивших секциями, активизируется деятельность последних. Об этом свидетельствуют следующие данные[47]. В среднем на 1 сельсовет в 1927/28 г. приходилось 2 секции, а в 1928/29 г.— 2,5. При 2675 сельсоветах, согласно сводке за 1927/28 г., работало 6926 секций, в которые входило 48 630 человек, из них 12 464 были активистами. В 1928/29 г. на 2712 сельсоветов приходилось уже 7111 секций, число их членов увеличилось до 49 255, активистов стало 16 691.

Особое значение партия придавала высвобождению из-под кулацкого влияния и вовлечению в активную работу Советов и их секций середняка. Середняки к концу 1927 г. составляли 69,9% крестьянского населения Урала[48]. Кулаки вели усиленную борьбу за привлечение середняка на свою сторону. От того, с кем будет середняк — с кулачеством или на стороне Советской власти, зависел исход борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Поэтому партийные организации Урала прилагали большие усилия по укреплению бедняцко-середняцкого блока, по вовлечению «центральной фигуры земледелия» в активную общественную работу на селе. В отдельных сельсоветах в 1928—1929 гг. середняки составляли большинство активистов. К примеру, в Коркинском сельском Совете Туринского района Ирбитского округа середняки составляли 56% всего крестьянского актива. В сельском активе Шуруновского сельсовета того же района и округа — 56,8%[49]. В активе секций при сельсоветах Кунгурского округа было 263 батрака и бедняка и 224 середняка[50]. В целом по области в конце 1929 г. из 46 700 членов секций сельских Советов батраков и бедняков было 25 651, середняков — 21 049[51]. Секции явились своеобразной школой подготовки кадров для государственного управления.

На основе всего вышесказанного о деятельности коммунистов Урала по организационно-политическому укреплению сельских Советов в условиях подготовки массовой коллективизации и обострения классовой борьбы можно сделать следующие выводы:

1. Период 1928—1929 гг. в истории сельских Советов характеризуется как новый этап, связанный с поворотом их в сторону коренного изменения содержания, форм и методов работы в связи с провозглашенным XV съездом ВКП(б) курсом на коллективизацию сельского хозяйства.

2. Основой для поворота Советов к вопросам сельского хозяйства, колхозного строительства явилось дальнейшее укрепление их

---

[47] См.: Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД седьмого созыва VIII съезду Советов, стр. 186.

[48] См.: Н. В. Ефременков. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг.— В кн.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 1. Свердловск, 1966, стр. 79.

[49] СПА, ф. 8, оп. 1, д. 895, л. 10, 29.

[50] См.: Отчет Кунгурского окружного исполнительного комитета Советов РКК и КД о работе за 1926—1928 гг. Кунгур, 1928, стр. 8.

[51] См.: Советы — лицом к колхозам, стр. 41.

партийного руководства. Особое внимание обращалось на организацию систематической работы по улучшению социального состава сельсоветов, укреплению их коммунистами и руководящими кадрами.

3. Важное место во всей системе мер принадлежало широко развернутой работе по сплочению вокруг Советов крестьянских масс, по созданию многочисленного беспартийного актива, ставшего главным проводником идей партии в массы. Основными формами вовлечения крестьян в советскую работу явились группы бедноты и секции Советов.

Укрепление сельских Советов, повышение политической активности трудящегося крестьянства было одним из главнейших условий социалистического переустройства сельского хозяйства, преодоления ожесточенного сопротивления кулачества, сплочения миллионных масс деревенской бедноты и середнячества вокруг рабочего класса, вокруг Коммунистической партии.

В. М. КУЛИКОВ, Н. Ф. ПЛОТНИКОВ

БОРЬБА С ТРОЦКИЗМОМ НА УРАЛЕ ПОСЛЕ XV СЪЕЗДА ВКП(б) (1928—1930 гг.)

В последние годы историко-партийная литература обогатилась целым рядом статей, брошюр и монографий, посвященных борьбе В. И. Ленина и Коммунистической партии против одной из самых опасных разновидностей оппортунизма — троцкизма. Подавляющее большинство исследователей историю этой борьбы доводят до XV съезда ВКП(б), который завершил идейный и организационный разгром троцкистско-зиновьевского блока. Однако Троцкий и некоторые его сторонники не извлекли из этого никакого урока. Они продолжали оказывать ожесточенное сопротивление генеральной линии партии в последующие годы. В конце 20-х — начале 30-х годов троцкисты завершили свою эволюцию от антипартийной фракционной группировки к контрреволюционной организации.

Между тем этот период борьбы с троцкизмом недостаточно изучен и слабо освещен в литературе. Эта проблема рассматривается лишь в небольшом сообщении Л. С. Озерова[1]. В известной степени такое положение можно объяснить тем, что недостаточно еще накоплено материала по этому важному вопросу, который, несомненно, заслуживает более углубленного изучения.

Историки Урала тоже не рассматривают борьбу с троцкизмом после XV съезда ВКП(б)[2]. В данной статье предпринята попытка в какой-то мере восполнить этот пробел, показать борьбу партийных организаций Урала с троцкистами в 1928—1930 гг.

По своей сущности троцкизм является мелкобуржуазным политическим течением, идеологи которого отрицали возможность построения социализма в СССР «без государственной помощи западноевропейского пролетариата» и проводили линию на подрыв

---

[1] См. Л. С. Озеров. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3.

[2] См.: В. В. Фельдман. Дискуссия о профсоюзах в партийных организациях Урала.— В кн.: Из истории парторганизаций Урала. Свердловск, 1962; В. М. Куликов. Борьба парторганизаций Урала за единство партии в 1926—1927 гг.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960; Д. Д. Маковкин. За единство партийных рядов (1928—1930 гг.) — В кн.: За победу социализма и коммунизма в СССР. Челябинск, 1963; В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926—1932. М., 1971.

союза рабочего класса с крестьянством, на разрушение единства Коммунистической партии и создание антиленинской партии.

Как известно, XV съезд признал взгляды троцкистов несовместимыми с пребыванием в партии и исключил активных деятелей оппозиции из рядов ВКП(б) [3].

Коммунисты и трудящиеся Урала с одобрением встретили решения съезда. В резолюции общегородского собрания коммунистов Нижнего Тагила по докладу Н. М. Шверника говорилось: «Собрание особо приветствует и одобряет решение съезда об исключении из партии лидеров оппозиции... и считает, что эти решения приняты в соответствии с желанием абсолютного большинства членов партии и всего рабочего класса...» [4].

Для уральских фракционеров решение XV съезда «Об оппозиции» оказалось неожиданным и, как заявил один из троцкистов, ударило «как обухом по голове. Во всяком случае мы этого не ожидали» [5].

Партийные организации Урала, руководствуясь решениями XV съезда ВКП(б), очищали свои ряды от троцкистских элементов. УралоблКК в течение 1928—1929 гг. исключила из партии 181 оппозиционера. В дальнейшем, в результате большой разъяснительной и политико-воспитательной работы коммунистов, более двух третей исключенных из партии отошли от троцкизма, среди них 58 рабочих с производства [6].

После съезда троцкисты на Урале на короткий срок притихли, но, начиная с августа 1928 г., в Свердловском, Пермском, Челябинском, Тюменском, Сарапульском, Ишимском и других округах они заметно активизировались. Троцкисты принялись за восстановление связей, повели агитацию среди отсталых рабочих, вербовали бывших оппозиционеров в свой лагерь. Одним из методов их работы стало распространение антисоветских листовок. Так, в Сарапуле их подбрасывали и участникам демонстрации, и делегатам окружной партконференции. В Свердловске листовки разбрасывались на Верх-Исетском заводе и Монетном дворе. В Надеждинске было обнаружено более сотни листовок, отдельные рабочие получили их по почте.

Следуя директивам Троцкого, данным в статье «На новом этапе», местные троцкисты ратовали за свержение руководства ВКП(б), за создание своей партии, за необоснованное повышение заработной платы, агитировали против подписки на государственные займы, подстрекали рабочих к забастовкам, требовали свободы политической деятельности Троцкого.

В то время как в Москве троцкисты сделали вылазку на VIII съезде профсоюзов, на Урале Беляев использовал для клеветы на политику партии трибуну областной конференции союза метал-

---

[3] См.: КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 70—73.
[4] «Рабочий», 1928, 6 января.
[5] «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 10.
[6] См.: там же, стр. 10—11.

листов. Он извращал существо проводимой партией политики цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, демагогически заявлял, что решение Советского правительства о некотором повышении цен на хлеб якобы неизбежно поведет к перекачиванию государственных средств из промышленности в деревню, в кулацкие хозяйства, так как именно кулаки являются будто бы главными поставщиками хлеба [7]. Участники конференции лишили троцкиста Беляева делегатского мандата и не оставили камня на камне от его измышлений. В своих выступлениях они показали, во-первых, что основным поставщиком товарного хлеба является не кулак, а середняк и, следовательно, декрет Совнаркома направлен на упрочение союза рабочего класса с крестьянством. Во-вторых, в свое время в народном хозяйстве образовался, частично и по вине троцкистов, большой разрыв между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты — так называемые «ножницы». В связи с этим, начиная с 1923 г., партия твердо и последовательно проводила курс на постепенную ликвидацию «ножниц» путем снижения цен на промышленные изделия и некоторого повышения цен на продукты сельского хозяйства. Это благоприятно отразилось на развитии всей экономики страны, укрепило смычку промышленности с сельским хозяйством, союз рабочего класса и крестьянства. Во время хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. советскими организациями были завышены закупочные цены на технические культуры и мясо, а на зерновые занижены. Партия исправила эту ошибку, повысив цены на зерно. Все это делалось в интересах рабочих и крестьян, в интересах укрепления диктатуры пролетариата. Делегаты вскрыли подлинный смысл выступления Беляева. Он протаскивал старый, давно отвергнутый партией авантюристический лозунг осуществления индустриализации за счет ограбления крестьянства, который мог привести лишь к гибели диктатуры пролетариата [8].

В Перми троцкисты не только развернули агитацию, но и оформились организационно. Был создан комитет, выбран секретариат и контрольно-ревизионная комиссия, введена система уплаты членских взносов, приняты правила фракционной дисциплины, установлена связь с московским оппозиционным центром [9]. Подобная же деятельность развернулась в других городах Урала.

В Челябинске троцкистская группа при соблюдении строжайшей конспирации проводила индивидуальную обработку рабочих и служащих, за два года ей удалось обзавестись полутора десятками сочувствующих. Инструкции и антисоветскую литературу группа получила еще в ноябре 1927 г. от сына Троцкого, приезжавшего в Челябинск [10]. С «Центром» поддерживалась постоян-

---

[7] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 70, л. 134.
[8] Там же, л. 134—140.
[9] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 77, л. 189, 191.
[10] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 65, л. 226, 227.

ная связь через московских оппозиционеров. В мае 1929 г. группа была раскрыта, ее контрреволюционная деятельность пресечена.

В Уфалее остатки троцкистов открыто поддерживали своего главаря. Один из них на собрании ячейки заявил: «Я разделяю точку зрения Троцкого целиком и буду разъяснять ее каждому члену партии в индивидуальном порядке» [11]. В Тюмени в троцкистские «кружки» были вовлечены заведующий одним из отделов окрисполкома, директор завода и один пропагандист [12]. В Троицке подпольную организацию возглавил член бюро окружкома ВКП(б), председатель окрисполкома, долгое время скрывавший свое троцкистское нутро. За антисоветскую деятельность группа была арестована [13]. Подпольные группы оформились в Свердловске и других городах области.

Троцкисты, таким образом, пытались создать подпольную партию в стране. Поэтому ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б) указал, что не должно быть ни малейшего ослабления борьбы с троцкизмом [14].

Многолетняя борьба против ВКП(б) привела троцкистов в антисоветский лагерь. В 1928 г. они завершили свое превращение из антипартийной фракционной группы в подпольную антисоветскую организацию, которая прежде всего подвергла ожесточенным нападкам курс партии на развернутое наступление социализма по всему фронту. Особенно резкие выпады предпринимались в адрес Центрального Комитета, членов Политбюро и Советского правительства. Еще в январе 1928 г. Троцкий в статье «На новом этапе» советовал своим единомышленникам бить по руководству ВКП(б) и создавать свою партию [15].

В директивном письме от 21 октября 1928 г., посланном за границу и опубликованном не только в газете ренегата Маслова, но и в белогвардейской газете «Руль» и других, Троцкий выступил с клеветническими заявлениями о том, что существующий в СССР строй является «керенщиной наизнанку», призывал к организации антисоветских стачек, указывал на необходимость подготовки своих кадров для новой гражданской войны. Троцкисты не останавливались перед прямым натравливанием международной буржуазии на Советское государство [16].

Все более скатывались на антисоветский путь и их единомышленники на Урале. Подпольная группа в Челябинске стремилась в своей пропаганде дискредитировать партийных и советских работников, распространяла слух, что «скоро будет восстание против Советской власти, необходимо его поддержать», в партию

---

[11] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 1, л. 134; д. 77, л. 183.
[12] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 777, л. 191.
[13] СПА, ф. 4, оп. 6, д. 70, л. 29.
[14] См.: КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 137.
[15] См.: Л. С. Озеров. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг., стр. 48.
[16] Там же, стр. 54.

«нужно засылать своих ребят, они помогут нам провести политику Троцкого». Враги партии вынашивали планы создания запасов оружия и угрожали членам ОкрКК и другим руководящим работникам физической расправой [17].

В январе 1929 г. в Москве была арестована за антисоветскую деятельность нелегальная троцкистская организация. 24 января «Правда», а затем «Уральский рабочий» публикуют передовую статью «Докатились», в которой раскрывалась эволюция троцкизма после XV съезда ВКП(б) [18]. Статья обсуждалась на собраниях коммунистов и рабочих. Трудящиеся области и партийные организации Урала требовали пресечения деятельности троцкистов. «Мы настаиваем перед ЦК ВКП(б) и Правительством, — говорилось в резолюции совещания секретарей партячеек г. Кунгура, — принять суровые меры против контрреволюционеров-троцкистов. Долой изменников и предателей рабочего класса!» [19]. Рабочие и служащие Баранчинского завода «Вольта» заявили: «Пусть троцкисты знают, что они не найдут среди нас ни одного человека, который поверил бы их предательской политике» [20]. В резолюции собрания рабочих целлюлозного завода Тагильского округа указывалось, что «контрреволюционным троцкистам не должно быть места в Советском Союзе» [21].

Выполняя волю партии и народа, органы Советского государства выслали из Москвы и ряда крупных городов Троцкого и его сподручных. Партийные организации Урала расценили эти меры как совершенно необходимые в интересах партии и пролетарского государства.

Находясь в Алма-Ате, Троцкий не прекращал своей антисоветской деятельности. Он посылал письма подпольным группам, в том числе на Урал, и требовал более действенной борьбы с партийными и советскими руководителями. За контрреволюционные дела в феврале 1929 г. Троцкий был выслан за границу. Там он сразу включился в клеветническую кампанию против Страны Советов. От рассуждений о «необходимости восстановления пролетарской диктатуры» он перешел к открытым призывам насильственного свержения Советской власти.

Парторганизации Урала развернули на предприятиях и в учреждениях работу по разъяснению антисоветской сущности троцкизма. Большую роль в этом сыграло обращение И. Д. Кабакова ко всем окружкомам ВКП(б) «О вылазках троцкистов на Урале» [22] в начале 1929 г. Вопрос о контрреволюционной деятельности Троцкого обсуждался на пленумах и бюро окружкомов и

---

[17] ЧПА, ф. 75, оп. 1, д. 644, л. 32, 33; Отчет о работе Челябинской ОкрКК — РКИ (декабрь 1928г.— май 1930 г.). Челябинск, 1930, стр. 6—7.
[18] См.: «Правда», 1929, 24 января; «Уральский рабочий», 1929, 26 января.
[19] «Уральский рабочий», 1929, 16 февраля.
[20] СПА, ф. 9, оп. 1, д. 723, л. 149.
[21] «Уральский рабочий», 1929, 10 февраля.
[22] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 77, л. 188—195.

райкомов ВКП(б), на партактивах и собраниях ячеек. В принятых резолюциях коммунисты клеймили позором подрывную деятельность троцкистов.

В разоблачении сущности троцкизма немаловажное значение имела партийная печать. В журналах «Большевик», «Уральский коммунист», в газетах «Правда», «Уральский рабочий», «Крестьянская газета», «На смену», а также в окружной печати систематически освещался ход борьбы против остатков троцкизма в партийных организациях. Статьи «Докатились», «Мистер Троцкий на службе буржуазии, или первые шаги Троцкого за границей» и другие привлекали к себе внимание широких масс. Как правило, статьи обсуждались на собраниях рабочих коллективов. Бурно прошло, например, собрание на заводе «Металлист». Осуждая предательство Троцкого, рабочие призвали «пролетариат всего мира теснее сплотиться вокруг ленинского знамени Коминтерна» [23]. Как отмечал первый секретарь Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабаков, рабочие «сейчас смотрят на троцкистов как на контрреволюционное течение, явно враждебное Коммунистической партии» [24].

Последователи Троцкого на Урале вначале возмутились высылкой своего лидера. Один из них, Неймышев, заявил, что «рабочий класс России и Европы никогда не простит партии изгнания» их лидера из страны Советов. Рабочий класс будто бы потребует возвращения Троцкого в Россию [25].

Статьи Е. Ярославского о выступлениях Троцкого в буржуазной печати вызвали недоверие у троцкистов. «Это выдумка и попытка скомпрометировать Троцкого», — утверждали многие из них [26]. Они подавали в ЦК, ЦКК, Уралобком и ОблКК ВКП(б) коллективные и индивидуальные заявления с требованием прекратить «травлю Троцкого».

Однако письмо К. Радека своим уральским единомышленникам, подтверждавшее правильность сообщений о действиях Троцкого и оправдывавшее предпринятые им политические шаги, вызвало замешательство среди троцкистов. Начался развал с трудом сколоченных подпольных групп. В день сообщения в «Уральском рабочем» о выступлениях Троцкого в заграничной печати из троцкистских организаций вышло 24 человека [27]. В дальнейшем этот процесс продолжался.

Вчерашние троцкисты на открытых собраниях проклинали своего «учителя». Они чувствовали, что каждый день пребывания в подпольной организации уменьшает их шансы на возвращение в партию и объективно приближает к лагерю контрреволюции. Первыми покидали троцкистское подполье втянутые в него немногочисленные пролетарские элементы. Среди них партийные коми-

---

[23] «Уральский рабочий», 1929, 16 марта.
[24] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3874, л. 72.
[25] См.: «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 12.
[26] Там же.
[27] См. «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 12.

теты, члены окружных и областной Контрольных Комиссий провели большую разъяснительную и воспитательную работу. Оппозиционеры из рабочих, побывав в стане врагов ленинской партии и поняв, что обмануты, выходили из троцкистских групп. Так, рабочий из Нижнего Тагила Жезлов говорил на партсобрании: «Я только теперь убедился, в каком болоте находился. В нем только авантюристы, противники ленинизма. Там учат не укреплять, а разлагать диктатуру пролетариата»[28]. Из подпольных групп вышли почти все вовлеченные в них рабочие. С троцкизмом порывал каждый, кто не потерял окончательно своего классового самосознания.

Некоторые прежние руководители троцкистского областного центра осудили свои антипартийные действия в прошлом и даже выступили против правоуклонистов. Так, Кузовников, бывший ответственный секретарь Уральской оппозиционной организации, требовал «в целях сохранения единства рядов партии... поставить вопрос о выводе Бухарина из Политбюро и об исключении его из партии, как и Троцкого»[29]. «В 1926 и 1928 гг. я состоял в троцкистской группе, — писал Е. Соловьев. — В настоящий момент я убедился, что эта группа ведет, вопреки заветам великого вождя Ленина, к созданию второй партии. Действия мои и этой группы выходили из рамок Устава партии и невольно нарушали и нарушают законы советского строя и направлены на пользу контрреволюции. Я признаю свою ошибку и порываю всякую связь с троцкистской оппозицией. Я искренне желаю вернуться в свою семью — единую ленинскую партию»[30].

Парторганизации к заявлениям об отходе от троцкизма отнеслись крайне осторожно, тщательно проверяя в отдельности каждого бывшего оппозиционера. Более 50 троцкистам было категорически отказано в обратном приеме в партию. К 1930 г. оставалась небольшая группа «лидеров» — выходцев из служащих и прочих. Они встали на путь открытой борьбы с партией и превратились в политических врагов рабочего класса. Е. Ярославский справедливо заметил, что «большинство тех, кто остался с троцкистами теперь, — это уже не заблудившиеся, сбившиеся с пути люди, это откровенные политические враги»[31]. Среди них не было никакого единства. Одни из тактических соображений ругали Троцкого за переход в лагерь буржуазии и правой социал-демократии, но считали его «учение» правильным. Другие даже заявляли, что у них с ЦК и политикой партии нет будто бы особых расхождений.

«Твердокаменные» троцкисты слепо продолжали идти за своим лидером. Известный на Урале троцкист Курбатов в конце 1929 г. неоднократно выступал с нападками на руководство областного

---

[28] Там же, стр. 11.
[29] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 60, л. 16, 17.
[30] «Уральский рабочий», 1929, 16 февраля.
[31] «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 9.

комитета партии, клеветал на работу ОблКК[32]. Он и подобные ему отщепенцы стремились доказать, что в партии рабочих меньшинство, что партия перестала выражать интересы рабочего класса, превратилась в мелкобуржуазную организацию чиновников и бюрократов. В действительности же к началу 1928 г. удельный вес рабочих в составе обкомов и губкомов партии достигал 57%, окружкомов — 62% и райкомов — 74%[33]. Рабочее ядро Уральской парторганизации в 1929 г. составляло 57%, а рабочие с производства — 42%[34]. В ряде выступлений в Челябинске, Перми, Свердловске троцкисты клеветнически заявляли, что «завоевания Октября уже погублены, Советской власти не существует, так как руководство в государстве находится в руках мелкой и средней буржуазии». Но и у этой лжи были короткие ноги. Трудящиеся хорошо знали, что руководят Советами — органами диктатуры пролетариата — их представители. После выборов 1928/29 г. рабочее ядро депутатов городских Советов Уралобласти достигло 55,5%, а поселковых — 67%; удельный вес рабочих, батраков и бедняков в сельских Советах составил 48,2%, а их союзников — середняков — 43,2%[35].

Опираясь на эти факты, коммунисты разоблачали антисоветские вымыслы троцкистов. Решительную отповедь дали участники кустового партийного собрания в Кыштыме бывшему руководителю оппозиционной группы, разглагольствовавшему в своем выступлении о том, что надо «вновь завоевывать Советскую власть», так как существующая «переродилась», и для этого возвратить из-за границы Троцкого. Собрание расценило эту вылазку как контрреволюционную и приняло решение исключить его из членов ВКП(б)[36]. Клевету троцкистов помогали разоблачать и бывшие в оппозиции и порвавшие с ней рабочие. Так, рабочий Челябинского железнодорожного узла Иванчиков, вышедший из подпольной группы, на собрании ячейки заявил, что «разговоры о термидорианском перерождении партии и Советской власти... троцкисты ведут для того, чтобы прикрыть свое контрреволюционное лицо»[37].

Троцкисты, продолжая контрреволюционную деятельность, использовали трудности роста СССР, выискивали всякого рода недостатки и промахи в работе отдельных организаций. Играя на отсталых настроениях части рабочих, они всячески стремились дискредитировать массовое социалистическое соревнование, выступали против ударных бригад, против единоначалия, против лозунга «Пятилетку — в четыре года». Этот лозунг, расценивав-

---

[32] См.: X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Свердловск — М., 1931, стр. 180.

[33] См.: К XV съезду ВКП(б). М., 1927, стр. XXI.

[34] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 77, л. 192.

[35] ГАСО, ф. 329, оп. 1, д. 145, л. 392; ф. 88, оп. 2, д. 87, л. 12; Отчет о деятельности Уралоблисполкома СРКК и КД VI созыва. Свердловск, 1928, стр. 16.

[36] СПА, ф. 4, оп. 8, д. 169, л. 78.

[37] «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 11.

шийся троцкистами как «авантюризм партии», по их мнению, неизбежно должен был вызвать экономический кризис в стране[38]. Насколько несостоятельными оказались эти пророчества, свидетельствует тот факт, что подведомственная ВСНХ промышленность Урала дала за 1928/29 г. — первый год пятилетки — 22,5% прироста продукции вместо 20,9%, намеченных контрольными цифрами[39]. Важнейшую роль в этом сыграло зародившееся на Урале и в других промышленных центрах страны и принявшее в 1929—1930 гг. массовый характер ударничество и социалистическое соревнование рабочих за досрочное выполнение первого пятилетнего плана. Если в октябре 1929 г. в соревновании участвовало 35 тыс. рабочих Урала, то весной 1930 г.— уже 160 тыс.[40] Разливавшееся могучим потоком это движение воочию доказывало, какими жалкими выглядели попытки троцкистов привлечь рабочих под свои контрреволюционные знамена.

Однако они с упорством обреченных продолжали оказывать ожесточенное сопротивление политике партии. Не было, пожалуй, ни одного крупного политического и хозяйственного мероприятия партии и Советского правительства, которое троцкисты не пытались бы сорвать. Они выступали против повышения производительности труда и пересмотра норм выработки на рабочих собраниях при перезаключении коллективных договоров на 1929 г., провозглашали анархо-синдикалистские лозунги «рабочей демократии», «действительного рабочего руководства», осужденные в свое время партией и рассчитанные на несознательную часть рабочих из мелкобуржуазной среды. Троцкисты в демагогических целях требовали повышения зарплаты без учета уровня производительности труда. Контрреволюционные выступления троцкистов наблюдались в период хлебозаготовительных трудностей 1928—1929 гг. и кампании по перевыборам Советов в 1929 г. Они, по существу, действовали единым фронтом с классовыми врагами, подбивали рабочих на забастовки, на бойкот выборов Советов. В ленинские дни в 1929 г. в Калате троцкисты агитировали против вступления рабочих в партию, в Уфалее провоцировали массовый выход рабочих из партии. В Челябинске они подстрекали рабочих к коллективному уходу с производства[41].

Но все попытки троцкистов путем демагогических лозунгов и посулов втереться в доверие рабочих Урала оказались тщетными. Коммунисты и беспартийные активисты разъясняли трудящимся враждебную социализму сущность троцкистских призывов. «Контр-

---

[38] См.: Л. С. Озеров. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг., стр. 50, 51.

[39] См.: Материалы к отчету Уральского областного комитета X областной партийной конференции. Свердловск, 1930, стр. 4.

[40] См.: Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.). Сб. документов и материалов. М., 1956, стр. 303; Социалистическое соревнование на Урале. Свердловск, 1930, стр. 22.

[41] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 65, л. 17; д. 77, л. 189, 192; «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 14.

революционным выступлениям троцкистов, — говорилось в «Материалах к отчету Уралобкома ВКП(б) IX областной партконференции», — всюду дан решительный отпор как партийной, так и беспартийной массой, которая по-прежнему сплочена вокруг ленинской партии и единодушно стоит за ее генеральную линию...»[42].

В идейной борьбе с контрреволюционной пропагандой и тактикой троцкизма большую роль сыграла областная партийная печать — газета «Уральский рабочий», журнал «Уральский коммунист» и другие. Так, в № 10 «Уральского коммуниста» за 1930 г. была опубликована статья «Уральские троцкисты в период между XV и XVI съездами партии», а в следующем номере журнала выступил заведующий агитационно-пропагандистским отделом Уралобкома ВКП(б) Я. Шипов со статьей «Борьба на два фронта». Авторы раскрывали процесс перерастания троцкизма из оппозиционного течения внутри партии в антисоветскую подпольную организацию, выступающую единым фронтом с международной буржуазией и классовыми врагами внутри страны. В статьях разоблачались лозунги троцкистов и характеризовались методы их борьбы против партии и Советской власти[43].

Одним из важнейших средств идейного вооружения коммунистов и беспартийных активистов в борьбе с троцкизмом являлось партийно-политическое просвещение. Вопросы истории борьбы партии с троцкизмом, как в прошлом, так и в настоящем, включались в программы занятий всех звеньев сети партпросвещения. Уралобком и окружкомы ВКП(б) вскрывали недостатки в организации партийной учебы. Так, при проверке Уфалейской организации в 1929 г. было отмечено, что райком партии не развернул воспитательной работы в массах, не вел действенной борьбы с остатками троцкистских групп. Партучеба проходила неудовлетворительно. Сетью политпросвещения было охвачено лишь 9% членов ВКП(б), 16% кандидатов и 5% членов ВЛКСМ. Ослабление партийно-воспитательной работы со стороны райкома партии явилось почвой для некоторого оживления осколков подпольных групп, давало последним возможность использовать отсталые настроения части рабочих. Уралобком ВКП(б) указал, что «нельзя вести борьбу против уклонов, не развивая массовой работы, не воспитывая рабочих на конкретных примерах борьбы партии с троцкизмом»[44].

В 1930 г. только начальными формами учебы было охвачено (по данным 118 районов из 200) свыше 125 тыс. человек вместо 49 тыс. в 1929 г., в том числе 28 974 члена партии, 31 052 кандидата и 65 438 беспартийных активистов.

---

[42] Год социалистического строительства на Урале. Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) IX областной партконференции. Свердловск, 1929, стр. 114.

[43] См.: «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 10—16; № 11—12, стр. 17—22.

[44] «Уральский рабочий», 1929, 16 февраля.

Повышение марксистско-ленинского образования коммунистов, идейное разоблачение контрреволюционной сущности лозунгов троцкистов сыграло первостепенную роль в окончательном падении их влияния. «Именно на основе теории В. И. Ленина мы объединили членов партии и рабочий класс, — говорил И. Д. Кабаков. — Мы убили троцкизм идеологическим ростом всей партии, полным усвоением ею истинно ленинских позиций» [45–46].

Одним из новых и опасных методов борьбы троцкизма стало двурушничество: «Двурушническая линия являлась тогда господствующей тактикой оппортунистов...» [47]. Воспользовавшись тем, что партия после XV съезда ВКП(б) помогала коммунистам, сбившимся с правильного пути, исправить ошибки, троцкисты по директивам из своего центра стали формально отказываться от своих убеждений, заверяли партию в стремлении неуклонно и твердо проводить ее генеральную линию. Но, оставаясь в рядах партии, они продолжали подпольную работу. Один из видных троцкистов Л. Сосновский давал директивы своим сторонникам проникать во все организации вплоть до МОПРа. Он писал: «Вам нужно подавать заявления о вступлении в ряды партии» [48]. Троцкисты между собой не скрывали подлинных намерений: пробираться на ответственные посты в партийном, государственном и профсоюзном аппарате и выжидать момент, когда «назреет кризис». Многие считали, что такой кризис наступил. «Именно теперь, в связи с событиями в стране и борьбой с правыми, оппозиция должна оказаться у руководства», — говорил один из уральских лидеров троцкистов в 1929 г. [49]

Двурушническую политику вели и колеблющиеся элементы. Они, состоя в партии, не были уверены в правильности ее политики. «У нас в организации есть члены партии из бывших троцкистов, — говорил И. Д. Кабаков. — Некоторые из них сумели исправить свои ошибки, но некоторые за линию партии голосуют, а на своем участке работу ведут так, что не поймешь — за партийную линию или против» [50]. Колеблющиеся оказывали помощь подпольным группам, содействовали их членам в устройстве на работу, хранили антисоветскую литературу.

Партийные организации Урала получили своевременное предупреждение ЦК ВКП(б) об этой подлой тактике и повели беспощадную борьбу с двурушничеством. IX областная конференция призвала коммунистов повысить бдительность, разоблачать двурушников, изгонять их из рядов партии. Она подчеркнула в своем

[45–46] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3874, л. 72.

[47] «Партийное строительство», 1930, № 21, стр. 6.

[48] X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б), стр. 180; Я. Шипов. Борьба на два фронта.— «Уральский коммунист», 1930, № 11—12, стр. 17.

[49] СПА, ф. 4, оп. 8, д. 112, л. 84.

[50] XI Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск — М., 1932, стр. 47.

решении, что в период острой классовой и идеологической борьбы никакие колебания недопустимы [51].

Областная и окружные Контрольные Комиссии привлекали двурушников к строгой ответственности вплоть до исключения из партии. Об этом сообщил в докладе на IX Уральской партийной конференции председатель ОблКК Ларичев [52]. В частности, Свердловская ОкрКК исключила из членов ВКП(б) сотрудника Уралпрофсовета и работника «Уралмета», которые на собраниях голосовали за линию ЦК, но в то же время хранили у себя антисоветские материалы троцкистов и поддерживали с ними постоянную связь [53]. Многих замаскировавшихся троцкистов с партийными билетами и их пособников коммунисты разоблачили во время чистки партии в 1929—1930 гг. Среди них были член ревизионной комиссии Свердловского окружкома ВКП(б) и два работника Коммунистического университета [54].

Левоавантюристическая фраза и правое капитулянтство пронизывает всю идеологию троцкизма. Это нашло выражение в практических шагах к объединению с правыми оппортунистами. В связи с активизацией правого уклона в ВКП(б), Троцкий, Смилга и их единомышленники пытались установить контакт с его лидерами. На закулисных переговорах Каменева и Бухарина в 1928 г. фактически обсуждался вопрос о создании единого, так называемого правотроцкистского, блока против ленинской политики партии, об изменении состава Политбюро. Стремление обеих групп к объединению — еще одно свидетельство их общей мелкобуржуазной природы и беспринципности, ибо совсем недавно оба течения выступали друг против друга. Но в борьбе против Коммунистической партии и ее ЦК, как видно, все средства были хороши. Такая политика вела к саморазоблачению обеих группировок и резкому падению их влияния. В то же время ЦК и ЦКК ВКП(б) приняли решительные меры по пресечению попыток троцкистов и правых сколотить единый блок [55].

Троцкисты не только в организационном отношении стремились к объединению с правыми, но и в идейно-политическом плане в значительной степени претерпели трансформацию «слева» направо. Пытаясь опорочить генеральную линию партии на наращивание темпов индустриализации и развитие массового колхозного движения, Троцкий в своем антисоветском журнале «Бюллетень оппозиции», издаваемом в Париже с июля 1929 г., называл темпы

---

[51] См.: IX Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск, 1929, стр. 269, 270.

[52] См.: Там же, стр. 269, 270.

[53] Там же, стр. 286.

[54] См.: X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б), стр. 194; Я. Шипов. Борьба на два фронта, стр. 22; «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 15.

[55] Подробнее об этом см.: Л. С. Озеров. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг., стр. 50.

индустриализации авантюристическими и предлагал «в области промышленности приостановить призовую скачку индустрии...»[56]. В 1926—1927 гг. троцкисты, однако, придерживались противоположных взглядов, упрекая партию в том, что она будто бы недостаточно решительно проводит политику индустриализации страны и выдвигали авантюристический лозунг «сверхиндустриализации». Троцкий «не замечал» поворота миллионных крестьянских масс к социализму и предлагал «в области сельского хозяйства задержать дальнейшую коллективизацию... и приостановить раскулачивание»[57].

Троцкисты на Урале буквально по всем вопросам следовали «учению» своего лидера и в борьбе с генеральной линией партии по существу сомкнулись с правыми уклонистами. Так, 23 января 1929 г. на собрании партячейки Госбанка выступил троцкист и заявил, что «у нас с основной массой крестьянства, то есть с середняком, имеется разрыв, и в случае серьезной военной опасности крестьянство с нами не пойдет», поэтому «нужно больше средств бросить на развитие сельского хозяйства, промышленности, изготовляющей предметы широкого потребления, сократив капитальные затраты в строительстве крупной промышленности». Он призывал «уделить больше внимания индивидуальным крестьянским хозяйствам...»[58]. Когда началось массовое колхозное движение и партия возглавила его, троцкисты на Урале, как и их «духовный отец», открыто выступили против колхозного строительства, кричали, что новый курс партии — начало конца диктатуры пролетариата. По мнению троцкистов, «коллективизация, провозглашенная партией, диктуется не экономическими возможностями и целесообразностью, а чистой волей бюрократического руководства партии»[59].

Выступая на XVI съезде ВКП(б), С. Орджоникидзе говорил: «Помните, сколько он (Троцкий.— *В. К.* и *Ф. П.*) болтал о кулаке, сколько раз он упрекал нас за то, что мы, мол, не так деремся с кулаком? А теперь, когда большевистская партия, подготовившись заранее, как следует взяла этого кулака за глотку, он говорит: не трогай, приостанавливай раскулачивание. Вот это называется «левизна»!»[60]. Пути троцкистов в борьбе против Коммунистической партии скрещивались с политикой и практикой правых уклонистов.

Не только связи с правыми оппортунистами, но и контакты с откровенно контрреволюционными и антисоветскими группами и элементами — характерная черта в практике троцкистов 1928—1930 гг. Так, в Ишимском округе они знакомили со статьями Троц-

---

[56] XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.— Л., 1930, стр. 324; «Партийное строительство», 1930, № 21, стр. 7.

[57] XVI съезд ВКП(б), стр. 324.

[58] СПА, ф. 4, оп. 7, д. 64, л. 47, 48; Я. Шипов. Борьба на два фронта, стр. 22.

[59] «Уральский коммунист», 1930, № 10, стр. 16.

[60] XVI съезд ВКП(б), стр. 324.

кого и другими документами партии классово чуждые элементы и белогвардейцев, скрывавшихся на Урале. В этом округе троцкисты поручили бывшему белогвардейскому офицеру переправить через границу материалы о положении в Советском Союзе и письма с призывом к западной социал-демократии «спасти революцию в России» от «термидорианского руководства» Коммунистической партии. Среди троцкистов все более нарастали экстремистские тенденции, многие из них не скрывали, что готовы возглавить любое движение против Советской власти вплоть до вооруженного восстания [61]. Это говорило о том, как далеко они ушли в лагерь контрреволюции.

Все это заставило партийные и советские органы Уралобласти, помимо идейного разоблачения троцкизма, принять решительные меры против окончательно переродившихся и разложившихся элементов. Раскрытые подпольные троцкистские группы были ликвидированы, их члены, превратившиеся во врагов диктатуры пролетариата, строго наказаны [62].

Большое внимание разоблачению контрреволюционной сущности троцкизма уделили IX (апрель 1929 г.) и X (июнь 1930 г.) уральские областные конференции ВКП(б). В отчетном докладе Уралобкома, сделанном И. Д. Кабаковым, в докладе А. М. Ташкина «О работе ОблКК», в выступлениях М. А. Павловского, Ф. М. Маркуса, Л. И. Мирзояна, И. А. Нефедова, А. Д. Киселева и других делегатов X областной конференции была раскрыта история борьбы с троцкистами, отмечалось их единодушное объединение с правыми оппортунистами в попытках срыва социалистического строительства в стране. Конференция полностью одобрила мероприятия ЦК ВКП(б) по борьбе с троцкизмом и призвала коммунистов Уральской организации «с большевистской решительностью давать беспощадный отпор новым попыткам «левых» и правых оппортунистов дискредитировать линию партии и ее ленинского ЦК» [63].

Итоги борьбы с троцкизмом после XV съезда партии рассмотрел XVI съезд ВКП(б). Представители Уральской организации И. Д. Кабаков, А. М. Назаретян, Л. И. Мирзоян, В. Н. Андронников, А. И. Финковский, К. Г. Омельянюк в своих выступлениях раскрыли на примере Урала успехи социалистического строительства. Эти успехи, подчеркивали они, достигнуты в результате непримиримой последовательной борьбы за чистоту генеральной линии партии на два фронта: против оппортунистов, «левых» и правых, против примиренцев. XV съезд ВКП(б) исключил троцкистских лидеров из партии, скатившихся впоследствии в лагерь контрреволюции [64].

---

[61] См.: Я. Шипов. Борьба на два фронта, стр. 22.

[62] Там же, стр. 17; СПА, ф. 4, оп. 7, д. 70, л. 29.

[63] X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б), стр. 291.

[64] XVI съезд ВКП(б), стр. 118.

Анализ борьбы с троцкизмом был сделан в докладах И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе, в выступлениях П. П. Постышева, Я. Э. Рудзутака, С. М. Кирова, Р. И. Эйхе, Е. М. Ярославского и других делегатов съезда. В резолюции по отчету Центрального Комитета съезд одобрил мероприятия ЦК партии по борьбе с троцкизмом и правым уклоном, «обеспечившие действительное сохранение единства партии, проведение генеральной линии и сплочение партии на основе ленинизма» [65].

Решения XVI съезда и X областной конференции ВКП(б) обсуждались коммунистами Урала на партийных активах и собраниях ячеек, изучались в системе политпросвещения. Обсуждение и изучение этих материалов помогло партийным массам еще глубже уяснить, какую опасность для строительства социализма в СССР представляли «теория» и практика троцкизма. В 1932 г. XI областная конференция ВКП(б) указала, что Уральская организация в последние годы дала беспощадный отпор контрреволюционному троцкизму, последовательно вела борьбу со всякими уклонами от генеральной линии партии, «была и остается сплоченным отрядом большевистской партии, верным оплотом ленинского ЦК» [66].

Претворение в жизнь ленинского плана строительства социализма в СССР знаменовало собой полный крах всех пророчеств троцкистов. Вместе с тем опыт борьбы нашей партии с троцкизмом в 1928—1930 гг. говорит о том, что на определенном этапе борьбы за социализм выразители интересов мелкой буржуазии, прикрывающие свое капитулянтство левой ультрареволюционной фразой, могут переродиться в ярых контрреволюционеров, смыкающихся со всеми враждебными диктатуре пролетариата элементами внутри страны и с международной империалистической буржуазией.

В современных условиях троцкисты и другие левоэкстремистские элементы выступают единым фронтом с реакционными силами в борьбе против коммунистического, национально-освободительного и демократического движения. Наглядный пример такого единения с империалистическими силами в борьбе против стран социализма, особенно СССР, показывают маоисты, рекламирующие себя ультрареволюционерами.

Опыт борьбы нашей партии с контрреволюционным троцкизмом в 1928—1930 гг. имеет непреходящее значение.

---

[65] КПСС в резолюциях..., т. 4, стр. 417.
[66] XI Уральская областная конференция ВКП(б), стр. 430.

В. М. КУЛИКОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ КЛАССОВОЙ И ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИЗМА

Проблема классовой и внутрипартийной борьбы в СССР в период перехода от капитализма к социализму является одной из самых актуальных в советской исторической и историко-партийной науке. Это и понятно. Претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в нашей стране сопровождалось острейшей классовой и внутрипартийной борьбой. Созданию нового общества, в котором нет места угнетению одного класса другим, где ликвидирована эксплуатация человека человеком, ожесточенно сопротивлялись все реакционные силы старого общества: остатки свергнутых классов помещиков и буржуазии, нэпманы, кулаки, часть антисоветски настроенных специалистов, чиновников прежнего режима, духовенства. Эти трудности внутреннего порядка усугублялись тем, отмечается в Программе КПСС, «что СССР почти тридцать лет был единственным в мире социалистическим государством, подвергался ожесточенным атакам враждебного капиталистического окружения. В силу всего этого классовая борьба в переходный период от капитализма к социализму носила острый характер» [1].

Классовые враги нашли активную поддержку со стороны нестойких элементов, оппортунистов в рядах самой партии, которые пытались ревизовать ее генеральную линию, ленинский план построения социализма. «Партия, — говорится в Программе КПСС, — отстояла этот план в острой борьбе против маловеров и капитулянтов, против троцкистов, правых оппортунистов, национал-уклонистов и других враждебных групп» [2].

На протяжении всего переходного периода от капитализма к социализму Коммунистическая партия неустанно крепила единство своих рядов, повышала их качественный состав, вела непримиримую борьбу с оппортунизмом «слева» и справа, осуществляла умелое руководство борьбой рабочего класса и его союзников против буржуазии города и деревни на основе ленинского учения

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 327.
[2] Т а м ж е, стр. 328.

о классах и классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата и учета конкретной обстановки и соотношения сил на каждом этапе социалистического строительства. Только благодаря правильной, выдержанной, твердой и целеустремленной политике Коммунистической партии и беззаветной поддержке ее народом длительная и трудная борьба между социализмом и капитализмом внутри страны по принципу «кто — кого?» закончилась полной победой социализма. Была решена великая историческая задача — ликвидированы эксплуататорские классы, эксплуатация человека человеком, социальное неравенство и порождающие их причины.

В процессе решения этой задачи Коммунистическая партия приобрела громадный опыт борьбы за единство своих рядов против оппортунизма всех мастей, опыт руководства классовыми сражениями в эпоху диктатуры пролетариата, разрешения антагонистических классовых противоречий в переходный от капитализма к социализму период, разработки и практического осуществления политики ограничения, вытеснения, а затем и ликвидации капиталистических элементов, опыт стратегии и тактики классовой борьбы, определения и выбора ее форм и методов на различных этапах строительства социализма. Изучение и обобщение этого опыта имеет непреходящее значение.

Теоретическая и практически-политическая значимость названной проблемы возрастает в связи с тем, что в переживаемую нами эпоху все новые страны становятся на путь строительства социализма, который сопровождается острой классовой борьбой, борьбой против правого и «левого» оппортунизма, а также национализма. Хотя в каждой из этих стран дают себя знать исторические, национальные и другие особенности, все же определяющее значение имеют основные закономерности классовой и внутрипартийной борьбы в переходный период от капитализма к социализму. Поэтому овладение богатейшим опытом КПСС братскими партиями оказывает им неоценимую помощь в разрешении проблем классовых взаимоотношений и возникающих внутрипартийных противоречий на этапе строительства социализма.

Глубокое и всестороннее исследование проблемы необходимо также для борьбы с правым и «левым» ревизионизмом в мировом коммунистическом движении, современным троцкизмом из так называемого «IV Интернационала», с антикоммунизмом и антисоветизмом во всех его разновидностях, для разоблачения фальсификаторов истории КПСС и СССР.

* * *

К настоящему времени исследователями истории советского общества и КПСС проделана значительная работа по изучению опыта классовой и внутрипартийной борьбы в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Изучаются все этапы строи-

тельства социализма, но особый интерес у историков вызывают периоды наибольшего накала классовой и внутрипартийной борьбы, особенно острых столкновений с буржуазией города и деревни и с различными антипартийными группировками. Одним из таких этапов является период построения фундамента социализма, подготовки и проведения развернутого наступления социализма по всему фронту в 1926—1932 гг.

Исследование истории классовой и внутрипартийной борьбы в период построения фундамента социализма началось по горячим следам событий еще во второй половине 20-х и начале 30-х гг. Во второй период развития советской исторической науки, продолжавшийся до середины 50-х гг., в изучении данной проблемы был сделан шаг вперед от первоначальных наблюдений к более глубоким исследованиям.

Качественный сдвиг в изучении опыта Коммунистической партии по разгрому оппортунизма, по руководству классовой борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни, осуществлению политики вытеснения, а затем и ликвидации эксплуататорских классов в годы социалистической реконструкции народного хозяйства произошел в третий период развития советской исторической науки, начавшийся со второй половины 50-х гг. Этот поворот был, с одной стороны, подготовлен всем предшествующим развитием советской исторической науки, накоплением теоретического и фактического материала, активной работой исследователей в конце предшествующего периода по освоению историографического и источниковедческого наследия прошлых лет.

Большое влияние на повышение интенсивности и качества исследований оказали важные перемены, которые произошли в жизни партии и страны во второй половине 50-х гг. и в 60-е гг. Партия вскрыла и осудила чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности и укрепила ленинские принципы в партийной и общественной жизни. Благотворное влияние этих перемен сказалось и на развитии исторической науки, были созданы условия для подлинно творческой работы, для всестороннего изучения истории Коммунистической партии и советского общества, в том числе опыта классовой и внутрипартийной борьбы в реконструктивный период.

Резкое усиление внимания исследователей к этим проблемам было обусловлено также международной обстановкой в эти годы, обострением идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, активизацией идеологов антикоммунизма и антисоветизма, фальсификаторов истории КПСС и СССР, всячески извращавших классовую политику партии и подлинные процессы классовых взаимоотношений в нашей стране в период строительства социализма. В это же время в некоторых странах социализма обострилась классовая и внутрипартийная борьба (Венгрия, Польша, Чехословакия), активизировался правый и «левый» ревизионизм в мировом коммунистическом движении, особенно раскольниче-

ская деятельность маоистов. Перед советскими историками встали ответственные задачи: во-первых, дать научно аргументированный отпор клеветникам и фальсификаторам из лагеря идеологов империализма; во-вторых, помочь братским партиям овладеть богатейшим опытом КПСС по борьбе с эксплуататорскими классами и ревизионистами справа и «слева» в период строительства социализма.

Качественно новый подход к изучению проблем истории классовой и внутрипартийной борьбы характеризуется тем, что за последние полтора десятка лет резко расширились масштабы научных изысканий, богаче и разнообразней стала тематика исследований, которые ведутся не только в центре, но и на местах. Постоянно совершенствуется методика исследовательской работы, например, при изучении динамики социальной структуры советского общества в переходный период используются математические методы, повышается идейно-теоретический и методологический уровень научных публикаций. Этому способствовало более углубленное изучение ленинского теоретического наследия о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата, новых документов партии и правительства. Широкие возможности для этого представились в связи с завершением в 1965 г. издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, в котором сосредоточены как ранее опубликованные, так и новые произведения основателя Коммунистической партии и Советского государства о классах и классовой борьбе в переходный от капитализма к социализму период. Не случайно большинство работ, посвященных анализу идей и положений В. И. Ленина о взаимоотношениях классов в переходную эпоху, опубликовано в самое последнее время [3].

В течение третьего периода историография классовой и внутрипартийной борьбы в годы построения фундамента социализма обогатилась целым рядом крупных монографий, посвященных наиболее кардинальным проблемам этой обширной и многоплановой темы. Одновременно в журналах и других периодических изданиях было опубликовано большое количество статей. История классовой и внутрипартийной борьбы стала выдвигаться на передний план в советской историографии. К ней приковывалось все более пристальное внимание ученых, ширился фронт научных

---

[3] И. Я. Трифонов. В. И. Ленин о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму.— «Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Истории, языка и литературы», 1961, № 8, вып. 2; С. А. Федюкин. В. И. Ленин о привлечении старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью.— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1; Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин. В. И. Ленин о ликвидации эксплуататорских классов в СССР.— Там же, № 5; В. М. Селунская. В. И. Ленин о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму.— Там же, № 6; Она же. Разработка В. И. Лениным вопросов классовой структуры советского общества переходного периода.— «История СССР», 1970, № 2; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; А. И. Коссой. Разработка В. И. Лениным проблем госкапитализма в условиях социалистического строительства.— В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии, вып. 2. М., 1971.

изысканий, все более конкретной и вместе с тем комплексной становилась проблематика исследований.

В этих условиях возникала насущная необходимость подвести итоги пройденному пути, проанализировать и обобщить накопленный теоретический и фактический материал, дать объективную оценку достигнутого, выявить пробелы, нерешенные или спорные вопросы, наметить самые перспективные направления и наиболее актуальную проблематику дальнейших исследований. Решить эту задачу должны были первые историографические работы, появившиеся преимущественно во второй половине 60-х — начале 70-х гг. Историографическую целину по интересующей нас проблеме начали поднимать такие видные исследователи, как Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин, В. П. Данилов, И. Я. Трифонов, В. М. Селунская, А. М. Чинчиков, Л. М. Зак, В. С. Лельчук и другие [4].

За последние несколько лет историография классовой и внутрипартийной борьбы в период развернутого строительства социализма обогатилась целым рядом индивидуальных и коллективных монографий. Сделан значительный шаг вперед в изучении проблем идейного и организационного укрепления Коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма [5], разгрома «левого» и правого уклонов в рядах партии [6]. Вторая группа работ посвящена характеристике социально-экономических укладов, проблемам ликвидации капиталистических элементов в промышленности и классовой борьбы в городе, опыту КПСС по приобщению буржуазных специалистов и мелкой буржуазии города к строительству социализма [7]. В третьей группе работ рассматрива-

---

[4] Л. Ф. Морозов. Госкапитализм в освещении советских исследователей.— «Вопросы истории», 1962, № 10; В. И. Погудин. Проблемы ликвидации кулачества как класса в советской историографии.— «Вопросы истории», 1965, № 4; В. П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства.— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971; И. Я. Трифонов, В. А. Овсянкин. Проблемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии.— В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. 2. Л., 1967; В. М. Селунская. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии.— «История СССР», 1971, № 6; А. М. Чинчиков. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. М., 1971; Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971.

[5] См.: З. И. Ключева. Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. М., 1970; В. Беляков, Н. Золотарев. Партия укрепляет свои ряды. М., 1970; Ленинское учение о партии. М., 1969.

[6] Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969; В. М. Иванов, А. М. Шмелев. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970; Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1970.

[7] А. Я. Левин. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. (Государственный капитализм и частный капитализм). М., 1967; С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные социалисты. М., 1965; Он же. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972;

ются вопросы классовой борьбы в деревне и ликвидации кулачества как класса [8]. Проблемы классовой и внутрипартийной борьбы в исследуемый период освещаются также в работах по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (т. 4) и в «Истории СССР» (т. 8) [9].

Многие важные вопросы классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период были затронуты в ходе дискуссии о нэпе на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966—1968 гг. [10], на всесоюзной научной сессии, состоявшейся в 1971 г. и посвященной историческому значению новой экономической политики, а также в коллективной монографии, раскрывающей исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики [11].

В данной статье нет возможности подробно разбирать эту литературу. К тому же подавляющее большинство перечисленных работ уже получило оценку либо в вышеуказанных историографических исследованиях, либо в статьях и рецензиях [12].

Е. В. Юферева. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969; А. И. Бузлаева. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969; Э. Р. Лебакова. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М., 1970.

[8] Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М., 1968; Н. А. Ивницкий. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972.

[9] Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969; Ю. В. Воскресенский. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР. М., 1969; П. Б. Жибарев. Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М., 1969; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969; Советское крестьянство. М., 1970; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, 2. М., 1970, 1971; История СССР, т. 8. М., 1967.

[10] См.: «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10; 1968, № 12.

[11] Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии, вып. 1, 2. М., 1971; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972.

[12] И. П. Донков.— Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932). М., 1968.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1; Г. В. Шарапов.— «Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период». М., 1969.— Там же, № 11; К. В. Гусев, С. И. Семин.— «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление».— Там же, 1970, № 2; З. К. Звездин.— «Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление». М., 1969.— Там же, № 3; Н. С. Мутовкин, В. Г. Широков.— «Ленинское учение о партии». М., 1969.— Там же, № 7; Л. С. Озеров.— Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930). М., 1970.— Там же, № 5; В. Ф. Финогенов.— Ю. В. Воскресенский. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР. М., 1969.— Там же, № 8; В. М. Самофалов, Н. В. Сущенко.— З. И. Ключева. Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. М., 1970.— Там же, 1971, № 6; А. Г. Титов.— В. М. Иванов, А. Н. Шмелев. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970.— Там же, № 9; А. В. Качурина.— «Исторический опыт КПСС по осу-

Из краткого обзора литературы видно, что эта сложная и многогранная тема привлекает все большее внимание исследователей и интенсивно разрабатывается в последние годы, в ее изучении достигнуты несомненные успехи. Вместе с тем многие проблемы остаются спорными, нерешенными, требуют дальнейшего изучения. Помимо указанных в историографической литературе, следует назвать еще ряд важных вопросов, которые, по нашему мнению, нуждаются в освещении.

Прежде всего приходится констатировать тот факт, что до сих пор нет крупной монографической работы, посвященной теоретическому наследию В. И. Ленина о классовой борьбе в переходный период от капитализма к социализму, хотя необходимость в таком труде вполне назрела. Неоценимую помощь в подготовке такой работы оказало бы издание сборника произведений В. И. Ленина о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата. В этой связи заслуживает безусловного внимания такой вопрос, как дальнейшее развитие Коммунистической партией теории классовой борьбы на основе обобщения опыта классовых битв в период строительства социализма.

Недостаточно показана в историко-партийной литературе руководящая роль Коммунистической партии, ее ЦК и местных организаций в изучении процесса социально-экономического развития доколхозной деревни, дифференциации крестьянства, динамики его классовой структуры в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства. Непосредственно этой проблеме, но по восстановительному периоду на материалах Сибири посвящена единственная пока статья Л. Н. Могилы [13]. Между тем на рубеже восстановительного и реконструктивного периодов развернулась острая идейная борьба партии с троцкистами, «новой оппозицией» и их антипартийным блоком по вопросам дифференциации деревни. Именно под руководством партии, на основе ее принципиальных указаний, базировавшихся на теоретическом наследии В. И. Ленина, была выработана научная методология определения социально-классовых групп крестьянства, проводилось изучение социально-экономических отношений в деревне.

Все сказанное об изучении доколхозной деревни в полной мере относится и к кустарно-ремесленной промышленности. Обследования ее состояния в 1925—1929 и последующих годах, ее социальной структуры, роли и влияния частного капитала в кустарных промыслах проводились по прямым указаниям ЦК ВКП(б) и под руководством партийных организаций. Однако этот вопрос не нашел отражения в опубликованных в последнее время работах

ществлению новой экономической политики». М., 1972.— Там же, 1973, № 3; К итогам обсуждения проблем новой экономической политики.— Там же, 1968, № 12.

[13] Л. Н. Могила. Изучение социально-экономического развития деревни партийными организациями Сибири (1921—1925 гг.).— «Научн. тр. Новосибирск. пед. ин-та», 1970, вып. 46.

о вовлечении кустарей и ремесленников в социалистическое строительство путем кооперирования мелкой промышленности.

В большинстве исследований проблема классовой борьбы в реконструктивный период рассматривается преимущественно в аспекте ликвидации капиталистических элементов города и деревни. Так же строятся и историографические работы, в которых кратко показано, как изучаются другие направления и формы классовой борьбы в деревне.

Процесс ликвидации капиталистических элементов, видимо, потому привлекает в первую очередь внимание исследователей, что это — кардинальная проблема и конечная цель классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму. Однако настало время воссоздать в полном объеме картину борьбы классов в СССР во всем многообразии ее форм, всесторонне раскрыть исторический опыт КПСС по руководству борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни, многообразие методов и приемов тактики партии и классового врага в период подготовки и проведения развернутого наступления социализма.

Необходимо дальнейшее углубленное изучение на конкретно-историческом материале 1926—1932 гг. госкапитализма как особой формы классовой борьбы. Требуют обстоятельного освещения объективные возможности привлечения иностранного капитала в форме концессий в тот период как конкретной формы сосуществования и вместе с тем экономического соревнования с капитализмом в международном масштабе, использование Коммунистической партией и Советским государством процесса международного разделения труда, противоречий между различными группировками буржуазии в капиталистических странах, заинтересованность некоторых из них в экономических связях с нашим государством.

Есть настоятельная необходимость в более фундаментальном исследовании форм и методов классовой борьбы, особенностей партийной и профсоюзной работы, способов защиты интересов трудящихся на госкапиталистических предприятиях. Этой проблеме посвящена лишь небольшая статья З. А. Нургалина [14], что, конечно, явно недостаточно. Всестороннее выяснение этих вопросов на большом фактическом материале помогло бы окончательно определить социально-экономическую сущность госкапитализма.

Нуждаются в дальнейшем изучении классовая борьба на частнохозяйственных предприятиях, процесс вытеснения капиталистических элементов из торговли и промышленности, особенно из кустарно-ремесленной, которая стала последним прибежищем, последним рубежом обороны буржуазии. Если решающий удар кулачеству был нанесен в результате осуществления сплош-

---

[14] З. А. Нургалин. О классовой борьбе на государственно-капиталистических предприятиях в годы нэпа.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3.

ной коллективизации сельского хозяйства, то окончательное вытеснение нэпманов, выкорчевывание корней капитализма было связано и с производственным кооперированием крестьянства и с социалистическим преобразованием мелкой кустарно-ремесленной промышленности. Более основательное исследование данного вопроса имеет принципиальное значение для уточнения периодизации нэпа и решения спорной проблемы о его последней стадии.

Не проявляется должного интереса со стороны исследователей к деятельности Коммунистической партии и Советского государства по воспитанию новой социалистической дисциплины труда. Крупные работы по этой теме отсутствуют, в частности, нет специальных исследований о роли социалистического соревнования в формировании у трудящихся социалистической производственной дисциплины в годы построения фундамента социализма.

Что касается классовой борьбы в деревне в очерченный период, то и в ее изучении имеется еще немало белых пятен. Назовем лишь те из них, которые не отмечены в историографической литературе. В целом недостаточно освещена проблема ограничения кулачества до перехода к его ликвидации, но особенно — в 1926—1927 гг. Следует более обстоятельно показать тактику партии в избирательных кампаниях 1926—1932 гг. По нашему мнению, в литературе слишком однообразно изображаются методы, приемы и формы борьбы кулачества, которое, меняя тактику, приспосабливалось к обстановке, что особенно ярко проявилось в период обострения международного положения в 1927—1930 гг. и борьбы партии с правым уклоном. Одной из основных форм классовой борьбы в то время, как отмечалось в резолюции XIV съезда ВКП(б), являлась «борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства» [15]. Деятельность партии и государства по вовлечению середняков в социалистическое строительство в целом нашла освещение в многочисленных работах по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Однако конкретные меры партии и правительства, предпринимаемые в моменты колебаний среднего крестьянства по их преодолению, по изоляции кулачества, получившего временную поддержку части середняков, особенно зажиточных, также нуждаются в более обстоятельном анализе. Наконец, явно недостаточно освещена классовая борьба внутри колхозов в годы сплошной коллективизации не только непосредственно против чуждых элементов, пролезших в производственные кооперативы, но и против мелкобуржуазной дезорганизации, уравниловки, рвачества за воспитание у колхозников — вчерашних единоличников — принципов коллективизма, социалистического отношения к труду, к общественной собственности.

Более пристального внимания требует проблема идеологической борьбы в годы развернутого строительства социализма. Име-

---

[15] КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 248.

ется в виду не только идейный разгром оппортунизма в рядах партии, но и борьба с идейным влиянием нэпманской буржуазии, кулачества, с буржуазными и мелкобуржуазными концепциями и «теориями», в том числе в области планирования и организации хозяйства и т. п.

В освещении руководящей роли Коммунистической партии в классовой борьбе в указанный период также имеются существенные упущения. Насущная задача историков состоит, прежде всего, в том, чтобы всесторонне, на обширном документальном материале показать конкретные формы и методы партийного руководства массами в борьбе с буржуазией города и деревни. До сих пор нет монографических исследований о деятельности партии по улучшению качественного состава своих рядов, их социальному регулированию, о генеральной чистке партии 1929 г., повышении идейно-теоретического и политического уровня партийных кадров и всех коммунистов [16].

Что касается проблем борьбы с оппортунизмом, то необходимо проследить путь, который проделала троцкистская группировка после XV съезда ВКП(б) до своего логического конца, превратившись в антисоветскую организацию. Об этом написана пока единственная статья Л. С. Озерова [17]. Большего внимания заслуживает борьба с проявлениями правого уклона в практической деятельности партийных, советских и общественных организаций не только в 1928—1930, но и в 1931—1932 гг.

* * *

Изучение истории классовой и внутрипартийной борьбы ведется и на материалах Урала. Первые работы на эту тему появились во второй половине 20-х — начале 30-х годов. В то время шел процесс формирования источниковедческой базы, поэтому не все материалы, особенно архивные, могли быть использованы первыми исследователями. Но именно в те годы было опубликовано много документов партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных органов, статистические сведения, материалы социологических обследований, всесоюзной переписи населения 1926 г. Исключительную ценность представляют статистические справочники и сборники, подготовленные и изданные учениками В. С. Немчинова, который длительное время работал на Урале. Многочисленные факты из жизни партийных, советских и

---

[16] Регулированию социального состава партии за весь послеоктябрьский период посвящена упомянутая выше работа В. Белякова и Н. Золотарева «Партия укрепляет свои ряды». В ней в ряде разделов содержится материал о периоде 1926—1932 гг. Кратко эти вопросы освещаются в первой и второй книгах 4-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в монографии «Ленинское учение о партии» и некоторых других работах. Но это не решает полностью проблемы.

[17] Л. С. Озеров. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3.

общественных организаций, о классовой и внутрипартийной борьбе на Урале в исследуемый период были опубликованы в местной периодической печати. На основе использования этих материалов и непосредственных наблюдений и написаны первые статьи и брошюры. Подавляющее большинство авторов не являлись историками-профессионалами, они были по преимуществу практическими работниками — партийными, советскими, хозяйственными, кооперативными. Лишь часть работ принадлежала перу экономистов и статистиков. И все же ряд статей и брошюр представляет для нас несомненный историографический интерес.

Первые исследователи сумели охватить довольно широкий круг вопросов. Некоторые из них либо еще не изучаются, либо только начали разрабатываться в наши дни.

Особый интерес авторы проявили к изучению социально-экономических отношений в деревне, дифференциации крестьянства, его классовой структуры. Повышенное внимание к этой проблеме не было случайным. Коммунистическая партия в последние годы восстановительного периода и в начале реконструктивного проводила курс на оживление Советов, на дальнейшее укрепление союза с основной массой крестьянства — середняками — при опоре на бедноту. В этих целях по указанию ЦК ВКП(б) проводились всесторонние обследования жизни деревни, в том числе и уральской. Коммунистическая партия была заинтересована в выяснении подлинной обстановки в деревне, закономерных тенденций дифференциации крестьянства, точного соотношения классовых сил. Это составляло фундамент для выработки правильной, научной политики по отношению к крестьянству. Необходимость этого возрастала в связи с активизацией троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, национал-уклонистов, которые пытались ревизовать генеральную линию партии, в том числе ее политику в деревне, извращали сущность происходящей в условиях диктатуры пролетариата дифференциации крестьянства.

Руководствуясь ленинской методологией, партия отмечала, что в советских условиях дифференциация в деревне хотя и имеет место, но происходит не так, как при капитализме: середняцкие слои крестьянства не размываются, а наоборот, усиливаются за счет перехода в эту группу значительной части бедноты. Центральной фигурой земледелия становится, следовательно, середняк. Именно он дает основную часть как валовой, так и товарной продукции сельского хозяйства. Правда, в условиях преобладания в деревне мелкотоварного производства и наличия товарно-денежных отношений и рынка, известной свободы торговли имеет место также некоторый рост, с одной стороны, кулачества, а с другой — батрачества [18].

Троцкисты и зиновьевцы механически переносили закономерности развития крестьянского хозяйства при капитализме на

---

[18] См.: КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 248, 249, 370—371; т. 4, стр. 51, 55.

эпоху диктатуры пролетариата, плетясь в хвосте буржуазных идеологов. Они утверждали, что дифференциация в советских условиях ничем не отличается от расслоения крестьянства при капитализме, что растут крайние группы крестьянства, особенно капиталистическая верхушка, которая держит основную массу товарного хлеба. Такие рассуждения порождали преувеличение роли кулака и недооценку середняка. Правые оппортунисты, наоборот, преуменьшали кулацкую опасность, заявляли, что кулака в деревне по существу нет, что это — «жупел», призрак старого мира, вымирающие единицы, а не социальный слой. Отрицали наличие классовой дифференциации среди крестьянства и национал-уклонисты.

По этому кардинальному теоретическому и политическому вопросу в партии и на страницах печати развернулась острейшая дискуссия. Она велась и на Урале. В областных периодических и специальных изданиях появилось несколько статей о классовом расслоении деревни, написанных на материалах обследований и статистики. В некоторых из них (Н. Ишмаева и Д. Мерхалева) содержались серьезные методологические и политические ошибки [19]. Н. Ишмаев утверждал, что за пять лет новой экономической политики на Урале резко выросла бедняцкая часть крестьянства, сократилась прослойка середняков и «наиболее сильно растет сельская буржуазия» [20]. Правда, автор при этом оговаривался, что недостаточность и несовершенство статистических материалов и отсутствие разработанной методики социальных группировок крестьянства «не позволяют правильно и с известной полнотой охватить и понять современное классовое расслоение крестьянства» [21]. Позже Н. Ишмаев пытался пересмотреть свои положения, но сделать это в полной мере не смог [22].

Д. Н. Мерхалев повторил ошибки составителей хлебофуражного баланса ЦСУ на 1925/26 хозяйственный год, которые пытались доказать, что 33% валового сбора зерна и 61% товарного хлеба сосредоточены у 14% зажиточных и кулацких хозяйств [23]. Д. Мерхалев привел следующие данные: 7,87% многопосевных хозяйств Урала (свыше 8 *дес.*) дают 29,9% валового сбора зерна и 64,1% товарного хлеба, а 14,3% таких же хозяйств Зауралья — соответственно 40 и 62,6% [24].

---

[19] См.: Н. Ишмаев. О классовом расслоении уральской деревни.— «Хозяйство Урала», 1926, № 10—11; Д. Н. Мерхалев. Хлебофуражный баланс Уральской области на 1926/27 г.— В «Сборнике статей по статистике Урала». Свердловск, 1927.

[20] «Хозяйство Урала», 1926, № 10—11, стр. 81.

[21] Там же.

[22] См.: Н. Ишмаев. О классовом расслоении крестьянства на Урале.— «Уральский коммунист», 1927, № 28—29; 1928, № 1.

[23] См.: «Хозяйство Урала», 1926, № 19, стр. 1—16.

[24] См.: Сборник статей по статистике Урала, стр. 125, 127.

Выступил в печати по этим злободневным вопросам и ряд других уральских авторов [25]. Наибольший интерес представляют работы Ф. Казанского. В них автор подверг критике указанные выше ошибки, на основе правильной обработки богатого статистического материала показал процесс осереднячивания уральского крестьянства и его социально-классовую структуру в начале реконструктивного периода, доказал, что именно середняк производит основную массу валового и товарного хлеба. Его выводы о классовой структуре уральского крестьянства вошли в коллективную брошюру о состоянии сельского хозяйства и работы в деревне на Урале накануне сплошной коллективизации [26]. Следует заметить, однако, что в работах Ф. Казанского имеются и упущения. Автор не дал динамики изменения классовой структуры уральской деревни за ряд лет, преуменьшил процент кулачества в Предуралье (1,8%).

Статья М. Мудрика полезна тем, что в ней кратко освещается история выработки на Урале методики определения социальных групп крестьянства, в частности в ней анализируются итоги динамической гнездовой переписи 30 тыс. крестьянских хозяйств в 1926 г., в ходе которой были применены типологические группировки, разработанные известным статистиком А. И. Хрящевой и предложенные ЦСУ. С учетом опыта автор стремится показать несовершенство некоторых типологических признаков классовой группировки крестьянских хозяйств, разработанных А. И. Хрящевой [27].

К этой группе работ близко примыкают статьи об отношениях найма-отпуска рабочей силы в сельском хозяйстве Урала и положении батрачества, о социально-экономической структуре населения области как в городе, так и в деревне. Статьи написаны на основе анализа и обобщения данных переписи населения 1926 г., динамических переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств 1926 и 1927 гг., материалов специально проведенного учета и текущих данных Уралстатуправления [28].

---

[25] Ф. Казанский. У кого находятся хлебные излишки? — «Хозяйство Урала», 1926, № 19; Он же. Как распределяется урожай и товарная масса хлеба по группам деревни.— «Хозяйство Урала», 1929, № 6; Он же. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале.— «Уральский коммунист», 1927, № 26—27; Он же. Социально-классовая структура уральской деревни.— «Хозяйство Урала», 1929, № 1; А. Кустарный. О посевных группировках.— В «Сборнике статей по статистике Урала»; М. Мудрик. Из итогов динамической переписи 1926 года на Урале.— Там же.

[26] См.: Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929.

[27] См.: Сборник статей по статистике Урала, стр. 3—25.

[28] Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926; Ф. Казанский. Отношения найма в сельском хозяйстве Урала.— «Хозяйство Урала», 1927, № 7; Он же. Наемный труд в Уральской деревне. Свердловск, 1928; А. Кустарный. Распределение сельского населения Уральской области по главному занятию.— «Хозяйство Урала», 1928, № 3; Ф. Лебедев. Социально-экономическая структура населения Уралобласти.— «Хозяйство Урала», 1928, № 7; Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929.

В 1927—1928 гг. на Урале широко проводились обследования состояния частного капитала, особенно в торговле. На основе обобщения материалов этих проверок было опубликовано несколько статей[29], авторы которых характеризовали рост обществ взаимного кредита, их капиталов, балансов, учетно-ссудных операций, вкладов, привели данные о количестве частных торговых заведений, с подразделением по разрядам, их оборотах, накладных и торговых расходах, соотношении своих и заемных средств, прибылях и накоплениях, об удельном весе частной торговли в общем, оптовом и розничном обороте. Кратко были показаны также источники получения товаров частным капиталом, его тенденции к спекулятивной торговле, взвинчиванию цен, дезорганизующая роль в хлебозаготовках, меры экономического воздействия на частника. Однако обстоятельного анализа деятельности партийных, советских и торгово-кооперативных органов области по ограничению и вытеснению частного капитала из товарооборота и других отраслей хозяйства в этих работах нет. В дальнейшем, в связи с быстрым падением роли частного капитала во всех сферах экономики, интерес к этой теме вообще утрачивается, что затрудняет изучение данной проблемы в настоящее время.

Примерно такая же картина наблюдается в освещении состояния и развития кустарно-ремесленной промышленности, динамики ее социально-экономической структуры, становления и роста промысловой кооперации. Общеизвестно, насколько тесны были связи частного капитала с кустарно-ремесленной промышленностью и насколько упорной и длительной была борьба за вытеснение его из этой отрасли хозяйства. Тем большее значение приобретают первые исследования этой сложной проблемы. К сожалению, в брошюрах и статьях 1926—1929 гг. о кустарно-ремесленном производстве и промысловой кооперации на Урале[30] содержится мало материала по этому важному вопросу. Авторы названных работ больше пишут о процессе возрождения кустарных промыслов в крае после их упадка в военное время, об их территориальном и отраслевом размещении, о количестве заведений и числе занятых лиц, об объеме и ассортименте выпускаемой продукции, о спросе на нее и в самых общих чертах — о роли частных посредников, скупщиков, внедрении частного капитала. С точки зрения освеще-

[29] Н. Налетов. Частный банк на Урале.— «Хозяйство Урала», 1927, № 1; Г. Исупов. Частный капитал в торговле Урала.— «Хозяйство Урала», 1928, № 5—6; М. Мудрик. О частном капитале в торговле на Урале.— «Уральский коммунист», 1928, № 6; Н. Алексеев. Частная торговля.— «Хозяйство Урала», 1928, № 10.

[30] С. Сигов. Современное состояние кустарных промыслов в главнейших кустарных гнездах.— «Хозяйство Урала», 1926, № 8; С. Пережигин. Кустарно-ремесленная промышленность на Урале в 1926/27 году.— «Хозяйство Урала», 1927, № 10—11; Он же. Социально-экономический характер мелкой промышленности Урала.— «Хозяйство Урала», 1929, № 4—5; Развитие и перспективы мелкой и кустарной уральской промышленности. Свердловск, 1927; И. Зимин. Кустарно-промысловая кооперация Урала.— «Хозяйство Урала», 1928; № 8—9; Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927—1928 гг. Свердловск, 1929.

ния этого вопроса наибольший интерес представляет статья С. Пережигина «Социально-экономический характер мелкой промышленности Урала», в которой сделана попытка описать уклады данной сферы хозяйства, в том числе и капиталистического, в начале реконструктивного периода. Ценный материал о развитии социалистического сектора в кустарно-ремесленном производстве содержится в брошюре «Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927—1928 год», изданной в 1929 г. и ставшей последней подобного рода публикацией в исследуемый период.

Нашли отражение в литературе тех лет и вопросы классовой борьбы в уральской деревне. Практические работники обобщали опыт проведения классовой политики партии и Советского государства в налогообложении[31], кредитовании крестьянских хозяйств[32], освещали деятельность коммунистов и советских работников по сплочению и организации бедноты и батрачества для защиты их интересов в борьбе против кулачества и проведения социалистических преобразований в деревне[33]. Ряд статей и брошюр был посвящен борьбе на хлебозаготовительном фронте в 1928—1929 гг., разгрому кулацкой хлебной «стачки»[34], укреплению органов диктатуры пролетариата в деревне и политической борьбе в период перевыборных кампаний Советов[35].

---

[31] См.: Н. Ишмаев. Сельскохозяйственный налог и интересы классовых групп крестьянства.— «Хозяйство Урала», 1927, № 2—3; Ф. Казанский. Доходность крестьянского хозяйства на Урале по социальным типам.— Там же, № 10—11; А. Румянцев. Сельхозналог по Уралу в 1928—1929 году.— «Хозяйство Урала», 1928, № 11.

[32] См.: А. Парамонов. Кто получил сельскохозяйственный кредит на Урале? — «Хозяйство Урала», 1926, № 8; М. Советников. Первые шаги кредитования деревенской бедноты.— «Хозяйство Урала», 1927, № 7; А. Таняев. О социальном направлении сельскохозяйственного кредита в уральской деревне.— «Уральский коммунист», 1927, № 15; В. Парышев. Социальное направление сельхозкредита в уральской деревне.— «Хозяйство Урала», 1928, № 12.

[33] См.: Ф. Ютт. Некоторые итоги работы среди бедноты.— «Уральский коммунист», 1927, № 13—14; А. Зырянов. Год работы с беднотой.— «Уральский коммунист», 1928, № 15; Он же. Год работы среди батрачества.— Там же, № 11; Н. Мясников. О классовой борьбе и работе с беднотой.— Там же, № 15; С. Сергеев. Работа партии среди бедноты.— «Уральский коммунист», 1929, № 6; А. Киселев. Работа батрацко-бедняцких групп.— «Уральский коммунист», 1930, № 3—4; А. Я. Сирсон. Беднота, коллективизация и весенний сев (Уральская область). Свердловск — М., 1931.

[34] Заготовки и снабжение Уральской области в 1927/28 году. Свердловск, 1929; Итоги хлебозаготовок и перспективы на 1928/29 год. Свердловск, 1928; А. Киселев. Хлебозаготовки и классовая борьба в деревне.— «Уральский коммунист», 1929, № 8.

[35] В. Советников. К итогам перевыборной кампании Советов.— «Хозяйство Урала», 1926, № 12; Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925/26 г. (Основные итоги). Свердловск, 1926; Перевыборы Советов на Урале в 1926—1927 году. Свердловск, 1927; В. Попов. О перевыборах Советов на Урале.— «Хозяйство Урала», 1927, № 12; Он же. Советы лицом к колхозам.— «Уральский коммунист», 1930, № 3—4; А. Ослоновский, А. Орлов. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1927; Ф. Берзин. Советы на новом этапе.— «Известия Уралоблисполкома», 1930, № 28, 29.

Получила известное освещение и классовая борьба в деревне в связи с развернувшейся сплошной коллективизацией сельского хозяйства и ликвидацией кулачества как класса[36]. В брошюре секретаря Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабакова разъяснялась политика партии в колхозном строительстве и меры по ликвидации кулачества, приводились конкретные факты ожесточенного сопротивления капиталистических элементов строительству новой жизни, перед коммунистами области ставились конкретные задачи по организации дальнейшего социалистического наступления. В других работах рассматривались вопросы о социальном составе колхозов, проникновении в них кулаков и создании ими лжекооперативов, о развернувшейся в связи с этим классовой борьбе внутри колхозов, методах борьбы кулаков против производственных объединений крестьян, а также о проявлениях мелкобуржуазной психологии, анархичности, дезорганизации, о борьбе за воспитание социалистической дисциплины труда в колхозах, за очищение их от кулаков и подкулачников. В некоторых работах содержались ошибочные положения. В частности, А. Караваев утверждал, что в связи с политикой наступления на кулачество последнее проявляет большую инициативу в организации колхозов, чем середняки и бедняки, преувеличивал удельный вес кулаков в колхозах на основе частных данных[37].

Малочисленные в то время на Урале марксистски образованные кадры вели борьбу с проявлениями буржуазной, националистической идеологии, с концепциями и теориями, направленными против курса на индустриализацию страны, рационального размещения социалистического производства, сдвига промышленности на Восток, создания второй угольно-металлургической базы, против социалистического преобразования сельского хозяйства. Некоторые из статей на эту тему не утратили своего значения и в наши дни.

В 1926—1927 гг. группа буржуазных специалистов из комиссии по металлу при Госплане Украинской ССР, возглавляемая профессором Диманштейном, начала кампанию против индустриализации Урала и строительства Урало-Кузнецкого комбината. Диманштейн, один из активных деятелей разоблаченной впоследствии контрреволюционной организации «Промпартия», и его единомышленники выступили сначала с рядом статей в периодической печати, в которых сторонников УКК они называли «мифотворцами», а весь проект Урало-Кузнецкого комбината «абсолютно утопическим». Исхо-

---

[36] И. Д. Кабаков. Очередные задачи Уральской парторганизации. Свердловск — М., 1930; А. Караваев. Классовая борьба в условиях сплошной коллективизации.— «Уральский коммунист», 1929, № 15; Ликвидация кулачества как класса.— «Уральский коммунист», 1930, № 2; М. Зыков. Борьба за организацию социалистического труда в колхозах Урала.— «Уральский коммунист», 1931, № 5—6; А. Я. Сирсон. На борьбу с остатками вражеских классов. Свердловск, 1933.

[37] См.: «Уральский коммунист», 1929, № 15, стр. 20—29; № 17, стр. 22—26.

дя из капиталистической практики чрезмерного, гипертрофированного сосредоточения промышленности в отдельных экономических районах, из местнических, националистических интересов, преследуя цель срыва социалистической индустриализации, они объявили основой политики Украины требование сосредоточения всего капитального строительства на юге страны и «немедленного отказа» от Урало-Кузнецкого проекта, от строительства крупных металлургических, машиностроительных и других заводов на Урале[38].

Вслед за тем, в 1927 г., вышли «Труды комиссии по металлу при Госплане УССР» (всего 20 выпусков). Их теоретический фундамент составляли вышеохарактеризованные идеи и концепции. Основной вывод «исследования» гласил: «...Так называемый Урало-Кузнецкий проект представляется вычеркнутым из списка имеющих мало-мальски серьезное экономическое основание проектов»[39]. Новое капитальное строительство на Урале, намеченное Госпланом и ВСНХ СССР, объявлялось «вредным и недопустимым».

По существу, это была атака против генеральной линии партии, которая получила решительный отпор со стороны ЦК ВКП(б) и руководства партийных организаций Урала. С критикой взглядов группы Диманштейна выступили уральские экономисты К. Клименко, С. Сигов, Н. Березов и другие[40]. Правда, Н. Березов строил защиту идеи Урало-Кузбасса, опираясь не столько на марксистско-ленинскую экономическую науку, сколько на теорию размещения промышленности буржуазного немецкого ученого А. Вебера и «здравый смысл». Поэтому его критика Диманштейна неубедительна. Однако он высказал и правильные суждения. В качестве главного довода в пользу создания на Урале современной металлургической промышленности он выставлял то соображение, что невозможно разрешить проблему обеспечения потребностей Союза в металле усилиями только одного района, каковы бы ни были его производственные ресурсы. Так и Украина, занимающая окраинное положение, не может снабжать дешевым металлом отдаленные районы страны[41].

Иной методологический подход к критике «теории» буржуазно-националистической группы Диманштейна у С. Сигова и особенно К. Клименко. Последний аргументирует несостоятельность ее концепции с позиции генеральной линии партии, марксистско-ленинской экономической теории, рассматривает проблему создания

---

[38] См.: «Украинский экономист», 1926, № 143, 145, 147; «Хозяйство Украины», 1926, № 1.

[39] «Хозяйство Урала», 1927, № 4, стр. 38.

[40] См.: К. Клименко. К вопросу о будущем индустриальных районов Союза. Украина и Урал.— «Хозяйство Урала», 1927, № 6; С. Сигов. Проблема рабочей силы на Урале в освещении комиссии по металлу при Госплане Украины. (Вместо рецензии).— Там же, № 4; Н. Березов. Южане об Урале.— Там же, № 4; кроме того, в номерах 4 и 5 «Хозяйства Урала» за 1927 г. были помещены краткие критические рецензии на ряд выпусков сб. «Труды комиссии по металлу при Укргосплане».

[41] См.: «Хозяйство Урала», 1927, № 4, стр. 48, 49.

мощной индустрии на Урале, вопрос об УКК с точки зрения социалистических принципов размещения производства, перспектив индустриализации Востока страны и республик Средней Азии, выравнивания уровней экономического развития различных районов, создания материально-технической базы социализма, укрепления обороноспособности и экономической независимости страны. Он доказывает ошибочность экономических расчетов авторов «Трудов комиссии по металлу при Госплане УССР», игнорирования ими такого важнейшего фактора, как научно-технический прогресс. Эти и некоторые другие положения К. Клименко актуально звучат и в современных условиях.

Велась борьба с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией и в других областях, в частности против рецидивов «чаяновщины», «кондратьевщины», против проникновения буржуазных идей в область технической пропаганды [42].

Особого внимания заслуживают выступления, речи и статьи руководящих партийных работников, пропагандистов на Урале, посвященные борьбе за единство партии, против «новой оппозиции», троцкистско-зиновьевского блока, правого уклона, национал-уклонистов. В этом отношении принципиальное значение имеют речи, доклады и выступления в защиту и обоснование генеральной линии партии таких ее видных деятелей, членов ЦК ВКП(б) и руководителей Уральской областной организации, как Н. К. Антипов, Д. Е. Сулимов, Н. М. Шверник, И. Д. Кабаков [43]. Помимо теоретического, в их выступлениях содержался и фактический материал.

---

[42] См.: З. Красильщик. Кондратьевщина и правый оппортунизм.— «Уральский коммунист», 1930, № 19—20; Г. Филиппов. Чаяновщина под большевистским покрывалом.— «Уральский коммунист», 1931, № 1—2; Н. Деменев. Против политической бесхребетности в технической печати.— «Уральский коммунист», 1932, № 2; Н. Бубнов. Решительно бороться с буржуазными извращениями в технической пропаганде.— Там же.

[43] Н. К. Антипов. Речь на XIV съезде ВКП(б).— В кн.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.— Л., 1926, стр. 239—243; Он же. Итоги XIV съезда Всесоюзной Коммунистической партии (б). Свердловск, 1926; Д. Е. Сулимов. Речь на XV конференции ВКП(б).— В кн.: XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.— Л., 1927, стр. 177—181; Он же. Итоги работы XV Всесоюзной партконференции. Сокращенная стенограмма доклада на партийном собрании 3-го района г. Свердловска 9 ноября 1926 г.— «Уральский рабочий», 1926, 12 и 14 ноября; Н. М. Шверник. Отчет обкома ВКП(б). Доклад на VIII Уральской областной партийной конференции 23 ноября 1927 г.— В кн.: Стенографический отчет VIII областной партийной конференции. Свердловск, 1927, стр. 97—121; Он же. Итоги пятнадцатого съезда ВКП(б). Доклад на собрании коммунистов 3-го района г. Свердловска 2 января 1928 г.— «Уральский рабочий», 1928, 3 и 6 января; И. Д. Кабаков. Отчет о работе Уральского областного комитета ВКП(б). Доклад на IX областной партийной конференции 8 апреля 1929 г.— В кн.: IX Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск, 1929, стр. 104—138; Он же. Речь на X Уральской областной партийной конференции по отчетному докладу ЦК ВКП(б) 5 июня 1930 г.— В кн.: X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Свердловск — М., 1931, стр. 68—75; Он же. Отчет обкома партии. Доклад на X Уральской областной

С критикой идейно-политических платформ и раскольнических, фракционных действий «новой оппозиции», троцкистско-зиновьевского блока, правых оппортунистов и их единомышленников и последователей на Урале выступали в печати и другие партийные работники и пропагандисты[44]. Некоторые работы представляют несомненную историографическую ценность, поскольку в них предпринята попытка проследить этапы борьбы с антипартийными группами на местном материале[45]. Исключительно богата фактическим материалом коллективная работа, подготовленная агитационно-пропагандистским отделом Уралобкома ВКП(б) и вышедшая в свет к началу общепартийной дискуссии накануне XV съезда ВКП(б)[46]. В ряде статей и брошюр освещаются вопросы борьбы с национал-уклонизмом на Урале[47]. Отдельные авторы в ходе полемики с идейными противниками партии иногда сами допускали ошибки. Ряд неверных положений содержится, например, в работах С. Бессонова. Аргументированно и убедительно показывая несостоятельность лозунгов «новой оппозиции» о равенстве, участии рабочих в прибылях, о повышении заработной платы на 30%, раскрывая социалистический характер государственных предприятий и опровергая утверждения ревизионистов об их будто бы государственно-капиталистической природе, С. Бессонов в то же время защищает бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» и теорию врастания «кулацких кооперативных гнезд в социализм»[48].

Значительное количество статей и брошюр посвящено организационному укреплению партийных рядов, повышению их качест-

---

конференции ВКП(б) 6 июня 1930 г.— Там же, стр. 87—100, 103—109; Он же. Речь на XVI съезде ВКП(б).— В кн.: XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.— Л., 1930, стр. 160—162.

[44] С. Бессонов. Эксплуатируется ли уральский рабочий? Свердловск, 1926; Я. Шипов. «Новая оппозиция».— «Уральский коммунист», 1926, № 2; Он же. Борьба на два фронта.— «Уральский коммунист», 1930, № 11—12; А. Ангаров. Против ленинизма в 1917 г. и 1927 г. (О том, как Каменев и Зиновьев перешли на позиции троцкизма).— «Уральский коммунист», 1927, № 26—27; М. Миронов. Бухаринское понимание переходного периода.— «Уральский коммунист», 1929, № 22—23; Ф. Маркус. Правые оппортунисты, фракционность и большевистская дисциплина.— Там же; В. Бубекин. Борьба с правой опасностью в комсомоле.— «Уральский коммунист», 1929, № 4; И. Ворончихин. Как уральская печать борется с правой опасностью.— «Уральский коммунист», 1929, № 5; А. Голышев. За победу генеральной линии партии.— «Уральский коммунист», 1931, № 1—2.

[45] Н. Бобровников. Лицо уральской оппозиции.— «Уральский коммунист», 1927, № 28—29; Д. Соколов. Итоги предсъездовской партийной дискуссии на Урале.— Там же; Партиец. Уральские троцкисты в период между XV и XVI съездами партии.— «Уральский коммунист», 1930, № 10.

[46] За ленинскую партию против раскольников, вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Свердловск, 1927.

[47] См.: Овсянников. Болезненные явления в Коми-Пермяцкой организации.— «Уральский коммунист», 1929, № 2; И. Юрень. Национальный вопрос на Урале.— «Уральский коммунист», 1930, № 5—6; Он же. Национальный вопрос на Урале. Свердловск, 1930.

[48] С. Бессонов. Эксплуатируется ли уральский рабочий?, стр. 41, 42.

венного состава, особенно чистке партии, усилению в ней рабочего ядра [49].

Однако большинство работ того времени, как правило, не носили характера научных исследований. Отражая достигнутый к тому времени уровень исторической науки, они являлись лишь первоначальным обобщением фактического материала. Характерно, что во многих статьях руководящая роль партийных организаций в классовой борьбе или совсем не рассматривается, или о ней говорится в общих словах. Но, несмотря на это, они имеют определенный интерес для исследователей и в наше время, поскольку в них отражены или нашли частичное решение некоторые проблемы классовой и внутрипартийной борьбы, определен ряд важных направлений дальнейшего исследования темы.

С середины 30-х годов до второй половины 50-х гг. вопросы классовой и внутрипартийной борьбы на Урале не рассматривались. К этой теме обратились вновь после XX съезда КПСС, но более интенсивное ее изучение развернулось в 60-е гг. и в начале 70-х гг.

Следует, однако, отметить, что значительное время история классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма разрабатывалась не как самостоятельная тема, а в связи с исследованием других проблем: индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, укрепления союза рабочего класса с крестьянством и т. п. Поэтому изучение ее носило не фронтальный, а фрагментарный характер, причем больше внимания уделялось борьбе с антипартийными группировками и сельской буржуазией, меньше — с капиталистическими элементами города. Лишь в самые последние годы история классовой и внутрипартийной борьбы стала предметом непосредственного исследования, естественно, пока по отдельным направлениям.

Поворот историков Урала к активному изучению данной темы произошел не случайно. Он обусловлен, во-первых, общим развитием историографии Коммунистической партии и советского общества, выходом в свет ряда крупных работ, освещающих эту проблему на общесоюзном материале, а также появлением первых историографических работ, в которых подводились итоги и намечались задачи и направления дальнейших исследований. Во-вторых, эта задача все настойчивее выдвигалась на научных сессиях и конференциях историков Урала и в первых историографических работах об изучении социалистического строительства в крае [50].

---

[49] В. Полторацкий. Заметки о росте и регулировании социального состава парторганизации. (В связи с итогами партпереписи.— «Уральский коммунист», 1927, № 21—22; Д. Соколов. Итоги проверки и чистки Уральской парторганизации.— «Уральский коммунист», 1930, № 8—9, 10; Итоги чистки партии на Урале. Свердловск, 1930; С. Любарский. Итоги роста парторганизации Урала и очередные задачи.— «Уральский коммунист», 1932, № 1.

[50] См.: Н. В. Ефременков, В. Е. Муравьев, И. Е. Плотников, А. Ф. Фунтов. Некоторые итоги изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства на Урале.— В кн.: Вопросы советской историографии

За последние полтора десятка лет историки Урала сделали немало для решения этой задачи. По сравнению с 20—30-ми гг. в ряде областей происходит расширение проблематики исследований, более интенсивное освоение источниковедческого и историографического наследия тех лет, материалов архивов; несравненно возрос теоретический уровень публикаций, методологии и методики исследований.

Одним из важнейших направлений исследовательской работы в наше время является изучение социально-экономических отношений в уральской доколхозной деревне, дифференциации и классовой структуры крестьянства[51]. Большинство работ на эту тему, за исключением опубликованных в последнее время, уже получили анализ и оценку в статьях Н. В. Ефременкова, В. Е. Муравьева, И. Е. Плотникова и А. Ф. Фунтова[52]. Авторы историографических

Урала. Свердловск, 1967, стр. 218, 229, 231, 232, 240; А. В. Бакунин. Некоторые вопросы историографии индустриализации Урала в предвоенный период.— В кн.: Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968, стр. 100; Н. В. Ефременков. Некоторые итоги и задачи изучения деятельности партийных организаций Урала по социалистическому преобразованию сельского хозяйства.— Там же, стр. 320.

[51] Н. В. Ефременков. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации.— В сб.: Вопросы истории Урала, вып. 4. Свердловск, 1963; Он же. Социально-экономическая характеристика уральских колхозов накануне перехода к массовой коллективизации.— В сб.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Л. В. Власова, Н. В. Ефременков. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства.— В кн.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1971; В. Е. Муравьев. Земельные отношения в уральской деревне накануне коллективизации.— В сб.: Вопросы истории Урала. Пермь, 1966; Он же. Применение наемного труда в сельском хозяйстве Урала (1926—1927).— В кн.: Вопросы истории Урала. Сб. 7. Свердловск, 1967; Он же. Земельная аренда в уральской доколхозной деревне (1928—1929 гг.).— В кн.: Вопросы истории Урала. Сб. 8. Свердловск, 1969; Он же. Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов.— В кн.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3; Р. Н. Киреев. Некоторые вопросы социально-экономических отношений в зауральской деревне накануне перехода к коллективизации.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1970; Он же. Социально-экономическое развитие зауральской деревни накануне коллективизации.— В сб.: В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала, вып. 2. Свердловск, 1970; В. М. Куликов. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг.— В сб.: Вопросы истории Урала, вып. 39, ч. 2. Свердловск, 1961; В. П. Анистратенко, В. М. Куликов. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971; Л. П. Сашенкова. К вопросу о социально-экономических отношениях в уральской деревне в 1924—1925 гг.— «Тр. Челябинск. ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства», 1965, вып. 22.

[52] Н. В. Ефременков, В. Е. Муравьев, И. Е. Плотников, А. Ф. Фунтов. Некоторые итоги изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства на Урале, стр. 225—229; В. Е. Муравьев. Социально-экономические отношения в единоличном секторе доколхозной деревни в трудах уральских историков.— В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Свердловск, 1967; Н. В. Ефременков. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации, стр. 314—315.

обзоров подчеркивают, что исследование этой проблемы ведется сейчас на более высоком теоретическом и методологическом уровне, на более широкой источниковедческой базе, на основе изучения, сопоставления и анализа всего комплекса статистических данных и привлечения многочисленных архивных материалов. В работах о социально-экономическом развитии деревни накануне массовой коллективизации освещены такие вопросы, как характер производственных отношений в деревне к началу реконструктивного периода, неравномерность распределения орудий и средств производства среди различных социальных групп уральского крестьянства и как следствие — распространение отношений найма — сдачи скота, инвентаря, рабочей силы, аренды земли, степень их распространения и социальное содержание в различных группах крестьянства по зонам Урала, характер и особенности процесса дифференциации крестьянства, воздействие Советского государства на социальное развитие деревни посредством налоговой, кредитной, земельной политики, политики цен, контрактации, машиноснабжения и т. п. Наряду с капиталистической, охарактеризована социалистическая тенденция развития сельского хозяйства, рост простейших видов кооперации и различных форм колхозов. Проанализирована классовая структура уральского крестьянства по различным зонам области к XV съезду ВКП(б).

Л. П. Сашенкова, В. П. Анистратенко и В. М. Куликов освещают социально-экономические отношения в уральской деревне в период, который с этой точки зрения не рассматривался другими авторами, сосредоточившими свое внимание на процессах до сплошной коллективизации. В. Н. Киреев попытался рассмотреть отдельные вопросы социального развития деревни в период подготовки коллективизации на материалах Зауралья.

Особый интерес представляет работа Л. В. Власовой и Н. В. Ефременкова, в которой впервые охарактеризованы глубокие социально-экономические изменения в уральской деревне, происшедшие в результате коллективизации сельского хозяйства. Важнейшие из них состояли в том, что к концу первой пятилетки в колхозы вступило 700 тыс., или почти 70%, крестьянских хозяйств Урала, было ликвидировано как класс кулачество, стало исчезать социальное неравенство, сформировался качественно новый класс — колхозное крестьянство с характерными для него отличительными чертами и особенностями. В статье показаны коренные изменения соотношения социалистического и мелкотоварного укладов в сельскохозяйственном производстве, в посевных площадях, в поголовье рабочего и продуктивного скота. К сожалению, авторы не дали достаточной характеристики социального состава индивидуальных крестьянских хозяйств к началу второй пятилетки.

Многие стороны данной проблемы получили, следовательно, обстоятельное освещение. Однако руководство партийными организациями регулированием социальных процессов внутри крестьянства недостаточно освещено в литературе, не выяснена в полной

мере динамика классовой структуры уральской деревни на этапе подготовки и проведения сплошной коллективизации.

Продвинулись уральские историки в исследовании классовой борьбы в деревне в период подготовки и проведения развернутого наступления социализма. Эта проблема освещается у Е. А. Ивановой, Г. А. Лимонова, Р. Г. Бергауз, Н. В. Ефременкова, И. Е. Плотникова, Р. Н. Киреева [53]. Большинство работ уже охарактеризовано в упомянутых выше историографических статьях. Однако необходимо еще раз остановиться на некоторых работах о классовой борьбе в уральской деревне, поскольку в них освещается интересующая нас проблема.

В статьях Г. А. Лимонова и И. Е. Плотникова значительное внимание уделено разгрому кулацкой «хлебной стачки» в 1927/28 г. На большом документальном материале авторы показали политическую и организаторскую деятельность коммунистов и Советов Урала, направленную на преодоление хлебозаготовительных трудностей и саботажа кулачества. Раскрыта тактика классового врага, формы и методы работы партийного и советского актива, всех коммунистов по мобилизации советских и общественных организаций деревни, бедноты и середняцкого актива на отпор кулачеству. Содержательная статья Г. А. Лимонова не лишена ряда недостатков. Автор не прослеживает возникновения и распространения урало-сибирского метода хлебозаготовок (метод самообложения), совсем не рассматривает борьбу на хлебном фронте в 1928/29 г.,

---

[53] Е. А. Иванова. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ).— «Учен. зап. Могилевск. пед. ин-та», 1956, вып. 2; Г. А. Лимонов. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1927—1928 г.— «Тр. Уральск. политехническ. ин-та», 1957, вып. 86; Р. Г. Бергауз. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929—1931).— «Тр. Свердловск. сельхоз. ин-та», 1959, т. 5; Она же. Из истории борьбы Уральской партийной организации против капиталистических элементов в деревне (1929—1931).— «Тр. Свердловск. сельхоз. ин-та», 1960, т. 9; Н. В. Ефременков. Начало массового колхозного движения в уральской деревне.— «Исторические записки», т. 74. М., 1963; Он же. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 годах.— В кн.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 1. Свердловск, 1966; Он же. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг.— Там же. Сб. 2, 1968; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по ликвидации кулачества и трудовому перевоспитанию бывших кулаков.— В кн.: Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти; Он же. Ликвидация кулачества и первые шаги трудового перевоспитания бывших кулаков на Урале.— В кн.: Материалы межвузовской научной конференции по проблеме историко-социологического исследования села. Калинин, 1968; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по претворению в жизнь ленинского учения о социалистическом преобразовании сельского хозяйства.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971; Р. Н. Киреев. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса. (По материалам Южного Зауралья).— Там же: И. Е. Плотников. Роль Советов Урала в преодолении хлебозаготовительных трудностей в 1927—1929 гг.— В кн.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3.

хотя она носила не менее острый и упорный характер. Этот пробел в известной степени преодолен в статье И. Е. Плотникова, хотя и в его работе об истории возникновения и распространения урало-сибирского метода хлебозаготовок сказано в самых общих чертах.

Р. Г. Бергауз ставила своей задачей показать классовую борьбу в уральской деревне в период развернутого наступления социализма. Она привела ряд интересных фактов о политической борьбе во время выборов в сельские Советы в 1929 и 1930 гг., о попытках в отдельных районах применить на практике оппортунистическую «теорию отмирания Советов» в период сплошной коллективизации, о создании и деятельности групп бедноты и батрачества, о кулацком терроре, об использовании сельской буржуазией ошибок и перегибов в колхозном строительстве и т. п. Однако сообщаемые факты носят разрозненный характер, они приводятся без необходимой систематизации и обобщения. В статьях содержатся противоречивые и ошибочные утверждения. Автор считает, например, что ко времени созыва XVI съезда ВКП(б) «в промышленности была достигнута полная победа социалистического сектора»[54] (хотя в кустарно-ремесленном производстве в это время еще шла борьба с частником), что уже в 1930 г. «наша страна вступила в период социализма», но в то же время «завершение строительства социализма далеко еще не было закончено»[55].

Среди работ о классовой борьбе в уральской деревне в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса по богатству фактического материала, глубине содержания и теоретическому уровню выделяются исследования Н. В. Ефременкова. В них обстоятельно освещаются такие вопросы, как усиление сопротивления кулачества колхозному движению по мере развертывания массовой коллективизации, приемы и методы борьбы кулаков против социалистических преобразований, изменение тактики классового врага на различных этапах борьбы, переход к политике ликвидации кулачества как класса и ее практическое осуществление на Урале, деятельность партийных и советских организаций Урала по трудовому перевоспитанию бывших сельских эксплуататоров. Автор не обходит вниманием вопросы о времени практического перехода к осуществлению новой классовой политики в деревне, об участии колхозников, бедноты, батрачества и всего сельского актива в раскулачивании, его основных этапах, ошибках и искривлениях партийной линии. Хотя работы Н. В. Ефременкова посвящены истории советского общества, в них неплохо показана руководящая роль партийных органов, прежде всего Уралобкома ВКП(б), несколько слабее — низовых организаций, особенно сельских ячеек. В целом исследования Н. В. Ефременкова вносят весомый вклад в научную разработку этой актуальной проблемы, хотя

---

[54] Р. Г. Бергауз. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929—1931), стр. 20.

[55] Там же.

и не все аспекты ее рассматриваются с одинаковой полнотой и обстоятельностью. По существу не затрагивался вопрос о классовой борьбе вокруг колхозного движения до того, как оно приняло массовый характер, лишь в самых общих чертах обрисованы первые шаги по раскулачиванию в отдельных районах сплошной коллективизации после ноябрьского Пленума ЦК 1929 г., не до конца выяснен вопрос о периодизации процесса ликвидации кулачества как класса на Урале. Нельзя согласиться с автором в том, что «во второй половине 1931 г. и частично в 1932 г. процесс ликвидации кулачества был завершен»[56]. В ряде национальных и северных районов области он продолжался и в годы второй пятилетки. Недостаточное внимание уделено проблеме объективной закономерности ликвидации кулачества и исторически обусловленной формы ее проведения в СССР.

Последний вопрос на конкретно-историческом материале Южного Зауралья попытался решить Р. Н. Киреев. Однако автор не уяснил до конца существа проблемы. В самом начале статьи он в основном правильно формулирует исходные позиции, признает, что ликвидация кулачества — объективная закономерность строительства социализма, общества без эксплуататоров. Кулаки, говорит он, такие же «эксплуататоры, как капиталисты и помещики. Стране, вставшей на путь строительства социализма, с ними было совершенно не по пути. Кулачество нужно было экспроприировать, ликвидировать как класс»[57]. Перед партией и правительством «стоял лишь практический вопрос: каким путем осуществить эту революционную меру»[58]. Однако далее автор вдруг ставит вопрос: «Почему так необходимо было экспроприировать кулачество, ликвидировать его как класс?»[59]. Если ликвидация кулачества как класса — объективная закономерность строительства социализма, о чем только что говорил автор, то вопрос этот излишний. Уничтожение деревенской буржуазии, как и любого эксплуататорского класса, исторически обусловленно, ибо без этого невозможно создание нового, бесклассового общества. Р. Н. Кирееву следовало ответить на вопросы, почему именно на рубеже 20-х и 30-х гг. Коммунистическая партия перешла от политики ограничения и вытеснения к политике ликвидации кулачества и почему последняя была проведена преимущественно в форме прямой и насильственной экспроприации. Автор же основную причину ликвидации кулачества (объективную необходимость, историческую обусловленность) подменяет причинами, определившими специфику способа его лик-

---

[56] Н. В. Ефременков. Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства Урала (1917—1932 гг.). Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1969, стр. 40; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по претворению в жизнь ленинского учения о социалистическом преобразовании сельского хозяйства, стр. 98.

[57] Р. Н. Киреев. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса. (По материалам Южного Зауралья), стр. 224.

[58] Там же.

[59] Там же, стр. 225.

видации в нашей стране. Отвечая на поставленный им вопрос, Р. Н. Киреев приводит факты о том, что кулачество жестоко эксплуатировало бедноту и батрачество, совершало террористические акты против коммунистов и сельских активистов, бешено сопротивлялось колхозному движению, всем мероприятиям Коммунистической партии и Советской власти. Поэтому Советское государство и вынуждено было перейти к ликвидации кулачества как класса. Но это — неверное решение проблемы [60].

В последние годы внимание исследователей все более привлекает этап борьбы по принципу «кто — кого?» в городе, в промышленности и торговле Урала. Появились первые работы о претворении в жизнь ленинских идей об организации иностранных концессий на Урале и классовой борьбе на госкапиталистических предприятиях [61], о воспитании у рабочих социалистической дисциплины труда [62].

В ряде монографий и статей освещается идейная борьба по проблемам индустриализации и перспективного планирования развития хозяйства Урала, борьба с вредительством в промышленности [63], исследуется процесс социалистического преобразования кустарно-ремесленной промышленности и вытеснения из нее капи-

---

[60] См.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России, стр. 459, 460; Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР, стр. 223—225.

[61] А. В. Бакунин, В. Г. Гранин. В. И. Ленин о роли государственного капитализма в переходный период. (На примере организации концессий на Урале).— В кн.: В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала, вып. 1. Свердловск, 1970; В. Г. Гранин. В. И. Ленин об использовании буржуазного опыта и организации иностранных концессий на Урале.— В кн.: В. И. Ленин о социально-экономическом и духовном развитии социалистического общества. Свердловск, 1970; Ф. Ф. Ячменев. Начало деятельности английской концессионной кампании «Лена Голдфилдс лимитед» на Урале.— В кн.: Вопросы истории Урала. Сб. 8; З. А. Нургалин. О классовой борьбе на государственно-капиталистических предприятиях в годы нэпа.

[62] М. И. Чернышева. Деятельность партийных организаций Урала по воспитанию социалистической дисциплины труда в годы первой пятилетки.— В сб.: Из истории уральских и сибирских партийных организаций, вып. 4. Свердловск, 1970; С. С. Козьмин. Борьба партийных организаций Урала за укрепление трудовой дисциплины в промышленности в первые годы реконструкции народного хозяйства. 1926—1928 гг.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971; В. М. Куликов, С. С. Козьмин. Борьба коммунистов Урала за укрепление производственной дисциплины в процессе социалистического соревнования в 1926—1932 годах.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1972.

[63] В. В. Ножкин. Советы в борьбе за создание индустриальной базы на востоке страны (1925—1929 гг.).— В кн.: За победу социализма и коммунизма в СССР. Челябинск, 1963; Он же. Роль местных Советов в создании материально-технической базы социализма.— В кн.: Экономическая роль местных Советов Урала, вып. 4. Свердловск, 1970; П. Г. Матушкин. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966; В. М. Куликов. Из истории разработки перспективного плана развития хозяйства Урала (1926—1929 гг.).— В кн.: Из истории Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1966; А. В. Бакунин. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке. Свердловск, 1968; В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1928—1932.

талистических элементов [64], показана роль потребительской кооперации в борьбе с частным торговым капиталом [65].

Ценность работ А. В. Бакунина и В. Г. Гранина состоит в том, что в них раскрыты идеи В. И. Ленина об использовании буржуазного технического опыта и опыта организации концессий на Урале в целях возрождения уральской промышленности, показана организаторская деятельность вождя по практическому осуществлению разработанной им концессионной политики в первые годы нэпа, проведение ее на Урале партией, Советским правительством и местными партийными, советскими и хозяйственными органами в последующий период. Кратко охарактеризованы причины досрочного аннулирования концессионных договоров на Урале. На наш взгляд, авторы спорно трактуют ленинскую мысль о необходимости привлечения иностранной науки, техники и опыта специалистов «в форме концессий», «в своеобразной форме госкапитализма» [66]. Подобная формулировка дает повод считать, что авторы относят использование буржуазных специалистов и иностранную техническую помощь к формам госкапитализма, с чем согласиться нельзя.

В остальных работах вопросы борьбы с капиталистическими элементами рассматриваются не специально, а в связи с основной темой исследования. Поэтому освещаются они довольно лаконично, за исключением монографии П. Г. Матушкина, в которой более или менее обстоятельно показана борьба с оппортунистами и буржуазными специалистами по проблемам Урало-Кузбасса [67]. Однако во всех упомянутых работах содержится ценный фактический и теоретический материал. Так, в монографии В. Н. Зуйкова подчеркивается, что при разработке «Генерального плана хозяйства Урала» на 1927—1941 гг. [68], в составлении которого участвовали буржуазные специалисты, активные деятели «Промпартии» — Гассельблат, Крапивин, Соловов, Домбровский, — «как в фокусе отразилась

---

[64] П. Л. Елохов. Социалистическое преобразование мелкой и кустарной промышленности на Урале.— В кн.: Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; А. А. Сердюков. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926—1928 гг.).— В кн.: Вопросы истории Урала. Сб. 9. Свердловск, 1971; Он же. Деятельность Уральской партийной организации по вовлечению в социалистическое строительство кустарей и ремесленников в годы первой пятилетки.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1972.

[65] В. Н. Анцыгин, Н. А. Тараторкин. Деятельность Уральской партийной организации по усилению роли потребительской кооперации в вытеснении капиталистических элементов (1924—1925 гг.).— В кн.: В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала, вып. 2; В. М. Куликов, А. В. Савельев. Осуществление ленинских идей развития потребительской кооперации (на материалах Урала).— Там же.

[66] В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала, вып. 1, стр. 130, 131; В. И. Ленин о социально-экономическом и духовном развитии социалистического общества, стр. 223.

[67] См.: П. Г. Матушкин. Урало-Кузбасс, стр. 132—148.

[68] Генеральный план хозяйства Урала и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927.

борьба социалистической и буржуазной идеологий»[69]. Автор показывает, что «Генеральный план хозяйства Урала» был пронизан минимализмом, т. е. он намечал неоправданно заниженные темпы развития важнейших отраслей промышленности — тяжелого машиностроения, химии, энергетики, электротехнической промышленности; его методологической основой являлась пресловутая теория «затухающей кривой». Не случайно уже в те годы он был подвергнут серьезной критике[70].

В связи с этим ошибочным является утверждение В. В. Ножкина о том, что «Генеральный план хозяйства Урала» «сыграл в дальнейшем роль планово-экономической программы хозяйственно-культурного строительства на Урале, особенно в области индустриализации»[71]. В действительности названный проект при подготовке первого пятилетнего плана был коренным образом переработан. Поэтому вызывает удивление точка зрения экономиста М. Г. Митина, который характеризует «Генеральный план...» только в превосходных степенях и пытается отмести его правильную критику[72]. Совсем непонятна позиция Г. Я. Вершинина, который в брошюре «Михаил Ошвинцев» характеризует вредителя-промпартийца Гассельблата как прогрессивного деятеля, борца за индустриализацию Урала. С положительной стороны упоминаются и единомышленники Гассельблата по «Промпартии» Соловов и Крапивин[73]. С подобной беспринципной позицией нельзя мириться. Она вводит в заблуждение непосвященного читателя.

Большая группа работ уральских историков посвящена проблеме укрепления органов диктатуры пролетариата, оживления деятельности Советов, организационного и политического сплочения бедноты, анализу процесса политической борьбы в ходе перевыборных кампаний, показу роли Советов в проведении политики индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса[74].

---

[69] В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале, стр. 26.

[70] См.: К. Клименко. Пятилетний перспективный план Урала.— «Хозяйство Урала», 1929, № 4—5; IX Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск, 1929, стр. 318; В. С. Гулин. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития. М., 1930; Отчет Уральского облисполкома VII созыва. Свердловск, 1931, стр. 178.

[71] За победу социализма и коммунизма в СССР, стр. 134.

[72] См.: М. Г. Митин. Из истории организации планирования народного хозяйства на Урале.— В кн.: Вопросы экономической истории и экономической географии, стр. 84—87.

[73] См.: Г. Я. Вершинин. Михаил Ошвинцев. Свердловск, 1971, стр. 40, 57—69.

[74] А. А. Петерюхин. Укрепление союза рабочего класса с крестьянством на Урале в ходе выборов Советов в конце восстановительного периода.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала, Казахстана и Узбекистана. Свердловск, 1963; Он же. Деятельность Уральской парторганизации по улучшению работы Советов в деревне в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.).— В сб.: Из истории партийных организаций Урала, вып. 1. Свердловск, 1964; Л. П. Сашенкова. Деятельность Уральской партийной организации по оживлению работы сельских Советов (1924—1925 гг.).— В кн.: Вопросы истории, эко-

А. А. Петерюхин и Л. П. Сашенкова обрисовали экономическую и политическую обстановку в уральской деревне в конце восстановительного периода, обострение классовой борьбы, усиление колебаний середняка и меры партийных организаций по перестройке и оживлению работы сельских Советов, проанализировали результаты повторных выборов в Советы весной 1925 г. и избирательной кампании 1925/26 г. Следует заметить, что оба автора, особенно Л. П. Сашенкова, характеризуя преимущественно положительные итоги выборов сельских Советов в 1926 г., недооценивают роль отрицательных моментов в их проведении.

Часть работ И. Е. Плотникова проанализирована в историографических обзорах. Со своей стороны отметим, что в его статьях процесс укрепления органов диктатуры пролетариата в деревне, улучшения социального и партийного состава сельских Советов Урала прослежен на всем этапе построения фундамента социализма. Наибольшее внимание автор уделяет организации и проведению выборов в Советы, начиная с частичных весенних 1925 г. и кончая кампанией 1930—1931 гг. Он показывает накал классовой борьбы во время перевыборов, приемы и методы, которые применяло кулачество в целях овладения Советами, пытается в ряде случаев выяснить изменение тактики классового врага. В целом интересные и содержательные работы И. Е. Плотникова не лишены некоторых недостатков. В них слабо отражена руководящая роль партийных организаций, они не дают полного представления о том, как изменялась тактика кулачества от одной перевыборной кампании к другой. По нашему мнению, автор впадает в противоречие при характеристике состояния сельских Советов в 1929 г. С одной стороны, он говорит о больших положительных результатах выборов Советов зимой 1929 г., о значительном их укреплении[75]. С другой, при обосновании необходимости досрочных частичных перевы-

---

номики и философии, вып. 40. Челябинск, 1969; И. Е. Плотников. Укрепление местных Советов на Урале в период коллективизации.— В кн.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Он же. Из истории борьбы местных Советов Урала за развертывание массовой коллективизации (осень 1929 — зима 1930 гг.).— В кн.: Вопросы экономической истории и экономической географии; Он же. Выборы в Советы Уральской области в 1930—1931 гг.— В кн.: Вопросы истории Урала. Пермь, 1966; Он же. К вопросу об укреплении сельских Советов Урала на первом этапе сплошной коллективизации.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; Он же. Выборы в сельские Советы Урала в 1928—1929 гг.— В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967; Он же. Досрочные частичные выборы в Советы Уральской области в 1930 г.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. 3. Челябинск, 1969; В. В. Ножкин. Перевыборы Советов и подъем политической активности трудящихся масс на Урале в период индустриализации.— В «Сборнике аспирантских работ по вопросам государства и права». Свердловск, 1962; Он же. Роль местных Советов в создании материально-технической базы социализма.— В кн.: Экономическая роль местных Советов Урала, вып. 4; Г. А. Лимонов. Работа партийных организаций Урала среди деревенской бедноты (1926—1929 гг.).— В сб.: Из истории большевистских организаций Урала, вып. 33. Свердловск, 1960.

[75] См.: Историческая наука на Урале за 50 лет, стр. 167—171.

боров весной 1930 г. дает сельским Советам чрезмерно негативную оценку[76]. Нам думается что подобная оценка низовых Советов некритически позаимствована И. Е. Плотниковым из документов руководящих советских органов области того периода, когда проводился неправильный курс на форсирование темпов коллективизации (декабрь 1929 — февраль 1930 г.).

В статьях В. В. Ножкина характеризуется состояние и процесс укрепления органов власти и в городах. Автор показывает перевыборы городских Советов в 1926—1929 гг., улучшение их социального состава, вовлечение в их деятельность широкого рабочего актива. Он правильно подчеркивает особое значение выборов 1929 г., состоявшихся накануне перехода к наступлению социализма по всему фронту, однако в полной мере не раскрывает этого вопроса. Не оттеняются также специфические особенности каждой избирательной кампании, преувеличиваются результаты политической изоляции классового противника в ходе выборов Советов в 1929 г., утверждается, что они прошли «при полной изоляции частнокапиталистических элементов города и деревни», что «все члены вновь избранных Советов были выходцами из трудового народа»[77]. На самом деле среди депутатов-крестьян сельских Советов после выборов 1929 г. 3,8% составляли зажиточные, в том числе кулаки[78].

Историки партии в последние годы активно изучают проблемы укрепления единства рядов коммунистов Урала, их борьбу за генеральную линию партии против оппортунистов-троцкистов, зиновьевцев, правых уклонистов в период построения фундамента социализма. Комплекс этих вопросов освещается как в специальных статьях[79], так и в общих работах[80]. Исследование ведется по сле-

---

[76] См.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале, стр. 251—254; Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. 3, стр. 44—54.

[77] Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права, стр. 28, 31; Экономическая роль местных Советов Урала, стр. 39.

[78] См.: Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета СРКК и КД VI созыва. Свердловск, 1929, стр. 15, 16.

[79] В. М. Куликов. Борьба парторганизаций Урала за единство партии в 1926—1927 гг.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960; В. Зуйков, В. Куликов. Борьба партийных организаций Урала с правыми оппортунистами в 1928—1930 годах.— В кн.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1962; В. М. Куликов, В. А. Швечикова. Рост и улучшение качественного состава рядов Уральской областной партийной организации в 1926—1932 гг.— В сб.: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971; Д. Д. Маковкин. Из истории борьбы партийных организаций Южного Урала с троцкизмом в 1926—1927 гг.— «Тр. Челябинск. политехническ. ин-та», 1962, вып. 3; Он же. За единство партийных рядов (1926—1930 гг.).— В кн.: За победу социализма и коммунизма в СССР; Н. Ф. Плотников. Идейно-организационное поражение троцкистско-зиновьевской оппозиции на Урале в период партийной дискуссии 1927 года.— В кн.: Вопросы развития социалистического общества. Свердловск, 1971; Он же. Борьба коммунистов Урала за укрепление ленинского единства своих рядов (1926—1927 гг.).— В сб.: Из истории Нижнего Тагила. Нижний Тагил, 1972.

[80] В. М. Куликов. Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации (1926—1929 гг.).— В кн.: Социалисти-

дующим направлениям: рост и улучшение качественного состава партийных рядов, усиление их рабочего ядра, генеральная чистка партии 1929 г.; социальная база «левого» и правого оппортунизма на Урале, социальный состав троцкистско-зиновьевских групп; этапы борьбы с «новой оппозицией» и троцкистско-зиновьевским блоком, ход и результаты общепартийной дискуссии в Уральской организации накануне XV съезда ВКП(б), проведение в жизнь резолюции съезда «Об оппозиции»; общие тенденции и особенности проявления правого уклона на Урале, формы и методы борьбы партийных организаций с правым оппортунизмом. Нельзя не высказать претензий к авторам соответствующих глав очерков истории Пермской, Челябинской и Тюменской областных партийных организаций, ибо борьба с антипартийными течениями и группами не нашла в этих работах должного освещения.

Таковы итоги изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма. Они свидетельствуют о том, что историками проделана значительная работа по исследованию довольно широкого круга проблем этой сложной темы. Однако не все вопросы освещены в одинаковой степени. Одни еще, по существу, не изучались, другие только начали разрабатываться, третьи нуждаются в дальнейшем, более полном либо более углубленном, исследовании.

Какие же задачи стоят перед историками Урала в этой области научных изысканий?

В первую очередь, необходимо выяснить изменение классовой структуры городского и сельского населения Урала за период построения фундамента социализма по определенным рубежам: 1925—1927—1929—1932 гг. Эта задача трудная, но применение новой методики (например, математических методов определения социальной структуры деревни, которые предлагают некоторые исследователи из Москвы и Новосибирска), представляет возможность для ее решения.

На опыте концессии «Лена Голдфилдс лимитед», одной из крупнейших в нашей стране, историки должны раскрыть формы и методы партийной и профсоюзной работы, а также классовой борьбы на госкапиталистических предприятиях. Это внесет определенный вклад в уяснение социально-экономического характера госкапиталистических предприятий.

Почти нетронутой предстает проблема организации коммунистами Урала наступления на частнохозяйственный капитализм

ческое строительство на Урале; Он же. Партийная организации Свердловска в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926—1929 гг.) — В кн.: Коммунисты Свердловска во главе масс. Свердловск, 1967; В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926—1932; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917—1967. Челябинск, 1967; Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971.

в промышленности, в том числе в кустарно-ремесленной, и торговле и его полного вытеснения в реконструктивный период. Обстоятельное освещение этого вопроса на материалах Урала окажет существенную помощь в дальнейшей разработке проблемы периодизации нэпа и его завершающей стадии. Историкам края предстоит дать аргументированное объяснение того факта, что на Урале вытеснение частнохозяйственного капитализма из всех сфер экономики шло значительно быстрее, чем в целом по стране.

Ждут исследователей такие проблемы, как борьба с вредительством в промышленности Урала, вовлечение старых специалистов в строительство социализма; необходимо дальнейшее всестороннее изучение деятельности партийных, профсоюзных, комсомольских организаций области по воспитанию у рабочего класса социалистической трудовой дисциплины.

Должно быть продолжено и изучение истории классовой борьбы в уральской деревне, в частности вокруг кооперативно-колхозного движения до начала массовой коллективизации. Еще совсем не показаны работа партийных организаций среди батрачества, создание и деятельность групп бедноты в колхозах, не была предметом специального исследования борьба партийных организаций за воспитание социалистической дисциплины труда у колхозников, хотя она и затрагивается в статьях, посвященных организационно-хозяйственному укреплению колхозов в 1930—1932 гг. Нуждается в уточнении периодизация ликвидации кулачества как класса на Урале, в более обстоятельном освещении — история борьбы с кулачеством на хлебозаготовительном фронте в 1925—1930 гг., а также во время выборов Советов.

Внимания историков Урала, безусловно, требует и такая важная проблема, как борьба с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией на этапе развернутого строительства социализма.

При освещении внутрипартийной борьбы на Урале историкам надлежит показать работу партийных организаций по повышению идейно-политического уровня коммунистов, что необходимо было для разгрома антипартийных групп, преодоления национал-уклонистских тенденций в отдельных организациях, особенно в Коми-Пермяцкой (этот вопрос совсем не освещен в литературе); надлежит раскрыть борьбу с контрреволюционным троцкизмом после XV съезда ВКП(б), против его враждебных действий в политической области и идеологических диверсий, в том числе попыток извратить историю партии и ее местных организаций.

Решение этих задач позволит создать обобщающую работу, в которой все основные проблемы классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма будут рассмотрены в комплексе, в неразрывной связи с событиями и процессами, развертывавшимися в стране. Это, в свою очередь, принесет несомненную пользу в изучении опыта классовой и внутрипартийной борьбы в СССР в переходный от капитализма к социализму период.

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА УРАЛЕ
1917—1932 гг.

Редактор А. С. Торощина
Технический редактор Л. П. Чистякова
Корректор Г. Я. Шаламова

Сдано в набор 20/VII 1973 г. Подписано к печати 31/X 1974 г. Заказ № 316.
Тираж 600 экз. Усл. печ. 9,5 л. Уч.-изд. 10 л. НС 31308. Цена 1 руб.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. М. Горького.
Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

№ 316.
1 руб.

49.

Цена 1 руб.